

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

K-14038

ISSN 0453-8048

ПЗ26673

**ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ**

№ 406

**ПРОБЛЕМИ МОВИ,
МОВЛЕННЄВОЇ
ДІЯЛЬНОСТІ
ТА ВИКЛАДАННЯ
ІНОЗЕМНИХ МОВ**

Харків
ВИДАВНИЦТВО
«КОНСТАНТА»
1998

2-50

Ученый Совет факультета иностранных языков
Харьковского государственного университета
объявляет о начале работы
специализированного Совета
по защитах кандидатских диссертаций
по специальности 10.02.04 — германские языки
при факультете иностранных языков ХГУ.

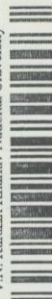
Законченные кандидатские диссертации
принимаются к рассмотрению по адресу:
310077 г. Харьков, пл. Свободы, 4. Университет.
Факультет иностранных языков.
Справки по тел.: (0572) 45-71-05; (0572) 45-72-47

«КОНСТАНТА»

1998

V.N. Karazin Kharkiv National University

00266760

3

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ISSN 0453-8048

№ 406

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

Заснований у 1965 р.

ПРОБЛЕМИ МОВИ, МОВЛЕННЄВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ТА ВИКЛАДАННЯ ІНОЗЕМНИХ МОВ

КОНСТАНТА

Харків

1998

УДК 800

Ответственный редактор
Редактор
Художественное оформление

И.С. Шевченко
Л.П. Зябченко
Г.П. Ульянич

Видається згідно з рішенням Вченої Ради факультету іноземних мов Харківського державного університету від 22.05.98.

У цей збірник увійшли роботи, що були представлені на науковій конференції факультету іноземних мов Харківського держуніверситету в лютому 1998 р. У статтях цього вісника розглянуто актуальні проблеми романо-германської філології, системи мови та комунікативної діяльності представників лінгвокультурних спільнот: питання прагматики в міжкультурному та історичному аспектах, питання соціо- та психолінгвістики, когнітивної лінгвістики, мовної картини світу, а також питання оптимізації викладання іноземних мов. В цьому віснику започаткована нова рубрика "З наукової спадщини", яка містить неопубліковані сторінки з творчого спадку Б.Й.Роговської та Б.С.Хаймовича. Для лінгвістів-науковців, викладачів, аспірантів та пошукачів.

Редакційна колегія: І.С. Шевченко (відп. редактор),
О.І. Давидов, В.А. Дмитренко,
А.Г. Дородних, В.І. Говердовський,
В.І. Каравашкін, О.Д.Нефьодова (секр.),
В.Г. Пасинок, О.В. Тарасова,
Л.М. Черноватий, В.О. Ужик.

Адреса

редакційної колегії: Україна, 310007, Харків, пл. Свободи,4,
Харківський державний університет,
факультет іноземних мов.
Тел.: (0572) 45-75-04.

ISBN 966-7309-11-8

Copyright © Харківський державний університет, 1998
Copyright design © "КОНСТАНТА" 1998
Copyright cover © "КОНСТАНТА" 1998

Ж-14038

326643

К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ “МАРКЕР” И “ИНДИКАТОР” ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ КВЕСИТИВОВ

В работах большинства современных прагмалингвистов, посвященных проблемам реализации речевых актов, наблюдается синонимичное употребление понятий “маркер” и “индикатор”, под которыми понимаются “лингвистические выражения, используемые для сигнализации отношения высказывания к непосредственному контексту” (Redeker 1990:372). Термином “индикатор”, например, оперируют Д.Сёрль, Д.Остин, Д.Вундерлих, О.Г.Почепцов, термин “маркер” используют Д.Болинджер, Д.Шиффрин, Г.Редекер.

Диахроническое исследование квеситивов немецкого и английского языка позволило внести коррективы в толкование данных понятий. Основанием для этого послужило выделение среди эксплицитных (прямых) квеситивов группы гиперэксплицитных квеситивов, которая характеризуется избыточным выражением иллокутивной силы спрашивания. Такие квеситивы имеют двойную экспликацию: во-первых, они реализуются во-просительной структурой, во-вторых, они сопровождаются лексико-синтаксическими элементами, которые выражают либо побуждение к ответу, либо состояние когнитивного дефицита говорящего, т.е. один из двух основных признаков данного речевого акта. Такие элементы мы называем маркерами вопросительности и рассматриваем как речевые акты, сопутствующие квеситиву и образующие вместе с ним составной речевой акт, члены которого находятся в прагматическом отношении способствования (Карабан 1989:23):

(1) - Tell me. Are you going to have a party?

- No. (Pinter)

(2) - All I want to know is, is there any post for me?

- I sent it on to your mother's. (Hampton)

(3) - And who, may I ask, is Freddie?

- He was our chauffeur... (Brand)

(4) - Wie alt sind Sie, wenn ich fragen darf?

- 68. (Strauß)

(5) - Ich weiß nicht, was raten Sie mir? Soll ich vielleicht frecher auftreten?

- Du stellst jetzt etwas sehr Unwahrscheinliches dar. (Strauß)

(6) - Es würde mich zum Beispiel interessieren: wurden eigentlich in Olympia auch geistige Wettkämpfe ausgetragen?

- Da bin ich momentan überfragt. (Strauß)

Данные элементы не были объектом специального внимания исследователей, но описывались в некоторых работах, посвященных анализу вопросительного предложения английского языка. Так, их называют гиперхарактеризующими структурами (Невзорова 1984), интродукторами вопроса (Королькова 1981:11). Термин "интродуктор" представляется неточным в силу того, что данные элементы могут не только "вводить" квеситив, но и следовать за ним (4) или находиться в интерпозиции (3).

Поскольку данные элементы служат средством интенсификации вопросительности (Маликова 1989:15), их можно считать интенсификаторами или сенсibiliзаторами иллокутивной силы спрашивания и адаптации прагматической силы высказываний (Киселева 1978:13; Старикова 1985:71).

Термин "маркер вопросительности" используется нами исходя из традиционного понятия маркирования: "Контрастирующие пары, которые находятся на определенном уровне в парадигматическом отношении друг к другу, могут быть подразделены на маркированный и немаркированный элементы. Немаркированный элемент - более нейтральный, более общий, имеет более широкую дистрибуцию, чем маркированный" (Lyons 1972:81). "Элементы, отклоняющиеся от нормального проявления, являются маркированными; под этим имеется в виду более сильная формальная характеристика, более сложная семантическая структура [...] и менее частая употребляемость" (Conrad 1985:146).

В рассматриваемых примерах маркированным членом бинарной оппозиции является гиперэксплицитный квеситив, немаркированным - эксплицитный. Признаком, который выражается или не выражается в оппозиции, является экспликация побудительного или когнитивного аспекта иллокутивной силы спрашивания. По объему различительной силы данная оппозиция является не постоянной, а нейтрализуемой, поскольку она различается не во всех позициях: в случае реализации косвенного экспрессива или директива (7), выраженного вопросительной конструкцией, данная оппозиция теряет смысл, т.к. иллокутивная сила спрашивания, эксплицируемая маркером вопросительности, не является доминирующей:

(7) - *Sagen Sie mir doch, ist meine Tür so heißig, daß Sie sich fürchten bereinzukommen?* (Lenz)

Перенос с учения о бинарных оппозициях со структурологического уровня на прагматический кажется нам оправданным, поскольку, во-первых, это учение было разработано на уровне фонологии, а затем перенесено на морфологический уровень, а, во-вторых, оно было в дальнейшем модифицировано Н.Хомским и М.Галле в рамках генеративной грамматики. Понятие маркера было заимствовано у Пражской школы и социолингвистами, обозначающими этим термином один из видов социолингвистических переменных. Р.Белл различает среди них индикаторы, обладающие признаком социальной стратификации, но не подверженные стилисти-

ческому варьированию, стереотипы, не связанные с социальными факторами, но подверженные стилистическим сдвигам, и маркеры, которым присуще и индексальное значение социально-экономической группы, и стилистическое варьирование (Белл 1980:55). Рассматриваемые элементы, с социалингвистической точки зрения, можно отнести к маркерам, поскольку они коррелируют с принадлежностью к определенному социально-экономическому классу, выполняя социально-регулятивную функцию при реализации квеситива, и варьируют от небрежных до этикетных форм.

Опираясь на данное положение Р.Белла, мы разграничиваем маркеры иллюкутивной силы спрашивания и ее индикаторы, к которым мы относим структуру вопросительного предложения, модальные частицы (*vielleicht* в примере (5)) и глаголы (*soll* в примере (5)), английские неопределенные местоимения (*any* в примере (2)). Данные элементы являются индикаторами отчасти потому, что, обладая признаком социальной стратификации, они не подвержены стилистическому варьированию, т.е. в одинаковой мере присущи всем стилям речи.

Индикаторами иллюкутивной силы спрашивания являются также контекст и выводимая из него перформативная формула *Ich frage dich hiermit // I ask you*. Индексировать квеситив помогают и локуции, содержащие сему спрашивания, в про- или ретроспективном контексте речевого акта за пределами речевого хода, что иллюстрируется употреблением глагола *überfragt* в примере (6).

Функциональная нагрузка индикаторов иллюкутивной силы спрашивания проявляется в том, что речевой акт с их помощью оформляется говорящим и воспринимается слушающим именно как квеситив. Функции маркеров вопросительности значительно шире. Основной из них является функция стимулирования говорящего к ответу, усиления иллюкутивной силы спрашивания квеситива. По нашим данным, они могут выполнять также ограничительную (2), экспрессивную (5), этикетную (3, 4, 6) и социально-регулятивную функции. Последняя имела очень большое значение в речи 16-18 вв.: биосоциальные различия коммуникантов (т.е. различия по полу, возрасту, социальным признакам, степени знакомства или родства) оказывали большее влияние, чем в современный период, на характер функционирования маркеров вопросительности. При этом он является различным в исследуемых языках.

В английском языке 16-18 вв. выбор маркера говорящим зависит от соотношения статусов его и адресата. Так, маркеры *prithoe, discuss, say, speak, tell, answer, let me hear/see/know* являются либо нейтральными в плане ликовоздействия, либо адресатно-ликоповреждающими (Карабан 1989:83). Маркеры *I pray, I beseech* употреблялись нейтрально или в ситуации ликоповышения.

В немецком языке социально-регулятивная функция маркеров вопросительности проявляется на уровне грамматики: одна лексема функционирует в разных грамматических формах (*sag - sagst - thu sagen, thut sagen*

и т.п.), поэтому говорящий выбирает не сам маркер, а нужную ему грамматическую форму.

В 20 в. социально-регулятивная функция маркеров вопросительности выступает во взаимосвязи с их этикетной функцией. В современном языке многие маркеры вопросительности употребляются в качестве единиц речевого этикета: *Können/würden Sie mir (bitte) sagen, Ich hätte eine Frage* // *I might like to know, If you don't mind my asking* и т.п. Некоторые английские маркеры, употреблявшиеся в 16-18 вв. только как ликоповреждающие, в 20 в. могут функционировать и в ситуации ликоповышения, имея этикетную форму: *would you mind telling me, Could you tell me, Would you answer my question*.

Развитие маркеров вопросительности характеризуется процессом упрощения их структуры и сужением инвентаря реализующих их конструкций. В количественном отношении употребление маркеров вопросительности в обоих исследуемых языках 20 в. значительно сокращается по сравнению с 16 в.: с 41% до 6,2% от общего количества квеситивов в немецком языке и с 21,3% до 2,5% в английском.

Таким образом, разграничивая термины "маркер" и "индикатор", мы исходим из понимания "маркера" как выделителя, как средства выделения одного из двух членов оппозиции, а "индикатор" рассматриваем как показатель, на основании которого можно судить о принадлежности конкретной языковой единицы к какому-либо классу единиц, в нашем случае, о принадлежности речевого акта к классу квеситивов.

Литература.

1. Белл 1980: Белл Роджер Т. Социолингвистика. - М.: Международные отношения, 1980.
2. Карабан 1989: Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асидентических полипредикативных образований. - Киев: Вища школа, 1989.
3. Киселева 1978: Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. - Л.: ЛГУ, 1978.
4. Королькова 1981: Королькова И.А. Семантико-синтаксические свойства вопросительных предложений (на материале английского языка): Автореферат диссертации ... канд. филол. наук. - М., 1981.
5. Маликова 1989: Маликова Е.А. Вопросительное предложение: номинативные и коммуникативные аспекты (на материале английского языка): Автореферат диссертации ... канд. филол. наук. - Киев, 1989.
6. Невзорова 1984: Невзорова Г.Д. Развитие вопросительных высказываний в английском языке: Автореферат диссертации ... канд. филол. наук. - Л., 1984.
7. Старикова 1985: Старикова Е.Н. Проблемы семантического синтаксиса. - Киев: Вища школа, 1985.
8. Conrad 1985: Conrad R. [Hrsg.] Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. - Leipzig: Bibliographisches Institut, 1985.
9. Lyons 1972: Lyons J. Einführung in die moderne Linguistik. 2. Aufl. München, 1972 (Engl. Original 1968).
10. Redeker 1990: Redeker G. Intentional and Pragmatic Markers of Discourse Structure // Journal of Pragmatics, 1990. - Vol. 14. - No 3, p.367-381.

ЛАТЕНТНАЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ СЕМА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ "ТЕПЛОЙ" КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс познания действительности индивидуумом находит отражение в самых разных гносеологических структурах. Одной из них является так называемая картина мира. В настоящее время философия и языкознание признают две основных формы ее существования: концептуальную и языковую. Концептуальная модель мира (КММ), то есть довербальная разновидность картины мира, определяется как сумма знаний и представлений о мире, упорядоченная в сознании и подсознании человека по объективным и субъективным основаниям и объединенная в интегральную схему (Кубрякова 1988: 141). Под концептами, составляющими КММ, в данном случае понимаются разноуровневые единицы оперативного сознания: представления, образы, понятия, а также известные схемы действия, поведения и т.п.

Далеко не все концепты подвержены процессу вербализации, так что переход от КММ в языковую картину мира не происходит автоматически. Часть концептов остается в форме схем, стереотипов и представлений, воплощенных в поведенческих моделях. Количество таких концептов, однако, мало по сравнению с числом концептов двух других видов.

Первый из них, тип так называемых абстрактных концептов, то есть реалий действительности, опосредованных в сознании абстракциями, вербализуется в виде категорий. На второй тип концептов, условно характеризуемых как вещественные, язык оказывает непосредственное воздействие, они имеют более или менее вещественный референт - состояние, событие, предмет, но не абстрактное понятие.

В языковой картине мира КММ реализуется, прежде всего, в виде лексического поля, где корреляция между концептами и языковыми формами проявляется достаточно эксплицитно. Особый интерес такие корреляции представляют, например, в лексическом поле темпоральности, являющемся объектом рассмотрения в данном исследовании. Это связано с тем, что согласно утверждениям ряда лексикографов английского языка, в частности З.Н.Вердиевой, в этом поле, в отличие от пространственного, число корреляций с вещественными концептами ничтожно мало. Действительно, состояний, процессов, событий и в особенности предметов, ассоциирующихся со временем, на первый взгляд, совсем немного.

Данный тезис, однако, был сформулирован без учета того факта, что картина мира, реализуемая в таких концептах, - структура формирующаяся в рамках мировоззренческой парадигмы индивидуума, в данном случае, его субъективно-объективного восприятия окружающего. Преобладание объективного в когнитивном процессе обуславливает построение научной

или "холодной" картины мира (ХКМ); субъективный способ познания действительности предусматривает формирование картины мира, характеризовой А.Ю.Цофнасом как "теплая" (ТКМ) (Цофнас 1995: 6).

В рамках ТКМ малое число вещественных концептов, вербализуемых в виде конкретных языковых форм, например, имен существительных, оказывается вопросом далеко не однозначным. С одной стороны, имена существительные, референт которых имеет непосредственное отношение к времяисчислению, типа *alarm-clock* или *hour*, действительно, едва ли насчитывают несколько десятков. С другой стороны, существование таких лексем, как *schedule*, *speed*, и т.п., может стать основанием для предположения о наличии темпоральной семы в смысловом комплексе нетемпоральных имен существительных.

Лексико-семантическая структура таких имен существительных имеет сложный характер. Главным ее свойством является двухкомпонентность, основанная на лексической дихотомии нерефлексивных и рефлексивных сем (Вердиева 1986). Носителями первых, как правило, являются номинанты предметов и событий, носителями вторых - названия состояний и абстракций высшего порядка. Субъективизированная парадигма мировосприятия в рамках ТКМ обуславливает смещение смысловой нагрузки в семантической структуре лексем в сторону рефлексивного компонента, в данном случае, темпорального. Таким образом, семантика ряда имен существительных представляет собой структуру, в которой на архисему, коррелирующую с вещественным концептом КММ, экстраполируется рефлексивная темпоральная сема как в существительном типа *chronicle*. Семантическая структура существительного несколько более усложняется в случае, когда архисема имени существительного также имеет рефлексивный характер. Напомним, что второй тип вербализуемых концептов КММ имеет среди референтов не только события и предметы, но и состояния как в лексеме *youth*, например. Здесь на архисему *'the stage of final formation of organism'* накладывается темпоральная *'time between childhood and maturity'*.

Таким образом, темпоральная сема этого типа может быть определена как семантический компонент, несущий значение длительности, периодичности, отнесенности к точке отсчета времени и т.п., выявляющаяся при словарном толковании ее носителя, либо в контекстном употреблении, когда возникает явление темпорального "погружения" имени в контекст (Бондаренко 1994). Способ функционирования данной темпоральной семы позволяет характеризовать ее как латентную.

В то время, как контекстные проявления латентной темпоральной семы типа ТПИК уже достаточно изучены, ее реализация в семантических полях требует подробного рассмотрения.

Несомненно, что тезис о словарном толковании носителя латентной семы вызывает вопрос, по крайней мере, о достоверности исследования такого рода. Решение этой проблемы может осуществляться по двум сле-

дующим направлениям. Первое заключается в опросе информантов, что составляет сложность при проведении исследования вне языковой среды. Второе состоит в сравнительном анализе современного словарного материала, то есть сопоставлении определений существительных-носителей латентной темпоральной семы. Так, например, лексема *abeyance* в Current English Dictionary версии Хорнби определяется как '*condition of not being in force for a period of time*', а в версии Oxford Advanced Student's Dictionary как '*not being in force or use for a time*'. Из сравнения очевидно, что темпоральная сема действительно является компонентом семантики приведенного имени существительного и некоторая субъективность, всегда присутствующая в определении лексемы, для выявления латентной семы в семантическом комплексе не релевантна.

Наличие семы рассматриваемого типа в значении ряда имен существительных предполагает обозначение лексических категорий, в которых она обнаруживается наиболее часто. Их систематизация тем более важна, что степень выраженности латентной темпоральной семы, вероятно, напрямую зависит от типа архисемы лексической единицы. Так, рефлексивная архисема состояния обуславливает проявление темпоральной семы в значительно большей степени, чем нерефлексивная предметная, так как состояние всегда предполагает сценарность или временную определенность. В связи с этим классификация данных имен существительных может быть упорядочена по признаку латентности темпоральной семы, где первые позиции могут занимать имена существительные с архисемами состояния, близкими к темпоральной, а последние - с предметными, "наименее" темпоральными.

Естественно, что степень латентности может быть принята лишь с достаточной долей условности, так как темпоральность в рамках ТКМ является качественным критерием, обусловленным особым типом мировосприятия человека.

Таким образом, к первой лексической группе можно отнести имена существительные, называющие состояния, косвенно связанные с временными показателями: *vintage* '*a period of grape harvesting or a state of wine being kept for high quality since a certain year*', *stamina* '*capacity for resisting fatigue or disease for a long time*', *alibi* '*a plea of being somewhere else at the time of a crime*', *fashion* '*a style of clothes worn at a particular period*', *truce* '*stop of fighting for a time*', *regency* '*the period of office of a regent*' и т.п.

Следующая группа, довольно близкая первой, это так называемые "биостатические" существительные типа: *life*, *adulthood*, *maturity*, *adolescence*, *youth* и т.п.

Третья группа может быть условно названа "событие, имеющее четкое временное ограничение, или способ проведения времени". Это *session* '*time occupied by discussions of law-court or law-making body*', *spree* '*having lovely time*', *service* '*time spent in army or prison*', *school* '*time of lessons*', *respite* '*delay of punishment*', *pursuit*, *occupation*, *festival*, *harvest* и т.п.

Четвертая лексико-семантическая группа имен существительных открывает их наиболее многочисленный тип: существительные с предметной архисемой. Латентная темпоральная сема в четвертой группе представлена семой периодичности в единицах типа: *scholarship, salary, review, annuity, wages* и т.п.

Пятая группа - имена существительные с предметной архисемой и латентной семой относительной темпоральности (то есть релевантности к настоящему, прошедшему или будущему) типа: *relic* 'something from the past that serves to keep memory alive', *record* 'facts known about the past of a person or something', *story* 'account of past events', *backnumber* 'issue of newspaper, now out of date', *seer* 'person claiming to see into the future', *adage* 'old and wise saying' и т.п.

Шестая группа существительных называет предметы, относящиеся к времяисчислению, типа: *horoscope, Aquarius* и вообще, названия знаков зодиака как обозначения времени рождения *schedule, clock, calendar, horology* 'art of designing and constructing clocks' и т.п.

Замыкает эту, на наш взгляд, далеко не исчерпывающую классификацию седьмая группа имен существительных. Ее составляющие имеют самые разные предметные архисемы, объединенные однако, единой латентной темпоральной семой временности. Это существительные типа: *call* 'short visit to a house', *purgatory* 'any place of temporary suffering', *lodge* 'country house for a temporary use', *pop* 'most popular record during a given period of time', *protege* 'person to whom another gives protection and help usually over a long period', *loan, debt* и т.п.

Таким образом, при некотором изменении точки зрения на лексический состав языка, который оказывается возможным благодаря применению концепции противопоставления "холодной" и "теплой" картин мира, структура поля темпоральности английского языка приобретает очертания отличные от традиционных. Это открывает новые перспективы для изучения, на первый взгляд, уже глубоко исследованных лингвистических проблем, а также способствует разяснению структуры языковой картины времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова 1988: Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. - М.: Наука, 1988. - С. 128-160.
2. Цофнас 1995: Цофнас А.Ю. Компліментарність світогляду і світорозуміння // Філософська і соціологічна думка. - 1995. - № 1-2. - С. 5-22.
3. Вердиева 1986: Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке. М.: "Высшая школа", 1986.
4. Бондаренко 1994: Бондаренко Е.В. Темпоральные отношения имени и глагола в предложении и тексте (на материале английского языка): Автореф. дисс. канд. филол. наук. - Нижний Новгород, 1994.

MITTEL ZUM AUSDRUCK DER INTENSITAET IN RAHMEN DER KATEGORIE DER QUALITAET IN DEUTSCHEN APHORISMEN

Dieser Artikel ist solcher Erscheinung in der Sprache wie Universale Phrasen gewidmet. Unter dem Begriff "Universale Phrasen" werden generalisierte Ausdrücke gemeint, die wissenschaftliche Wahrheit oder eine Lebensklugheit enthalten. Die logische Grundlage der universalen Phrasen ist eine allgemeine Meinung, ein zusammengefasster verallgemeinerter Satz.

Auswahl des Themas ist durch fast voellige Unerforschtheit der universalen Phrasen bedient, was zum semantisch-syntaktischen Gebiet der Generalisierung gehoert.

Zum Ziel der Erforschung wurde Beschreibung der Mittel zum Ausdruck der Intensitaet im Rahmen der Kathegorie der Qualitaet.

Zuerst ist hier zu bestimmen, was eigentlich die Universalen Phrasen sind. Die universalen Phrasen umfassen Ausdrücke sowohl vom wissenschaftlichen Charakter als auch Denksprüche wie Sentenzen, Aphorismen, Sprichwoerter. Die universalen Phrasen sind Ansprueche, die eine verallgemeinerte Schlussfolgerung enthalten ueber eine Reihe im wesentlichen geeinter und gesetzmaessig oder typisch wiederholender Beziehungen zwischen Objekten der physischen oder sozialen Realitaet.

Unter der Universalitaet der Phrase wird ihre Allgemeinheit gemeint, d.h. es kann in bezug auf jede Gegenstandsklasse anwendbar sein als auf einen objektiven Wahrheitsausdruck der Eigenschaften dieser Klasse. Universalitaet ist eine implizierte Begriffsgrundlage, auf der alle Arten der universalen Phrasen gebildet werden. Das ist eine invariante Bedeutung, die in einem System verschiedene semantische Varianten der universalen Phrasen vereinigt.

Der Generalisierungsgrad einer Aussage wird durch die Kategorie der Qualitativitaet ausgedrueckt. Diese Kategorie ist obligatorisch fuer jeden Aphorismus, weil Aphorismen eine bestimmte Gesetzmaessigkeit in sich enthalten und generalisierte Ausdrücke sind. Kategorie der Qualitaet wird in Aussagen durch Quanten ausgedrueckt - die speziellen Operatoren, die den Generalisierungsgrad ausdruecken und Ihre Explikation in Aphorismen in der Form der Quantumwoerter haben (immer, alle, ueberall usw.)

In Vorsatzen ist der Mensch immer gross. Im Ausfuehren nicht (Remarque:219)
Nur der Unglueckliche kennt das Glueck (Remarque:349)

Laut je.Sytschowa (Mogilev,) gibt es neben diesen Quantumwoerter im Aphorismus solche Mittel zum Ausdruck wie

* Intensifikatoren- spezielle lexische Mittel, die zum Ausdruck der Merkmalverstaerkung, der Handelsverstaerkung dienen;

* Deintensifikatoren -spezielle lexische Mittel, die zum Ausdruck der Verschwaechung des Merkmals, der Handlung dienen

Die Verstaerkung oder die Verschwaechung der Universalitaet in Aphorismen findet nach drei Parametern statt:

1) Subjekt

Alle Wasser laufen ins Meer (Altes Testament, Prediger Salome 1,7);

Nur der Irrtum ist das Leben, und das Wissen ist der Tod (Schiller)

2) Tempus

Erst kommt das Fressen, dann kommt die Moral (B. Brecht)

3) Objekt

Alles konnte Bock ertragen, ohne nur ein Wort zu sagen. (Busch)

Ein und dasselbe Lexem kann abhaengig vom Typ der logisch-semantischen Beziehungen in der Funktion eines Intensifikators oder eines Deintensifikators auftreten. Unter dem Begriff "logisch-semantische Beziehungen" werden regulare Uebereinstimmungen zwischen semantischen Komponenten eines aphoristischen Ausdrucks gemeint, die Beziehungen zwischen einzelnen Objekten, zwischen Objekten und ihren Merkmalen usw. sind, die in der Realitaet existieren. Im Aphorismus kann man folgende Typen von logisch-semantischen Beziehungen bestimmen:

1) Existenzbeziehungen :

2) Charakterisierungsbeziehungen;

3) Implikationsbeziehungen.

Die Existenzbeziehungen nehmen an, dass ein Objekt, das bestimmte Merkmale besitzt, auf der Welt existiert oder nicht existiert:

Hochmut kommt oft vor dem Fall.(Hauf)

Die Charakterisierungsbeziehungen widerspiegeln Richtung des Denkenprozesses vom Objekt zu seinen Merkmalen, zu seinem Zustand, zu seinen Eigenschaften.

Traenen und Lachen - alles wechselt schnell (Fallada:239)

Alles hat Zeit (Fallada: 340)

Unter den Implikationsbeziehungen wird Abhaengigkeit zwischen Objekten und ihren Eigenschaften gemeint

Wenn der Mensch erst was wert ist, ist er nur noch sein eigenes Denkmal (Remarque:24),

In Aphorismen mit den Existenzbeziehungen treten solche Woerter wie viel, oft als Intensifikatoren auf und die Aphorismen mit den Charakterisierungs- und Implikationsbeziehungen haben diese Woerter als Deintensifikatoren.

Die Funktion des Mittels wird durch den Vergleich eines Aphorismes mit dem Mittel der Intensivitaet mit demselben Ausdruck bestimmt, wo dieses Mittel weggelassen wird.

Der Mensch erinnert sich seiner spaerlichen guten Eigenschaften immer erst, wenn es zu spaet ist (Remarque:79). Im Aphorismus mit den Implikationsbeziehungen tritt das Lexem erst als Deintensifikator auf, denn, wenn wir dieses Wort weglassen, so bekommen wir einen generalisierten Ausdruck, wo der Quantor der Generalitaet immer expliziert werden kann. Im Satz: Verloren hat man einen Menschen erst wenn er tot ist. (Remarque:311) tritt das Wort erst als Intensifikator auf.

Nur wer dumm ist, siegt im Leben (Remarque:81). In diesem Satz tritt nur als Intensifikator auf. Vergl.: Wer dumm ist, siegt im Leben.

Und im Satz Mut hat man nur, wenn man auch Angst hat (Remarque:155) tritt nur als Deintensifikator.

Die Deintensifikatoren dominieren quantitativ in den Aphorismen im Vergleich zu den Intensifikatoren. Einen beabsichtigten Gebrauch der Deintensifikatoren kann man als spezielle Autorenmethode betrachten, die eine Moral unaufdringlich erteilen, diese Moral mildern und dadurch den Leser auf Seite des Autors ziehen laesst.

Литература:

1. H. Fallada "Kleiner Mann - was nun?", Berlin u. Weimar, 1970. 2. W. Hauf "Maerchen", Moskau, 1983. 3. E. M. Remarque "Drei Kameraden", Moskau, 1973: Zitate und Aussprueche, Duden, Band 12, Dudenverlag, 1993.

Е.А. Герашенко (Харьков)

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ВЛАСТИ И ПРОЦЕСС НОМИНАЦИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Одной из областей изучения отношений языка и власти является рекламный дискурс, в котором ярко проявляется механизм идеологического воздействия языка. Идеологическое начало дискурса данного типа реализуется: при построении отношений между создателем рекламы и потребителем, создании имиджа продукта или компании, определении целевых установок для потребителя (Fairclough 1989), что наглядно отражено в определении рекламы, которое дает Британника. Реклама здесь определена как особая форма массовой коммуникации, предназначенная, в своем обычном значении, способствовать продаже продукта или услуги посредством техник и практик, применяемых с тем, чтобы данные продукты и услуги довести до общественного внимания и, в результате, убедить общественность реагировать на рекламируемый объект должным образом (Britannica 1993).

Реклама как особая форма массовой коммуникации представляет собой маркетинговую коммуникацию, направленную на осознанно диффе-

ренцируемую аудиторию с коммерческой целью, в отличие от массовой коммуникации, направленной преимущественно на не дифференцируемую аудиторию с некоммерческой целью (Harold D. Lasswell 1960; Schramm 1955). Таким образом, реклама преследует конечную продуктивную цель - достижение определенного результата со стороны потребительского рынка, что позволяет отнести рекламный дискурс к стратегическому типу дискурса, в рамках которого возникает противостояние между создателями рекламы и ее потребительской аудиторией.

В контексте маркетинговой коммуникации аудитория, на которую направлена реклама, выступает не пассивным реципиентом, а активным ее участником, что ставит вопрос о балансе власти между создателями рекламы и ее аудиторией. Весьма распространено следующее мнение: реклама - это то, что обладающие относительной властью производители делают с аудиториями, которые не имеют подобной властью (Ward 1972). Маркетинговая коммуникация здесь является игрой для двух участников: создателями рекламы и потребительской аудиторией.

В рамках данной конфронтации рекламный дискурс направлен на достижение следующих целей:

- 1) информировать, информация может быть направлена на различные социо-экономические группы и сфокусирована на многих секторах рынка;
- 2) оказывать влияние на людей;
- 3) создавать имидж торговой марки (Baker J. Michael 1994).

При создании имиджа торговой марки особую роль играет процесс номинации, как процесс установления ассоциативных связей между вербальными знаками, с одной стороны, и предметами, явлениями и структурами - с другой. Само понятие торговой марки имеет два значения в английском языке: 'brand' и 'trademark'. Первое предопределяет общий термин, охватывающий все виды названий, дизайнов и символов торговой марки, а последнее представляет собой юридический термин, охватывая те слова и символы, которые регистрируются и затем подлежат юридической защите (McCarthy 1976). В нашем исследовании представляет интерес первый термин, который определяется как имя, символ либо знак, закрепленный за тем или иным продуктом с целью его идентификации на потребительском рынке, а также который указывает на свойства данного продукта.

Уже в Средневековье была известна идентификационная функция номинации, когда те или иные имена или фамилии обозначали определенную человеческую деятельность, например, Smith, Miller, Weaver, Wright, Tailor, Carpenter и т.д. (Jefkins 1996). Имя производителя также важно и сегодня. Оно является средством идентификации источника товаров и услуг. Закрепление подходящего коммерческого имени за продуктом равносильно началу его жизни. Имя придает продукту достоверность; оно должно легко произноситься и запоминаться и не должно пересекаться с

торговими марками других компаний. С введением продуктов на международный рынок появилась потребность в именах, функционирующих как на внутреннем так и на зарубежных рынках. Данные имена не должны означать на основных иностранных языках ничего провокационного, оскорбительного и грубого. В странах, характеризующихся низким качеством своей продукции, принимают имена и названия тех стран, репутация которых заключается в высоком качестве продукции, как например, Япония по производству электротоваров. В основном в рекламной стратегии используются следующие методы процесса номинации:

1) создание имени торговой марки компании (*company brand name*) : компания создает наиболее благоприятный имидж для своих потенциальных потребителей, обеспечивая тем самым рекламную политику для своей новой продукции. Таковыми являются Sony, Hitachi, Hoover, Marks & Spenser, Sainsbury и т.д.

2) создание "фамильной" торговой марки (*family brand name*) : данная номинационная политика используется в компаниях, предлагающих широкий ассортимент своей продукции. Примером в данном случае может послужить британская компания British Leyland со своими "фамильными" торговыми марками Jaguar, Rover, Range Rover.

3) создание индивидуальной торговой марки: компания в данном случае предлагает не связанные между собой продукты и у этих компаний не выработан четкий корпоративный имидж (Leader 1995).

Все выше перечисленные методы процесса номинации выполняют идентификационную функцию, тем самым способствуя продвижению продукта на потребительском рынке. Следовательно, номинация является непосредственным механизмом идеологического воздействия языка в рекламном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Britannica : Britannica Macropedia. Chicago. 1993.
2. Baker J. Michael 1994: Baker J. Michael, Brown A.J., Browlic D., etc. Marketing: theory and practice. London: Macmillan. 1994.
3. Fairclough 1989: Fairclough Norman. Language and power. London: Longman 1989.
4. Jefkins 1996: Jefkins F. Advertising. London: M&E. 1996.
5. Harold D. Lasswell 1960: Harold D. Lasswell. The structure and function of communication in society in mass communications. Urbana, Ill. : University of Illinois Press. 1960.
6. Leader 1995: Leader W. G. Kyritsis N. K. Fundamentals of marketing. Cheltenham: Stanley Thorns Ltd. 1995.
7. McCarthy 1976: McCarthy E.J. Basic marketing: a managerial approach. Homewood.: Irwin. 1976.
8. Schramm 1955: Schramm W. The process and effects of mass communications. Urbana, Ill. : University of Illinois Press. 1955.
9. Ward 1947: Ward S. Consumer socialization // Journal of consumer behavior. Vol. 1. 1947.

В.И. Говердовский (Харьков)

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ КОННОТАЦИИ

1. Первый аспект - собственно дидактический. Если основной практической целью обучения на факультетах иностранных языков (наряду с теоретической целью формирования филологов) является овладение устной речью, то на первый план выдвигается коннотация, потому что коннотация есть в подавляющем объеме речевые характеристики слова. Полтора десятка видов коннотаций, группирующихся по типам (экспрессивно-оценочный, языковой, историко-языковой и историко-культурологический) дают возможность представить слово во всем его коннотативном многоцветии. Из корпуса общеупотребительных слов какого-либо языка две трети коннотативна и представление их студенту является необходимым и компланентарным к курсу стилистики и аналитическому чтению - ибо стилистика - это в первую очередь теоретико-познавательная дисциплина, а аналитическое чтение ограничено рамками письменного литературного языка, в то время как коннотационный анализ имеет дело с внетекстовым статусом слова и в то же время ориентирован на практическую работу в аудитории. Четырнадцать видов коннотаций представляют широкое поле для работы со словом: коннотация эвфемистичности, усиления, жаргонистичности, пейоративности, мелиоративности, разговорности, книжности, иноязычности, диалектизма, новизны, терминологичности, архаистичности, идеологичности, культурологичности.

От выбора точки зрения на природу билингвального мышления зависит формирование методов преподавания иностранных языков и формулирование методических принципов: с одной стороны - сознательно-сопоставительный метод, оформившийся на базе идей Л.С.Выготского и провозглашающий тезис "учить выражать мысль иноязычными средствами", с другой - так называемый сознательно-практический метод, который пытался внедрить Б.В.Беляев и основывал его как будто на прямо противоположном тезисе "учить мыслить на иностранном языке" /Выготский, 1934; Беляев, 1965/.

Между тем, при ближайшем рассмотрении исходных посылок этих двух методических концепций оказывается, что взаимоисключение между ними отсутствует в принципе и не всегда проявляется в деталях. В частности, Б.В.Беляев не отрицал полностью сознательного подхода к языковому материалу, а также не исключал из практики преподавания сопоставительный анализ. Более того, хотя Б.В.Беляев и апеллировал к интуитивному усвоению чужого языка, практика подачи языкового материала не обходилась без привлечения им сознания обучаемого. И это вполне согласуется с утверждением Л.С.Выготского о том, что "развитие иностранного языка начинается с осознания языка" и с принципом сознательно-

сопоставительного метода, требующего, чтобы учащиеся осознавали не только содержание учебного предмета, но и течение своих мыслей.

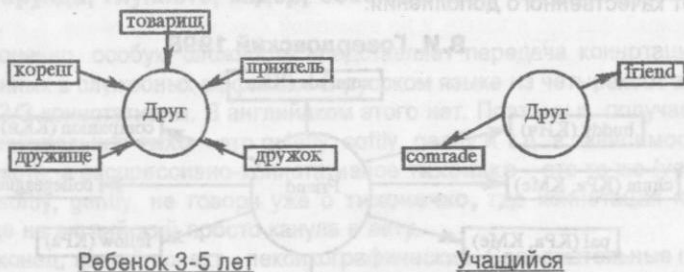
В этой связи уместно заметить, что так называемый суггестологический метод не получил распространения не столько из-за трудности организации обучения в широких масштабах, сколько по причине принципиально иного - с самого начала ориентированного на подсознательное - психологического подхода и который поэтому с самого начала подвергался критике /Моргун, 1978: 135-248/.

Отсутствие резко противоречащих позиций в общих посылках и частных проявлениях двух подходов к изучению языка наводит на мысль о возможности совместного использования отправных положений Б.В.Беляева и методических приемов, используемых в рамках сознательно-сопоставительного метода. Представляется, что такое совмещение в рамках коннотационного анализа только повысит эффективность подачи лексики и усилит прочность ее усвоения.

Поскольку речевое творчество осуществляется на основе практики, опыта, постольку для него необходимо участие сознания. И это полностью согласуется с фундаментальным положением Л.С.Выготского о противоположных процессах при усвоении родного и иностранного языков, если, конечно, овладение иностранным происходит в общепринятых рамках учебного процесса, а, скажем, не по "методу гувернантки", "армейскому методу" Л.Блумфилда или в рамках современной суггестопедии с ее ролевыми ситуациями и театрализацией, не говоря уже о чисто авантюрной "методике" И.Давыдовой или афере с 26-м кадром. В этом отношении коннотационный анализ противостоит этим направлениям.

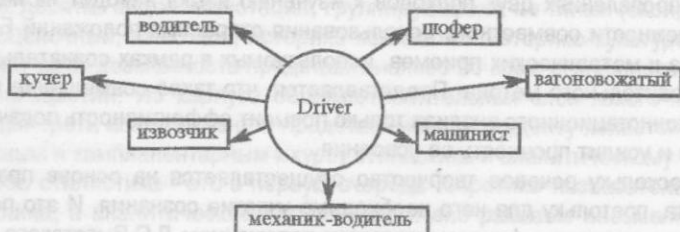
Говоря о противоположных психологических процессах, Выготский имел в виду то, что родной язык усваивается ребенком в направлении от слова к понятию, но при овладении иностранным языком учащийся идет в обратном направлении: от уже готового (русского!) понятия к иностранному (!) слову (которое выражает лишь часть понятия).

Л.С. Выготский 1934

Новаторство Б.В.Беляева состояло, во-первых, в том, что он осуществил идею Л.С.Выготского на практике, т.е. он перевернул стрелки, направив их во внешнюю сторону на формирование у ученика **целого** (это вторых) иноязычного понятия, чтобы он затем в производстве своей иноязычной речи отталкивался, как и в родной языке, от понятий, а не оперировал отдельными разрозненными словами.

Б.В. Беляев 1965

Б.В.Беляев первый (и, кажется, последний) пытался формировать в сознании ученика весь денотативный объем иноязычного понятия, потому что компоненты, составляющие одно и то же понятие в двух языках, разнятся денотативно: friend, например, включает понятия "знакомый", "коллега", "сторонник", "доброжелатель", чего нет в русском понятии "друг"; оно денотативно уже, но зато эмоционально (коннотативно) богаче и соответствует более английским pal и shum (закадычный друг).

Однако одним несовпадением объема понятий проблема не исчерпывается. Подача полноценного иноязычного понятия только полпути в овладении словом. Дело в том, что набор компонентов одного и того же понятия в двух языках разнится не только денотативно, но что более тревожно - коннотативно. Так, в русском языке понятие **Друг** (О) включает со-понятия **товарищ** (ККн), **приятель** (КРа), **дружок** (КРа, КМе), **другище** (КРа, КУс), **кореш** (КЖа, КМе). Вот почему схема Б.В.Беляева требует качественного дополнения:

В.И. Говердовский 1998

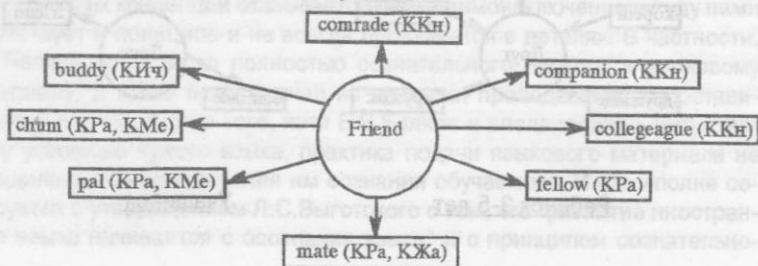

Схема показывает, что иноязычное понятие должно подаваться целиком денотативно и к тому же комплексно с коннотацией.

2. Из этого дидактического аспекта коннотации вытекает второй аспект - теория и практика перевода как учебная дисциплина.

Конечно, при переводе приходится решать в первую очередь вопросы денотативного соответствия и только во вторую очередь - коннотативной адекватности слов. Но при переводе художественной литературы (не говоря уже о поэзии) эти проблемы часто меняются местами и на первый план выдвигается коннотация. Во многих случаях переводчик стоит на перепутье: пожертвовать ли коннотацией или в угоду ей передать ущербную денотацию?

Чаще всего на плаху идет коннотация. Вот, например, на жертвенный алтарь пошла коннотация архаичности слова **перепутье**, потому что передано как cross-road, потому что это простой **перекресток**. Или бесследно исчезают коннотации эвфемистичности и культуры в американском necessary, даже если передается (смешно и парадоксально) на британский английский как water-closet или toilet. И, наоборот, волею переводчика привносятся дополнительные коннотации. Так, в выражении emergent countries слово emergent эвфемистически завуалировано. Здесь попутно происходит сильное денотативное искажение: **развивающиеся страны**, ибо emergent - это **крайний, критический**. (Поэтому Украина сейчас - "emergent country", но не "развивающаяся", как везде переводят с английского, а именно "критическая" в отношении экономики. Кстати, она не "развивающаяся" хотя бы потому, что уже была развита и индустриально и культурно, а сочетание "emergent country" принят в отчетах ООН как строгий термин для классификации стран мира по уровню развитости экономики).

Особо нет нужды продолжать перечень примеров. Им несть числа. Заостряю на этом внимание лишь по причине крайней небрежности при скороспелых переводах американских фильмов. Nonsense с разговорной коннотацией в английском всегда передается русским книжно-контативным **нонсенс**, хотя следуя коннотации, нужно передавать с той же коннотацией: **ерунда, глупость, вздор, бессмыслица, чепуха, пустяки, абсурд**.

Но, конечно, особую сложность представляет передача коннотаций, заключенных в служебных аффиксах. В русском языке из четырехсот аффиксов 2/3 коннотативны. В английском этого нет. Поэтому и получается, что нейтральное **тихо** - это quietly, softly, gently и т.д. в зависимости от контекста, а экспрессивно-коннотативное **тихонько** - это те же (very) quietly, softly, gently, не говоря уже о **тихонечко**, где коннотация при переводе на английский просто канула в лету.

3. Наконец, третий аспект - лексикографический. Содержательные потери учебного словаря происходят по причине недостаточно разработан-

ной методике отражения в нем речевых характеристик слова. Словарь Ю.Д.Апресяна "Англо-русский синонимический словарь" оперирует только денотацией. В немецкой двуязычной лексикографии самым значительным успехом является уже 2-е издание словаря В.Д.Девкина "Немецко-русский словарь разговорной лексики".

Отразить весь коннотативный облик слова в двуязычном учебном словаре - задача архисложная. Трудность состоит в том, что коннотация лабильна во времени. Но на основании некоторых параметров (частность, продуктивность словообразовательной модели) можно предугадать долготу "живучести" слова. Так, вполне назрело время для деканессы (пора заменять табличку на кабинете), построенное апробированной модели **стюардесса, поэтесса** и даже **адвокатесса**: так уже называют в печати ("Метро-Пресс", 1998, № 5) И.Г.Богословскую, которая претендует быть **"депутессой"**, а потом - дай бог! - и **президентессой**.

Литература.

1. Б.В.Беляев. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М., 1965. 2. Л.С.Выготский. Мышление и речь. М.-Л., 1934. 3. В.Ф.Моргун. Проблема суггестопедии в свете теории поэтапного формирования новых действий и понятий. - В кн. Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т. III. Тбилиси, 1978, С.135-248.

Т.И. Гончарова (Харьков)

ЗООСЕМАНТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках антропологической лингвистики может успешно развиваться такое направление лингвистики, как лингвокультурология, которая "исследует прежде всего живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа" (Телия 1996: 218).

Лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. А это значит, что лингвокультурология - достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры (Телия 1996:222), а культура - это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее (Телия 1996: 226).

Чужая же культура, это, по выражению И.И. Сандомирской, - "идиома", поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и не отрефлектировано (Сандомирская 1995:87-91).

По мнению В.Н. Телия, система образов, закрепленных в языке, служит своего рода "нишей" для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях. И если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы ее отображения и средства соотнесения с ней, т.е. служить своего рода "звеном", соединяющим в единую цепь "тело знака" - с одной стороны, а с другой - концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т.п. знаки национальной и шире - общечеловеческой культуры, освоенной народом - носителем языка (Телия 1996:215).

Культура и язык существуют в диалоге между собой. В норме использование определенного языка гармонирует с соответствующим ему кодом культуры, поэтому и "культурная глухота" чаще всего связана с "языковой глухотой". Когда коммуниканты являются субъектами одной, а точнее - единой культуры, ее код осознанно или бессознательно, распознается в тексте. В противном случае возникают "культурные лакуны" (Сорокин, Марковина 1988).

Эти традиционные, т.е. воспроизводимые из поколения в поколение, эталонные сравнения не только отражают мировидение, но - что более важно - они связаны и с миропониманием, поскольку являются результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с "не-человеческими" свойствами, носители которых воспринимаются как эталоны свойств человека. Эталоны становятся тем, в чем образно "измеряют" свойства человека.

Эталон - это характерологически образная подмена свойства человека какой-либо реалией. Как пишет В.Н. Топоров, "не только человек - мера всех вещей", но и в известном отношении и обратно: "вещь - мера всех людей" (Топоров 1995:17). Реалия, выступающая в функции эталона, становится таксоном культуры, поскольку она говорит не о мире, но об "окультуренном" мировидении (Телия 1996:242).

Обыденное человеческое сознание не знает ограничений в процессе создания зооморфных характеристик.

Очень многие, а потенциально все названия животных могут быть использованы для образной характеристики и социальной оценки человека по тем или иным признакам и свойствам. Это вполне естественно: ведь животные составляют ближайшее окружение человека; подобно человеку, обладают собственными повадками, им присущ собственный образ жизни и тип поведения. Поэтому слова, называющие животных, часто используются для образного представления внешности, духовного облика, особенностей поведения человека.

Своеобразие разных языков отчетливо проявляется прежде всего уже в самом нередко достаточно прихотливом отборе образов животных, зна-

чимых для метафорического сознания носителей одного языка и индифферентных для другого.

При сопоставлении русского с французским в этом смысле обнаруживается немало различий между ними. Целый ряд слов, означающих животных, одинаково хорошо знакомых носителям языка, или же, наоборот, экзотических, редких, почему-то в одном языке развивает устойчивое образное значение, а в другом - нет. Так, в русском языке в качестве устойчивых эталонов сравнения используются образы: волка, бабочки, стрекозы, паука, бегемота, мышонка, вороны, выдры (разг.), жука, змеи, зубра, каракатицы, клопа, кобылы, ласточки, теленка, тюленя, червя, а их французские эквиваленты: *loup, papillon, libellule, araignée, hippopotame, souriceau, corneille, loutre, scarabée, serpent, aurochs, selche, punaise, juvent, bironnelle, veau, phoque, ver* устойчивых образных значений не имеют. В то же время названия других животных и птиц: *bécasse* (выпь), *cafard* (таракан), *caille* (перепел), *chameau* (верблюд), *faisan* (фазан), *guêpe* (оса), *linotte* (коноплянка), *manchot* (пингвин), *pinson* (зяблик), *tapir* (тапир), *teigne* (моль), *zèbre* (зебра), *babouin* (бабуин), *huître* (устрица), *moustique* (комар), *pieuvre* (осьминог), *buse* (сарыч) активно используются в качестве образных характеристик во французском языке, но не принадлежат к числу широкоизвестных в русском языке.

К таким названиям животных, которые обладают оценочной функцией во французском языке и не обладают в русском, относится, например, слово верблюд (*chameau*). Оно подразумевает злобного, гадкого, скверного, сварливого человека: "*Jacqueline se redressa brusquement. "C'est un chameau, - dit - elle. Vous ne pouvez pas vous imaginer toutes les histoires qu'elle a faites à Lucienne"* (J.P. Sartre). - Жаклин резко выпрямилась "Это верблюд, - сказала она, - Вы не можете себе представить сколько неприятностей он причинил Люсьену."

Русское слово верблюд не связано прочно с каким-то определенным признаком, хотя потенциально и несет в себе отрицательную экспрессию. Окасионально можно назвать верблюдом уродливого человека, например, имеющего горб, а также того, кто плюется (ср. устойчивое сравнение "плюется как верблюд").

Фазан (*faisan*) означает нечестного, не порядочного человека, проныру, пройдоху. Ср.: *N'allez pas chez ce réporteur, c'est un vrai faisan.* - Не идите к этому бухгалтеру, он - сущий фазан. В русском языке фазан переносного значения не имеет, но окасионально может приобретать значение, близкое к значению "павлин" - важный, надменный.

Во французском языке коноплянка (*linotte*) - ветреный, легкомысленный человек; пингвин (*manchot*) - рохля, разиня, а также косолапый человек; зяблик (*pinson*) - очень веселый человек; тапир (арго. *tapir*) - ученик, берущий частные уроки. Моль (*teigne*) во французском языке - злой, злобный, злюка, стерва: *C'est une vrai teigne.* - Букв. Настоящая моль. Русские эквиваленты не имеют узуального метафорического значения.

Зебра (zèbre), хотя и является животным экзотическим для европейского ареала, тем не менее имеет во французском языке устойчивое переносное значение "странный тип" (возможно, мотивировкой подобного переноса и послужила необычность, нехарактерность данного животного для европейцев), а выражение *courir comme un zèbre* (бегать как зебра) значит "бегать быстро". В русском языке *зеброй* называется полосатая дорога (переход).

Бабуин (babouin) употребляется по отношению к неугомонному ребенку. *Устрица* (huître) приобрело переносное значение "остолоп, тупица, балбес". *Комаром* (moustique) французы называют ребенка, малыша. *Осьминог* (pieuvre) - ненасытный, жадный; *сарыч* (buse) - глупец, дурак. Все вышеупомянутые названия животных в русском языке, как правило, лишены переносных значений.

В.Г. Гак отмечает, что очень часто внутри одной лексико-семантической группы метафорические употребления слов не совпадают в разных языках. Например, в русском языке не используется в переносном смысле слово *дрозд*, в то время как фр. *merle* образует метафорические сочетания *fin merle* (хитрый дрозд) - пройдоха, *beau merle* (хороший дрозд) - неприятный человек. Русскому *ворон* не свойственны французские переносные значения "священник" и "делец". Эту избирательность языка трудно объяснить. Она даже не всегда связана с тем, насколько часто встречается то или иное животное в быденной жизни данного народа. *Бегемот* и *носорог* одинаково экзотичны для жителей Франции и России. В русском языке *бегемот* приобретает коллективное метафорическое переосмысление (неуклюжий, толстый человек), а *носорог* - нет. Во французском же, наоборот, *rhinocéros* метафорически обозначает глупого человека, а *hippopotame* общеупотребительного переносного значения не имеет. *Носорог* в русском языке может использоваться в качестве индивидуального окказионального сравнения. Ср. пример М. Алданова: "Другой спутник Байрона, чудовищного сложения мужчина, неестественно носивший костюм, как-то особенно бережно прикасавшийся к тарелкам и стаканам, точно боясь их раздробить, и всем своим обликом, сильно напоминавший *носорога*, был король боксеров Джэксон." (Гак)

Очень интересна с точки зрения сходства переносных значений и оценки параллель *журавль* - *grue*. *Журавль* чрезвычайно широко представлен в фауне России. Что касается Франции, то там *журавли* не живут (данные словаря *Petit Larousse*).

В русском языке *журавль* - зооморфизм с несколько поэтическим ореолом, отношение к этой птице явно положительное - может быть, потому, что в старину *журавль* считался лакомым блюдом, этих птиц приручали, их прилет связывался с наступлением весны, тепла. Никаких подобных ассоциаций во французском языке не существует, эта редкая, экзотическая для Франции птица стала источником во французском языке переносного значения - "женщина легкого поведения".

Именно поэтому "журавль" при переводе на французский язык заменяется, как правило, другой птицей из того же семейства. Например, название известного фильма "Летят журавли" было переведено "*Quand passent les cigognes*" (cigogne - аист). Этот случай не исключение, что ясно из приводимых ниже переводов: "На лугу уже не просыпаются с криком журавли" (А. Чехов). "*...les hérons ne s'éveillent plus avec leurs cris*" (héron - цапля). "Перелетные птицы, журавли, например, летят и летят..." (А. Чехов). - "*Les oiseaux de passage, par exemple, les oies sauvages volent et volent*" (oie - гусь) (Муравьев 1975).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что образные употребления названий животных, связанные с коллективными представлениями о свойствах этих животных, часто будут иметь различное трактование у разных народов и что у каждого народа могут быть свои специфические объекты для метафорического сравнения человека с животным. Именно образно-ассоциативное восприятие по-разному интерпретирует процессы ментального характера в разных языках.

Своеобразие языковых картин мира в первую очередь определяет символическая вселенная, т.е. результат вторичного означивания (фольклор, художественная литература, мифология), а также человеческая деятельность в широком смысле этого слова с учетом преобладающей хозяйственной деятельности, климата, природных условий, фауны.

Литература.

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. - М.: Просвещение, 1983.
2. Муравьев В.Л. Лексические лакуны. - Владимир, 1975.
3. Сандомирская И.И. Демистификация идиомы. // XI Международная конференция "Логика, методология, философия науки". V. М. - Обнинск, 1995.
4. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее психолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. - М.: Наука, 1988. - С. 87-98.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1995.

К.В. Гулый (Харьков)

ОБ ОДНОМ ТИПЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИРОНИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ирония как научная проблема в принципе оформилась уже достаточно давно. В последние десятилетия, однако, очевиден рост интереса к этой проблеме, что выражается как в увеличении количества работ, посвященных этой проблеме, так и, - что более важно, - в значительно боль-

шей качественной их диверсификации. В основе такого повышенного научного интереса к иронии, безусловно, лежит все более пристальное общее (а не только связанное с иронией) внимание к прагматике языка, изучению видов воздействия на сознание (в частности, коллективное сознание) с помощью языка, от чего в свою очередь тянутся нити уже в экстралингвистические области, к изучению самых разнообразных сфер функционирования современного общества, в частности, например, средств массовой коммуникации, законотворчества, а также многих иных.

В предлагаемой статье рассмотрен один из частных вопросов проблематики иронии, конкретно - вопрос о видах реализации иронии в тексте. Рассмотрена реализация иронии на лексическом уровне в публицистическом тексте. Материалом исследования послужили тексты коротких статей (заметок) из одного из наиболее крупных англоязычных общесоциальных журналов, ориентированных на массового читателя - журнала "Time".

Публицистический текст в целом, как известно, характеризуется повышенной оценочностью выражения, стремлением формировать у реципиента текста определенную систему взглядов. При этом достижение такой цели обеспечивается не только (а довольно часто и не столько) логикой содержания - в отличие, например, от научного текста, - но в значительной степени и за счет применения специфических, зачастую очень сложных с точки зрения анализа, языковых средств, направленных в своем действии не на рациональное, а на эмоционально-ассоциативное освоение действительности. В особенности сказанное выше касается публицистической периодики, ориентированной на массового (т. е. достаточно разнородного с точки зрения образовательного и культурного уровня и профессиональной принадлежности) читателя, "потребляющего" тексты такого рода "на досуге". Ирония может занимать в системе средств эмоционально-оценочного воздействия на читателя таких текстов одно из важнейших мест, а также является одним из эффективных способов, позволяющих превратить чтение таких текстов в "развлечение".

Перед тем, как приступить непосредственно к анализу, сформулируем термин ирония в том виде, в котором он применяется в данной работе. Уже довольно долго и вплоть до самого последнего времени в литературе остается наиболее распространенным определение иронии как формы выражения мысли, при которой "слово или высказывание обретает в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его" (КЛЭ 1966:199). Эту же по сути формулировку можно обнаружить в работах 80-х и 90-х годов (Ньюэлл-Смит 1985:173; Holman, Harton 1992:254). Такое понимание феномена иронии, тем не менее, представляется несколько не полным, ибо, как можно будет увидеть ниже, существуют случаи, реализующие иронию, но при этом не порождающие логически "противоположного смысла". Общий, своего рода родовой, признак, объединяющий различные виды иронии, можно, по-видимому,

определить как преднамеренную "абсурдность" выражения, которая, однако, не мешает адекватному пониманию соответствующего участка текста. При этом данный прием носит своего рода "игровой" ("смеховой") характер и ориентирован на некоторый "негатив" в представлении объекта, даже если ирония и "добрая".

В принципе ирония может реализовываться на различных уровнях языковой системы, отражаемой в тексте, в частности на фонологическом (фоносемантическом) и морфологическом, однако основной уровень - это, безусловно, уровень лексический. Это закономерно в силу того, что именно слово, как хорошо известно, является тем главным элементом языковой системы, которым языковое сознание человека оперирует в первую очередь и в котором более, чем в какой-либо иной единице языка закрепляется исторический коллективный опыт человека.

Некоторые особенности реализации иронии на лексическом уровне и стали предметом анализа в данной работе.

Все разнообразные виды реализации иронии на лексическом уровне в целом можно отнести к одному из двух принципиально различных типов, один из которых можно назвать семасиологическим, а другой ономасиологическим. Суть семасиологического типа (т. е. подразумевающего в ходе анализа движение от референтного пространства текста к языковой форме репрезентации этого пространства) состоит в том, что иронический эффект достигается путем комбинирования отражаемых знаменательной лексикой в тексте компонентов референтного пространства текста. Выбор средств номинации в этом случае не имеет значения - какова бы ни была используемая лексика, иронический эффект все равно будет присутствовать, а путем отбора применяемой лексики его можно лишь усиливать. Ирония, таким образом, в данном случае порождается самой микроситуацией, включаемой в референтное пространство текста. Частично понятие семасиологического типа соотносится с "ситуативной иронией" Колшанского (Колшанский 1980:63). Однако понятия это все же несколько разные.

Ономасиологический же тип наоборот состоит в том, что иронический эффект достигается именно за счет специфического отбора средств лексической номинации, в то время как сам описываемый участок (микроучасток) референтного пространства текста может быть нейтрален в плане иронического эффекта.

Довольно часто оба типа реализуются одновременно. Это происходит, как было отмечено выше, в тех случаях, когда при описании порождающей иронию комбинации компонентов референтного пространства текста отбирается также и порождающая иронию лексика (т. е. такая, которая обеспечила бы иронический эффект и при номинации нейтрального с точки зрения иронии участка текста).

В данной работе мы ограничимся рассмотрением лишь ономасиологического типа. Рассмотрим конкретные виды (модели) реализации иронии.

1. Модели с прямой номинацией

1.1. Реализация иронии путем применения слова, обозначающего родовое понятие в контексте, в котором достаточно лексемы, обозначающей понятие видовое (данная модель одновременно представляет собой один из приемов реализации демагогии с помощью собственно языковых средств). Этот прием, как правило, имеет место при цитировании в тексте какого-либо общественно известного лица. Например:

"... Trump's 85-year-old father... dispatched a lawyer... to buy \$3 million worth of chips at Trump Castle, in effect giving Donald a loan. Last week the younger Trump would acknowledge only that "a group bought some chips..." (Time, Feb. 4 1991:51). - специфический коллектив относительно небольшого размера (бизнесмены, родственники - конкретно текст определить не позволяет) назван "группой", т. е. термином, применимым к любому коллективу такого размера. Возникшая в результате намеренная неопределенность смысла в точке текста, требующей полной определенности, целенаправлено и откровенно уводит восприятие реципиента текста "в сторону", т. е. как бы "откровенно обманывает" читателя.

1.2. Реализация иронии за счет функционально-стилевой несовместимости использованного слова со сферой действительности, с которой соотносится основная тема текста. Например:

"Visitors to the quiet confines of the Library of Congress reading rooms are often left scratching their head by some bewildering text. But since last month they have had another reason for creeping feelings of paresthesia in the cranial zone: head lice". (Time, Jan. 16 1989:29) - употребление слов сугубо книжного(научного) стиля при описании событий сугубо бытового характера.

1.3. Реализация иронии с помощью варваризма при обозначении денотата, не являющегося специфической иностранной культурной реалией: "Nyet this time" (Time, Dec. 19 1988:23).

Русское слово "нет" в сообщении о том, как один известный американский бизнесмен, рассчитывая встретиться на улице Нью-Йорка с М. Горбачевым, совершавшим официальный визит в США, обнаружил на самом деле двойника Горбачева.

2. Модели с вторичной номинацией

2.1. Наиболее распространенной моделью, основанной на вторичной номинации, является модель, содержащая метафору, что естественно в силу огромного удельного веса метафоры в языковом освоении мира человеком. Иронический эффект в данном случае практически всегда возникает вследствие противоречия (в какой-то степени - абсурдности) между сферой, из которой взят образ (или прямое значение) метафоры, и сферой, которой соответствует референтное пространство текста. Например:

"While in London awaiting open-heart surgery, Papandreou (премьер-министр Греции) ...announced last week that he would seek a divorce from

Margaret, his... wife... Papandreu's announcement came only 48 hours after his wife hit him over the head with a political frying pan by issuing a statement.."(Time, Sept. 26 1988:53) - конфликт между политиком высшего ранга и его супругой, выражающийся в выступлениях в средствах массовой информации, представлен вульгарной бытовой дракой, в которой "бьют скорородой по голове".

2.2. Относительно менее распространенной, чем метафора, хотя все же достаточно часто встречающейся в рассматриваемых текстах, является модель, содержащая метонимию. Здесь иронический эффект возникает в результате экспликации (и тем самым актуализации или того, что по-английски называется "foregrounding") некоторого компонента референтного пространства текста, который логически(при прямой номинации) должен иметь периферийную значимость или вообще "забываться". Отсюда возникает "абсурд" (но не противоположное значение). Например:

"For 35 years Lee Grant of Sarasota, Fla., collected a wallful of "salesman of the Year" plaques for his skill at moving Fords and Buicks off the lot (т. е. предавать)" (Time, March 28, 1988:31) - хорошее умение убедить клиента купить автомобиль (т. е. умение обеспечивать прибыль автодилеру) названо способностью "отгонять машины с площадки для продажи", т. е. выполнять действие, совершенно не являющееся определяющим в плане получения прибыли, хотя технически и необходимое при продаже автомобиля.

3. Наконец рассмотрим еще одну специфическую модель реализации иронии лексическими средствами, весьма широко распространенную в исследованных местах. Эта модель - каламбур (или "игра слов"), т. е. совмещение в одной форме различных семантических вариантов какой-либо лексемы или значений омонимичных лексем (конкретные случаи каламбуров иногда бывают семантически очень сложными). Например:

"Bullfight Fans Are Seeing Red" (Time, Aug. 17 1987: 52).

В данном случае речь идет о возмущении зрителей, наблюдающих корриду, рекламной надписью AKAI (название японской фирмы, производящей электронику), вышитой красным шелком на костюме тореадора. В лексеме "red" совмещены в одной звуковой (графической) форме три семантических содержания: "red" - в прямом значении (красный шелк), в переносном значении во фразеологизме "to see red" (приходить в ярость - ассоциация с плащом тореадора, приводящем в ярость быка), в метаязыковом значении ("akai" - по-японски "красный").

В целом, в плане выводов, исследование показывает достаточно большое разнообразие используемых моделей реализации иронии в рассмотренных текстах даже в пределах одного из типов - ономаσιологического. Это, с одной стороны, подчеркивает огромный с точки зрения прагматики удельный вес иронии в исследованных текстах, "читабельность" которых в ином случае значительно бы снизилась, а, с другой стороны, демон-

стрирует механизм одного из эффективнейших способов категории оценочности в публицистическом тексте, а, следовательно, и способов влияния на массовое сознание.

Литература.

1. Колшанский 1980 : Колшанский Г.В. Контекстная семантика. -М, 1980. -149с. 2. КЛЭ 1966: Краткая литературная энциклопедия. -М., 1966. - Т.3. - С.179-182. 3. Ноуэлл-Смит 1985 : Ноуэлл-Смит Л.Х. Логика прилагательных// Новое в зарубежной лингвистике. -М., -1985. - Вып.XVI. - С.155-182. 4. Holman, Harmon 1992: Holman C. H., Harmon W. Handbook to Literature . - New York; London: Macmillan Publishing Company; Collier-Macmillan Publishers, 1992.

Dr. L. Grigorieva (Charkow)

**ÜBER MODERNE LINGUISTISCHE
FORSCHUNGSEINRICHTUNGEN, DIE BEI DER
FREMDSPRACHENLEHRERAUSBILDUNG
ZU VERWENDEN SIND**

Neue Ergebnisse in der linguistischen Forschung beeinflussen die Methodik des Fremdsprachunterrichts. Folgende moderne linguistische Forschungseinrichtungen sind zu erwähnen, die bei der Lehrerausbildung zu verwenden sind: kognitive Wende, Xenolinguistik, Ökolinquistik, feministische Linguistik. Hier ist gemeint das Erlernen der Aneignung und der Übertragung einer zweiten (fremden) Kultur, die Verwendung der Sprache in verschiedenen Arten der Arbeitsaufgaben, im Sport, in der Kunst, in offiziellen Einrichtungen, auch das Erlernen der Probleme, die mit geographischen Einwirkungen im Zusammenhang stehen, der sozialen und historischen Faktoren, die auf die Funktionalität der Sprache im jeweils konkreten Land und in der jeweiligen Sprachgemeinschaft Einfluß haben.

Unter der kognitiven Wende verstehen wir die Widerspiegelung der Tätigkeit des Menschen in der Sprache. Von besonderem Interesse ist das Konzeptenproblem (vergleichende Untersuchungen solcher für jedes Volk wichtigen Begriffe wie "Liebe-Haß", "Leben-Tod-Schicksal", "Frieden-Krieg" u.a.) Hier sind vor allem die Versuche interessant, die genannten Konzepte anhand der deutschen Phraseologie zu untersuchen. Dabei können die gewonnenen Resultate mit denen der Phraseologie in anderen Sprachen verglichen werden. Das kann gewissermaßen von didaktischer Sicht aus gesehen als eine neue Richtung im landeskundlichen Unterricht betrachtet werden. Unsere Pilotforschungen haben gezeigt, daß die Anwendung von Resultaten der kontrastiven Forschungen im Fremdsprachenunterricht ein großes Interesse bei den Lernern gefunden haben und sich auf den Unterrichtsprozeß positiv

auswirken. Das betrifft nicht nur die Sprichwörter, sondern auch die vergleichende Analyse von anderen kleineren Formen: Parabel, Rätsel, Scherzfrage, Witz usw. Diese Formen wurden bis jetzt nur anhand einer Sprache didaktisch ausgewertet. Es muß auch unterstrichen werden, daß kleine Formen im Fremdsprachenunterricht bei der Einführung und Übung des lexikalischen und grammatischen Stoffes sowie zur Stimulierung der Sprachfähigkeit nicht nur als Illustration des sprachlichen Materials (wie es bis jetzt vorherrschend ist), sondern zugleich als Texte zum Nachdenken, zur Auseinandersetzung, zur Diskussion angewandt werden können. Das alles fordert intensive Denktätigkeit.

Xenolinguistik basiert auf der Xenologie - der Wissenschaft über eine fremde Kultur, deren Aneignung, Adoption zu dieser Kultur und deren Translation. Die Xenologie ist mit der Landeskunde eng verbunden. Wir können nicht im Rahmen unseres Artikels ausführlich darauf eingehen und begnügen uns mit der kurzen Beschreibung des xenologischen Aspekts der deutschen Kultursoziologie im Sprachunterricht und mit der Beschreibung unserer Beobachtungen, wie das Sprachverhalten von ukrainischen Studenten war, die Deutsch in der BRD lernen.

Seit der Nachkriegszeit hat sich die Beziehung der Menschen zu Gütern und Dienstleistungen in den alten Bundesländern fortdauernd verändert. Das Problem des Alltagslebens in Deutschland ist nach G.Schulze (1992) nicht mehr die Sicherung der Existenz, sondern die Orientierung in einer Flut von Möglichkeiten, welche die sichere Existenz der Menschen in einer "Erlebnisgesellschaft" bieten. Die Erlebnisgesellschaft ist eine Gesellschaft, bei der im historischen und interkulturellen Vergleich innenorientierte Lebensauffassungen eine relativ große Rolle auf den Aufbau der Sozialwelt spielen. G. Schulze analysiert die Begriffe "Erlebnismarkt", "Erlebnismachfrage", "Erlebnismotivation" u.a. Besonders wichtig ist seine Analyse der Erlebnisorientierung, welche mit der Formierung der Möglichkeiten zur normalen existentiellen Problemdefinition geworden ist. Die Charakteristika der Erlebnisgesellschaft manifestieren sich in folgenden Aspekten: soziale Milieus, Anschauungsweisen, Erlebnismarkt, Ästhetisierung des Alltagslebens und Paradoxien der Kulturpolitik. Die Resultate seiner Forschung summierend, beschreibt G. Schulze den kulturellen Übergang in der BRD. Unserer Meinung nach sind die äußerst interessanten Schlußfolgerungen von G.Schulze durch die neuste Arbeit von P. Baumann "Macht und Motivation" (1993) zu ergänzen, deren Hauptgedanke wie folgt formuliert werden kann: Macht kann auch in der sozial ungleich verteilten Chance bestehen, Andere dazu zu bringen, etwas Bestimmtes überhaupt erst zu wollen und nicht bloß zu tun.

Die dargelegten Ausführungen werden im Fremdsprachenunterricht unter dem xenologischen Aspekt ausgewertet: in den landeskundlichen Seminaren, im Konversationsunterricht und im Sonderkursus, wo Orientierungsmöglichkeiten in verschiedenen Kulturen verglichen und der Weg zur Anpassung diskutiert werden. Das Buch "Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart" von G.Schulze ist für die Studenten nicht

nur durch den Ideenreichtum, klaren und präzisen Stil interessant, sondern auch dadurch, daß zu den wichtigen Methoden der Analyse die fundamentale Semantik und Semiotik gehören.

Zur Beschreibung des Sprachverhaltens haben wir solche Begriffe wie Sprechhandlung, Sprachverhalten und Stil des Sprechverhaltens gebraucht. Unter der Sprechhandlung verstehen wir einen Sprechakt oder mehrere Sprechakte, die das Ziel haben, eine kommunikative Aufgabe in einer konkreten Situation zu lösen. Das Sprachverhalten ist die Gesamtheit von Sprechhandlungen, deren Ziel ist es, die strategische Hauptaufgabe im Rahmen des ganzen Textes und des Dialogs zu lösen. Der Stil des Sprechverhaltens ist die Gesamtheit von beständigen Merkmalen der Rede, welche das Sprechverhalten der Persönlichkeit in verschiedenen Situationen kennzeichnen.

Der Effekt der Kommunikation hängt von der Fähigkeit des Ausländers ab, in seinem Sprechverhalten maximal adäquat den Erwartungen der Muttersprachler gerecht zu werden. Dazu ist die Kenntnis der Verschiedenheiten im Sprachverhalten in beiden Sprachen notwendig, sowie die Fähigkeit, das Sprachbild und das psychologische Bild des Redepartners zu konstruieren (auf dem Niveau des Alltagsbewußtseins). Außerdem muß der Fremdsprachler über gewisse Kenntnisse auf dem Gebiet der Psychologie des Lebens im Ausland verfügen, weil "die Umwelt" eine wichtige Quelle für extralinguistische und linguistische Information ist. Diese Information übt auf das soziale Zusammenwirken und territoriale Verhalten des Menschen einen großen Einfluß aus. Dabei sind solche Begriffe wie der persönliche, soziale, innere Raum des Menschen und der Raum der Arbeit wichtig.

Die oben genannten Probleme analysiert jetzt das neue Gebiet der Psychologie - die ökologische Psychologie. Das Sprachverhalten, welches das Verhalten des Menschen in diesen Räumen begleitet, analysiert die Ökolinguiistik und Praxiologie. Unter letzterer verstehen wir die Sprachen in den Institutionen, die jetzt besonders in Deutschland intensiv studiert wird, aber noch in der Theorie und Praxis des Sprachunterrichts keinen Widerhall gefunden hat. Wie die Analyse der theoretischen Quellen und unsere eigenen empirischen Beobachtungen zeigen, hat das Fehlen der notwendigen Kenntnisse und Fertigkeiten auf diesem Gebiet für die Fremdsprachler negative Folgen gehabt: niedrige Effektivität der Kommunikation, Verletzung der Autorität. Das alles kann zu Konflikten und Streßsituationen führen. Nach unseren Erfahrungen kann man folgende psychologische Zustände der Fremdsprachler bei dem Aufenthalt im Ausland aussondern: Zustand der Spannung, Adoption, Zustand des Komforts, Zustand der "Naturalisierung" (hemmungsfreies Sprachverhalten in beliebiger Situation). Deshalb hat die Ausarbeitung dieser Probleme nicht nur theoretische, sondern auch wichtige praktische Bedeutung.

Ökolinguiistik untersucht das Funktionieren der Sprache unter bestimmten sozialen Bedingungen und Sprachsituationen zwecks Optimierung der Sprachverwendung und Verteidigung von verschiedenen Beeinflussungsfaktoren, eine besondere Aufmerksamkeit wird dabei der Sprachkultur, dem Sprachgefühl und Stil geschenkt.

Für den Fremdsprachenunterricht ist die Frage über die Erziehung der Kultur des Sprechverhaltens aktuell. Die Kultur des Sprechverhaltens ist das Maß und der Grad der Übereinstimmung des aktuellen Sprechverhaltens des Individuums in der gegebenen Sprachkultur mit den Normen, sie ist zugleich die Manifestation des verbalen Verkehrs, der Verhaltenskultur und der allgemeinen Kultur des Menschen, die mit seiner inneren Kultur, Bildung und Erziehung in Wechselbeziehung steht.

Die Kultur des Sprechverhaltens schließt folgende Komponenten ein: die Kultur der Sprachetikette, die Kultur der Mentalität, die Sprachkultur, die Sprechkultur. Die Sprachkultur zeigt sich in makelloser Beachtung orthoepischer, wortbildender und grammatischer Normen, in der Richtigkeit, Genauigkeit und der Schnelligkeit der Auswahl lexikalischer und grammatischer Einheiten. Unter der Sprechkultur verstehen wir die Art und Weise der Gestaltung und Formulierung der Gedanken als Gegenstand der Sprechfähigkeit. Die Sprechkultur wird durch vier Merkmale bestimmt. Dazu gehören:

- die Unterordnung des ganzen Textes einem Hauptgedanken;
- der Zusammenhang aller Gedanken im Inneren eines Mikrothemas und der Zusammenhang von Mikrothemen im Rahmen des ganzen Textes;
- die Komplexität, d.h. die Verbindung der Urteile in einer komplizierteren Äußerung mit Hilfe einzelner Wendungen, Adverbialpartizipien, Schalteilen u.a.;
- die Flexibilität der Veränderung der kompositionellen Struktur des Textes, des Handlungsschwerpunktes, der Kulmination; die Veränderung seiner stufenförmigen oder spiralförmigen Struktur.

Die Erforschung des Sprechverhaltens und seiner Einheiten - der Sprechhandlungen fordert den kontrastiven Vergleich des Sprechverhaltens in verschiedenen Sprachkulturen zwecks Optimierung der gegenseitigen Verständigung und Beseitigung der Sprechkonflikte.

Feministische Linguistik - die Untersuchung der Besonderheiten der Frauensprache (linguistischer, psycholinguistischer und soziologischer Aspekt). Die Frage nach dem Zusammenhang zwischen Sprache und Geschlecht spielt heute unter dem Einfluß der Frauenbewegung in vielen Untersuchungen keine untergeordnete Rolle mehr. Das geschlechtsspezifische Sprachverhalten, die Besonderheiten der Sprache über bzw. mit Frauen, die Analyse typischer Sprechakte und Reaktionen, das Modellieren von entsprechenden Sprechstrategien sollen im Fremdsprachenunterricht berücksichtigt werden. Noch vor 60 Jahren wurde dem Fremdsprachenlerner angelegentlich die Lektüre von Frauenromanen empfohlen (Jespersen 1922), was auch heute aktuell bleibt.

Die oben genannten Forschungen sind für eine richtige Formulierung der Sprachkompetenz, der Orientierung im fremdsprachigen Land und des Sprachgebrauchs sowie Bedingungen für höchstqualifizierte Übersetzungen wichtig.

Literaturliste

1. Baumann 1993: Baumann P. Macht und Motivation. Zu einer verdeckten Form sozialer Macht.- Göttingen: L B, 1993.
2. Grigorieva/Ejger 1995: Grigorieva L., Ejger G. Sprachgefühl (methodologischer Aspekt)// Das Wort. Germanistisches Jahrbuch.-1995.- S.115-123.
3. Jespersen 1922: Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. - Berlin, 1922.
4. Schulze 1992: Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl.- Frankfurt a. M.; New York: Campus Verlag, 1992.
5. Schweizer 1976: Schweizer A. Sowremennaja soziolingwistika. Teorija, problemy, metody.- Moskau: Nauka, 1976.

В.А. Дмитренко, Н.А. Олейник (Харьков)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЮМОРИСТИКИ 19-20 ВЕКОВ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Каждый период американской литературы, даже пуританский, может характеризоваться наличием определенной юмористической направленности в ее обычных формах или же под видом некоторых черт иронии, сатиры или остроумия. Именно разноплановость является наиболее яркой характеристикой юмора в Америке. По мере развития в юмор вошло много жанров, включая пародийную эпическую поэму, пьесы, шутовские романы.

"Tall tale" - рассказ с преувеличениями, к середине 19 в. перекочевавший из устной традиции в литературу, в общем - то и остался единственной "специфически американской" формой юмора.

В конце 19 - нач. 20 вв. американская юмористика развивается преимущественно в газетно-журнальных рамках. Основные ее формы - новелла и колонка обозрения. Среди наиболее известных в те годы - ежедневные колонки в нью-йоркских газетах Кристофера Морли в "Evening Sun", Франклина Пирса Адамеса в "Tribune", Дона Маркиза в "Sun", а за тем в "Herald Tribune".

Весьма важную роль в сатирической журналистике сыграла деятельность Генри Льюиса Менкена. У Менкена - юмориста и сатирика, постоянным персонажем выступал американский буржуа - тупой, невежественный и довольный собой. Менкен ввел для него "научное обозначение", неологизм - "boobus Americanus", собирательно: "booboisise" (контаминация слов "boob" - глупец и "bourgeoisie").

Типичны для литературной Америки той поры работы Дона Маркиза. По колонкам Маркиза в изобилии разбросаны остроты и юмористические афоризмы. Например, "When a man tells you that he got rich through hard work, ask him "whose?". A pharisee is the man who prays publicly and preys privately."

После первой мировой войны в Америке преобладали беззаботно радостные настроения, страна в экономическом отношении преуспевала. Это отразилось и на литературе. Появилась целая плеяда писателей-юмористов. В журнале "Saturday Evening" появляются первые новеллы Ринга Ларднера, Уилла Роджерса и Ирвина Кобба. В 30-е годы процветает "чистая юмористика" и в то же время получают размах литература социальной сатиры. Опасность распространения "коричневой чумы" фашизма стало темой басни "Кролики и волки" ("The Rabbits and the Wolves") из цикла "Басни нашего времени" юмориста - прозаика Дж. Тербера, получившего широкую известность в 30-е годы.

В 80-х годах прошлого столетия Дж. Ч. Харрис начал собирать образцы устного негритянского творчества: в его обработке увидели свет цикл рассказов дядюшки Римуса, серия историй о похождениях Братца Кролика. Отдельные пословицы и афоризмы черной Америки часто использовались комиками и юмористами. Одним из ярких представителей негритянской литературы стал Ленгстон Хьюз. Он писал рассказы, пьесы, романы стихи публицистику.

В послевоенные годы в юмористике появляются такие имена как Питер де Райс, Ричард Армор, Джеймс Патрик Донливи, Вуди Аллен. Немалой популярностью пользуются фельетоны Арта Бухвальда.

В конце 50-х годов в литературно-критическом обиходе появляется термин "черный юмор", который в последствии получает достаточно широкое употребление. Для "черных юмористов" современный мир - гигантский "скверный анекдот" и ничего, кроме тотальной иронии, не заслуживает. Повышается роль категорий иронического и трагикомического, определяющих пафос многих произведений Дж. К. Оутса и Селенджера, Джозефа Хеллера и Курта Воннегута.

История развития американского юмора прошла довольно долгий путь, когда во второй половине 19 в. появились работы Марка Твена. Мы ограничимся изложением тех речевых средств и приемов создания комического эффекта, которые наиболее ярко отразили индивидуальный вклад М. Твена в дальнейшее развитие лучших традиций американского фольклорного и газетного юмора 19 в.

В творчестве М. Твена неологизмы призваны способствовать художественной выразительности текста. По отношению к той категории ученых, которым "нужна щепотка предположения, чтобы воздвигнуть из нее гору доказанных фактов", Твен употребляет наименования, созданные им из их же излюбленных словесных штампов: "perhaps - Perhapsers; suppose - Supposers; might have been - Might - Have - Beeners; without a shadow of doubt - Without - a - Shadow - of - Doubters; we are warranted in believing - We - are - Warranted - in - Believing". В переводе на русский язык эти неологизмы звучали бы как "возможники", "вероятники", "ни-тени-сомненишки", "есть-основания-предполагальщики" и т.д.

Прием юмористического искажения смысла слов Твен взял прямо из жизни. Сущность этого приема состоит в том, что рассказчик в интересах комического придает тем или иным словам совершенно новые, не закрепленные за ними традиции значения, чаще всего фигуральные. Так, например, в целях сатиры, Твен употребляет слово "clothes-horses" (складная рама для сушки белья) в совершенно новом для него переносном смысле, который соответствует фигуральному значению слова "манекен", т. е. заменил избитый словесный штамп - наименование "manikin" по отношению к людям, лишенным воли и инициативы - словом "clothes - horse" (Twain, 1924; 11).

Как речевой прием комического малапропизмы использовались в американском юморе и до М. Твена. В сатирической пародии "Lectures on Astronomy" на псевдонаучные лекции Джорджа Дерби мы встречаем ряд малапропизмов, которые комически изобличают дремучее невежество выступающего в роли ученого - астронома Джона Феникса. Многие из забавных нелепостей, которые он выдает за научные истины, представляют собой механическое соединение разнообразных научных терминов, вроде сообщения о том, что "английский философ Исаак Ньютон" открыл "притяжение тяготения" (the attraction of gravitation) (Twain, 1906; 466).

В значительно меньшей степени характерны малапропизмы для авторской речи. Но и в этом случае, сатирическая направленность контекста нередко делает их средством сатирического изображения. Так, например, пародируя заумные научные трактаты, Твен, устами своей комической маски соединяет в одно целое не сочетаемые понятия, обильно пересыпает свою речь некстати употребленными словами, научными терминами, вымышленными "фактическими" справками и прилагает все усилия к тому, чтобы предать этому гротескному набору нелепостей видимость научной мысли:

"I had a theory that the gravitation of refraction being subsidiary to atmospheric compensation, the refrangibility of the earth's surface would emphasize this effect in regions where great mountain ranges occur, and possibly so even-handedly impact the odic and idyllic forces together, the one upon the other, as to prevent the moon from rising higher than 12,200 feet above sea level" (Twain, 1921; 156) - (У меня была теория, что поскольку тяготение рефракции субсидируется атмосферной компенсацией, преломляемость поверхности земли подчеркнет этот эффект в районах, где есть горные цепи, и, возможно, со всей беспристрастностью скрепит одические и идиллические силы вместе, одну над другой, так чтобы помешать луне подниматься выше 12 200 футов над уровнем моря.)

Прием калькирования иностранных слов, выражений, синтаксических конструкций и в особенности макароническая речь были неотъемлемой частью американской юмористики. Так, например, Твен включает иностранные слова в английский текст без каких-либо изменений, на равных условиях с английскими словами: "B you are a good girl, but you mental

Geschirr is not arranged for light and airy conversation." (Twain, 1907; 7). - "В вы хорошая девушка, но ваш уместный Geschirr не приспособлен для легкого и непринужденного разговора."

В других случаях Твен оформляет иностранные слова согласно нормам английской грамматики. В приводимом ниже примере, немецкое слово *Studenmadchen* получило грамматическое оформление английского существительного в притяжательном падеже: "It was too large a contract for the *Studenmadchen's* vocabulary..." (Twain, 1907; 6).

Как средство создания комического прием юмористических и сатирических расшифровок используется Твеном применительно к пословицам и поговоркам, различным наименованиям, лексическим стандартам, девизам, крылатым выражениям и т. п. Характерным примером может служить английская пословица "Truth is stranger than fiction" (Правда дикий вымысел), которой Твен придал два совершенно несвойственных ей значения *is stranger than fiction, but it is because Fiction is obliged to possibilities; Truth isn't* и "Truth is stranger than fiction - to some people, but I am measurably familiar with it." (Twain, 1925; 137). Оба высказывания принадлежат к арсеналу афоризмов вымышленного юмористического персонажа - Пустоголового Вильсона.

В первом случае новая интерпретация пословицы стала возможной благодаря тому, что слово "fiction" обладает двумя различными значениями: "вымысел" и "художественный вымысел" (в смысле "беллетристика") "Правда дикий вымысел художественного вымысла, но это по тому, что последний не может выходить за пределы возможного, а правда свободна от этого".

Во втором случае герой добавил к пословице слова "to some people", благодаря чему, слово "strange" стало означать не "дикий", а "чуждый": "Для некоторых правда более чуждое понятие, чем вымысел, но я знаком с ней сравнительно хорошо".

Приемом обнажения метафоры в различных фразеологических единицах М. Твен пользуется так же широко, как и его предшественники: "to lose one's temper" (выйти из себя, потерять душевное равновесие): "It takes me a long time to lose my temper, but once lost I could not find it with a dog" (Twain, 1935; 240) - (Много нужно, что бы я потерял душевное равновесие, но уж если оно потеряно, то его и с собакой не сыщешь).

По мнению М. Твена комическая пауза является самым важным элементом устного юмористического рассказа: она неизменно предшествует изложению его "соли", "изюминки" (Botkin, 1944). Комическую паузу Твен часто сочетает со стилистическим приемом, именуемым "фигурой умолчания" и, в этом случае функция комической паузы сводится к тому, чтобы придать описанию необходимую живость и непринужденность, и сделать это описание более выразительным. Фигура умолчания у Твена обладает своими особенностями. После комической паузы, резко обрывающей плавное повествование, очень часто следует оговорка типа "let it go" (или "but never mind"), которая вопреки всем ожиданиям вовсе не означа-

ет, что Твен расстается с темой своего повествования. Например: "In one of my duels - However, let it go, there is nothing particularly striking about it except that the seconds interfered" (Twain, 1921; 231) - (Во время одной из моих очередных дуэлей - впрочем оставим этот вопрос в стороне - в ней не было ничего особенного, кроме того обстоятельства, что в дело вмешались секунданты).

Особый интерес представляет индивидуальный комический прием Твена, который мы условно именуем приемом "смысловых эллипсов". Это одна из разновидностей широко употребительного в американском юморе комического приема, известного под названием "сдержанного выражения", или "understatement". Вызываемый "сдержанным выражением" комический эффект основан на том, что юморист представляет те или иные неприятные ситуации в чрезвычайно смягченном виде, а смешанные эпизоды - в спокойном и совершенно бесстрастном тоне: "I went away from there. I did not say that I went away in any sort of a hurry, but I simply went - that is sufficient. I went out at the window, and I carried the sash along with me." (Twain, 1979; 166) - (Я ушел оттуда. Я не сказал, что ушел торопливо или стремительно. Я просто ушел - этого достаточно. Я вышел из дому через окно и унес с собой оконный переплет.)

Удельный вес речевых средств создания комического в творчестве М. Твена настолько велик, что на его примерах мы показали общую тенденцию употребления различных приемов и средств создания юмористического настроения, характерного для большей части представителей американской юмористики 19 - 20 вв.

Литература.

1. Twain, 1924: Twain M., *Meistershaft: in Three Acts*, N. Y., 1924; 2. Twain, 1906: Twain M., *Library of Humor*, London, 1906; 3. Twain, 1921: Twain M., *A Tramp Abroad*, N. Y., 1921; 4. Twain, 1907: Twain M., *Christian Science*, N. Y., 1907; 5. Twain, 1925: Twain M., *Following the Equator*, N. Y., 1925; 6. Twain, 1935: Twain M., *Notebook*, N. Y., 1935; 7. Botkin, 1944: Botkin B. A., *The Sky's the Limit*, N. Y., 1944; 8. Twain, 1979: Twain M., *The Innocents Abroad*, Leipzig, 1979; 9. Bier J., *The Rise and Fall of American Humor*, N. Y., 1968.

Я.В. Долгополова (Харьков)

ЛАКУНЫ КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Основой, на которой возможно межкультурное общение, является, как указывает А. Д. Швейцер, "универсальность категорий человеческого мышления, наличие семантических универсалий и известная общность человеческого опыта" (Швейцер 1976:120). Возможно некоторое отличие понятийного членения мира носителями разных культур, потому что но-

сителями разных культур могут быть выбраны "в качестве основы общения" разные стороны явления.

Отраженные в языке и речи различия в ассоциативной картине мира можно рассматривать как проявление национально-культурной специфики речевого поведения.

Столкновение с чужой культурой носит, по-видимому, двойственный характер. С одной стороны, оно вызывает у реципиента ощущение странного, непривычного, малопонятного, поэтому естественно возникает чувство недоверия, некоторой настороженности по отношению к чужой культуре. С другой стороны, у реципиента могут возникать чувства удивления, интереса, антипатии к формам существования чужой культуры.

В процессе контакта с незнакомой культурой у реципиента складывается определенное отношение к ней. Восприятие чужой культуры детерминировано национально-специфическими различиями, существующими между родной и чужой реципиенту культурами. Явления (элементы) культуры, отражающие ее национальную специфику, фиксируются и описываются нами с помощью понятия "лакуна".

Термин "лакуна" трактуется в современной этнолингвистике (Сорокин 1977, Марковина 1981) как специфический компонент национальной лингвокультуры, зафиксированный в тексте и затрудняющий понимание этого текста инокультурным реципиентом. В другой интерпретации лакуны - это то, что в одних языках и культурах обозначается как "отдельности", а в других "не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения" (Дорошевский 1973:44).

Общеизвестно, что всё (точнее, почти всё), что выражено на одном языке, можно при определенных затратах усилий, передать на другом языке. Однако, как справедливо заметил Ч.Хоккет: "Языки различаются не столько тем, что с их помощью можно выразить, сколько тем, что с их помощью выражается относительно легко" (Хоккет 1983:56). Метод установления лакун можно охарактеризовать как метод сопоставления понятийных, языковых и эмотивных категорий двух или более культур. Воспринимая иноязычный/инокультурный текст, реципиент нередко исходит из набора правил, присущих его родному языку и культуре. Предложенные ему правила некоторого иного языка, реализованные в некотором тексте, относятся к другому, не его собственному языку, и к другой, не его собственной культуре, и могут поэтому опознаваться как непонятные и/или ошибочные. Можно предположить, что все, интерпретируемое реципиентом, как ошибочное, непонятное или странное, является специфическим сигналом присутствия в тексте языковых феноменов и/или наличия внеязыковых коррелятов, соотносенных с понятийной структурой и психическим типом, неидентичными соответствующим характеристикам реципиента.

Возникновение лакун при взаимодействии реципиента и текста может быть обусловлено целым рядом причин. Очевидно, здесь играют роль тот

или иной способ сосуществования этноса с ландшафтом, определяющий различные виды деятельности и поведения, несовпадения тех комплексов знаний, которыми владеют разнокультурные коммуниканты, а также ряд причин социально-психологического характера, таких, как традиции и обычаи, привычки, темперамент, эмоции, образный или рациональный тип восприятия мира.

Лакуны есть следствие неполноты и/или избыточности опыта лингвокультурной общности, вследствие чего не всегда возможно дополнить опыт одной лингвокультурной общности опытом другой. Лакуны есть явление, принадлежащее коннотации, понимаемой как набор традиционно разрешенных для данной локальной культуры способов интерпретации факторов, явлений и процессов вербального поведения.

Рассматривая речевой акт обещания, мы пришли к выводу, что он является достаточно лакунированным и культурно-маркированным речевым феноменом, заслуживающим изучения в рамках такого направления, как "этническая конфликтология". Обладая ярко выраженной национальной индивидуальностью и отражая особенности национальной психологии, данный речевой акт, бесспорно, представляет интерес в плане межкультурного общения, т.к. в данной области проблема заполнения и элиминации лакун является достаточно актуальной.

Лакуны, характеризующие этнокультурную специфику речевого акта обещания (промисива) в английском и русском языках можно подразделить на лингвистические и экстралингвистические (культурологические). Первая группа включает лексические, грамматические и стилистические лакуны. Ко второй группе мы относим субъектные (характерологические, культурно-эмотивные и др.), деятельность-коммуникативные (поведенческие и др.) и лакуны культурного пространства (этнографические).

В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением лингвистических лакун, которые наиболее ярко проявляются при сопоставлении лексических единиц, участвующих в оформлении данного речевого акта обещания в сравниваемых языках. Среди них - абсолютные лингвистические лакуны, связанные с отсутствием у носителей английского языка возможности выразить отдельным словом или устойчивым словосочетанием понятие, лексически зафиксированное в русском языке. С этой точки зрения особого рассмотрения заслуживают обещания-клятвы. Так, несомненная лакуна возникает в случае попытки передать на английском языке значение таких русских фразеологических единиц, как: *"клянусь гробом моей матери"*, *"чтоб мне не сойти с этого места"* и др.

е.g. - Не буду больше, - обливаясь слезами, проговорил Емельян. - *Чтоб мне не сойти с этого места, не буду...* (Е. Петров)

Наряду с абсолютными были выявлены относительные лакуны, характеризующие частоту употребления лексических параллелей (слов-коррелятов) в двух языках. Например, такие русские словосочетания как *"вот увидите"*, *"вот запомни мои слова"*, *"честное слово"*, *"вспомните мое слово"*

встречаются намного чаще, чем их английские корреляты: "honestly", "word of honour", "you'll see". В исследованной выборке удельный вес таких параллелей в русском языке составляет - 10%, в английском - лишь 3%.

e.g. - *Рекомендую - чудный малый и величайший эрудит. И, вспомните мое слово, всех нас он за пояс заткнет не позже чем через год!* (М. Булгаков)

e.g. - *Don't leave me now, it'll be here any minute, - pleaded Violet.*

- *I'll be back, honestly, - promised the Queen. (Townsend)*

Существенные различия наблюдаются и в употреблении обещаний, маркированных перформативными глаголами: 13% и 35% в русском и английском языке соответственно.

Наши данные позволяют констатировать значительный перевес обещаний, маркированных ядерным глаголом обещания (английским "promise", русским "обещать"), где на их долю в английском языке приходится - 13%. Соответственный показатель в русском языке ниже - 2%.

e.g. - *If for some reason you can't find me here, I promise I'll give you an address where you can always reach me. (Lessing)*

e.g. - *Ладно, - сказал я. - Я обещаю, что найду экспедицию: я не верю, что она исчезла бесследно, и тогда посмотрим, кто из нас прав. (В. Каверин)*

Для оформления данного речевого акта в английском языке используются также лексико-грамматические средства - конструкции с футуральной референцией (to be going, to be about, to be sure, etc).

e.g. - *We're going to take back America! - Mr Buchanan shouted. ("News-week")*

e.g. - *I am about to return to the house, Pray allow me the pleasure of accompanying you. (Collins)*

Данные конструкции не имеют одноуровневого коррелята в русском языке и воспринимаются русскоязычными коммуникантами как лакунированная сфера выражения. Однако отсутствие грамматико-лексических компонентов восполняется здесь синтаксическими средствами, такими как бессказуемые схемы, в которых место сказуемого не замещено, а соотносено позиционно и по смыслу с подлежащим и которые можно рассматривать как синтаксические лакуны с точки зрения английского языка.

e.g. - *Вы много читать будете? - спросил Демка.*

- *Все время! (А. Солженицын)*

Речевой акт обещания совершается также и с помощью таких лексических компонентов как модальные глаголы в английском языке и слова категории состояния в русском. Оба типа единиц являются лингвистическими (лексическими) лакунами с точки зрения носителей соответствующих языков.

e.g. - *Okay, we'll beat'em to it. Dick, we've got to keep awake, we've got to watch things and be ready. (Lindsay)*

e.g. - *Петр Петрович, завод мы к ноябрю пустить должны.*

- Ты же сам сегодня утром доказывал, что не успеть к этому сроку. Ведь его действительно нельзя...невозможно...

- Невозможно, а обязаны. (Иванов)

В ходе исследования были выявлены также и стилистические относительные лакуны. Выделенные нами семантические разновидности обещания имеют в сопоставляемых лингвокультурах неодинаковые потенции в отношении эмоционального воздействия на реципиента. Одни обещания становятся носителями эмоционального заряда, другие - нет. Вслед за Мягковой Е.Ю. (1981:82) под эмоциональной нагрузкой мы понимаем различные проявления отношения субъекта к тому, что называет воспринимаемое или используемое им слово.

Как маркированные, так и немаркированные обещания в обоих языках подразделяются на нейтрально окрашенные и эмоционально окрашенные, последние в свою очередь - на положительно и отрицательно окрашенные.

К нейтрально окрашенным обещаниям можно отнести некоторые речевые акты, содержащие глагол "promise" в английском языке и глагол "обещать" в русском языке, идентифицирующие лексическое значение слова без проявления своего отношения к нему.

e.g. - *I promise not to be late again. (Slaughter)*

e.g. - Ну, что ж, - сказал Ликоспастов, - поздравляю. Я обещаю тебе, что ты далеко пойдешь! (М. Булгаков)

К положительно окрашенным обещаниям, обладающим эмоциональной нагрузкой и являющимся носителями положительного заряда для говорящего и реципиента, можно отнести обещания-уверения, обещания-ручательства и обещания-клятвы, содержащие перформативные глаголы "vow", "swear", "assure", "guarantee" в английском языке и "уверять", "клясться", "гарантировать", "ручаться" в русском языке.

e.g. - *Madam, I assure you that my greatest gift will be for the man I wed and none other before him, - Sophie insisted. (Lessing)*

e.g. - *Don't abandon me, milord.*

- *I vow I shall hold fast as long as I am able. (Slaughter)*

e.g. - Я клянусь, что не обману ее веры и доверия товарищей. (Фадеев)

В силу того, что отрицательно окрашенные обещания являются носителями отрицательного эмоционального заряда, к ним относятся главным образом обещания-угрозы.

e.g. - *He was about to start again, but she shouted at him: "I mean it! Yop shout and scream and I'll tie you up!". (Lessing)*

e.g. - Ну, и я тетку ограблю, - сказал Мефодий. - Чем я хуже Раскольников?

- Ты это говоришь серьезно?

- Ну да серьезно. (Астафьев)

Анализ фактического материала показал, что до 56% промисивов в английском языке и до 61% промисивов в русском языке являются эмоционально окрашенными, при этом в английском языке удельный вес положи-

тельно окрашенных промисивов на 10% выше, чем отрицательно окрашенных: 33% и 23% соответственно. В русском же языке в числе эмоционально окрашенных промисивов основную роль играют отрицательно окрашенные (34% отрицательно и 27% положительно окрашенных).

Таким образом, контрастивно-типологический анализ речевых актов обещания в английском и русском языках с использованием метода установления лингвистических лакун позволяет выявить различия и совпадения, характерные для двух контрастирующих культур, давая определенное представление о реально действующих механизмах адаптации элементов семиотического опыта в двух различных лингвокультурных общностях.

Литература.

1. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. - М., 1973.
2. Марковина И.О. Лакуны как инструмент описания специфики локальных культур. // Проблемы организации речевого общения, М., 1981.
3. Муравьев В.Л. Лексические лакуны. - Владимир, 1981.
4. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова и ее проявление в материалах ассоциативного эксперимента // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики, Калинин, 1981.
5. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур. // Национально- культурная специфика речевого поведения, М., 1977.
6. Сорокин Ю.А., Марковина И.О. Понятие "чужой" в языковом и культурном контексте. // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты, Днепропетровск, 1988.
7. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. - М., 1976.

И.Ю. Евдокимова (Харьков)

АНТОНИМЫ И ОППОЗИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДИСКУРСЕ (на материале учебных текстов по теории менеджмента)

Антонимия, являясь лексико-семантической категорией системы языка, базирующейся на противоположном значении его единиц, понимается современной наукой как явление, возникающее в процессе познавательно - коммуникативной деятельности человека, а система антонимов рассматривается как выражение средствами языка результатов этой деятельности. Антонимы в сфере речевой деятельности, таким образом, фиксируют в языке познанные в их противоположности понятия и явления объективной действительности или отдельные признаки этих явлений.

С семантической точки зрения антонимы характеризуются сходными однотипными значениями, предельно противопоставленными друг другу, условно "положительными" и "отрицательными" компонентами по одному существенному признаку (Львов 1984).

В семантическом пространстве действия вышеупомянутые дифференциальные признаки имеют широкий семантический спектр, организуясь в более крупные семантические ряды, одним из которых является количественный. В количественном плане количественно-уменьшающие и количественно-увеличивающие глаголы могут быть условно расположены между двумя полюсами. Шкала отклонений от центрального положения имеет симметричный вид. Это центральное положение является нормой, в качестве которой можно рассматривать, например, правдивое представление информации либо ложное (с искажениями) ее представление. Эту количественную шкалу можно представить в следующем виде:

Количественно-уменьшающие глаголы			Норма	Количественно-увеличивающие глаголы		
1'	2'	3'	3	2	1	
to understate	to restrict	to underestimate	to overestimate	to amplify	to exaggerate	
to diminish,	to confine	to underdraw	to overdraw	to enlarge	to magnify,	
etc.	to narrow,	to underpraise,	to overprice,	to extend,	etc.	
	etc.	etc.	etc.	etc.		

При отклонении от нормы в сторону уменьшения или увеличения представляется возможным выделить три позиции, члены которых различаются по степени отклонения от нормы и вступают в антонимические отношения с соответствующими членами противоположных по знаку позиций.

Наиболее очевидны антонимические отношения позиций, удаленных от центра - нормы. Три выделенных позиции, располагающиеся вблизи от выделенных полюсов шкалы, представляют вербализованную систему коллективного знания, они являются "признанными" антонимами, зарегистрированными в соответствующих словарях, например, to diminish -to magnify, to restrict -to amplify, to underestimate -to overestimate.

Ближе к центру располагаются так называемые психологические оппозиции (Залевская 1977), примерами которых могут служить пары: to relieve to intensify, to ease -to aggravate, to smoothe -to worsen, etc.

Еще ближе к центру шкалы будут располагаться так называемые окказиональные или контекстные глаголы. Например, глаголы to wait -to begin не являются "признанными" антонимами, однако они могут выступать в роли окказиональных антонимов в дискурсе:

You can't wait. To beat the new decade's worker shortages, you have to begin planning now.

Выделенные разновидности антонимических отношений играют существенную роль в организации и структурировании дискурса. Если использовать опубликованную классификацию оппозитивных отношений в дискурсе Малимоновой Н.В. (Малимонова 1996), то выделенные позиции шкалы будут соответствовать следующим типам оппозитивных отношений в дискурсе: -противоречие / отрицание признака /; этим отношениям соответствуют "признанные" антонимы, например, глаголы *to rise* - *to fall*.

As interest rates rise, prices of existing bonds and mortgages fall. Conversely, when interest rates fall, prices of existing bonds and mortgages rise.

-противопоставление /логическая или ассоциативная замена /модификация признака/; эти отношения базируются на психологических оппозитах, например, глаголы *to decline* - *to rise*, первый из которых определяется как "to refuse, to fall off, to diminish, to slope downwards", а второй как "to increase, to extend upwards, to move upwards" (Webster's 1993), в следующем контексте выступают как психологические оппозиты.

The number of young workers entering the work force will decline.

The average age of the population and the work force will rise.

-потенциальная оппозитивность, строящаяся на окказиональных или контекстных антонимах.

Take your choice: prosperity or calamity.

"Help Wanted" is a guidebook for achieving the first and avoiding the second.

В данном контексте *to achieve* и *to avoid* вступают в окказиональные антонимические отношения и определяются как "to carry out successfully, to attain" и как "to keep out of the way of, to refrain from".

Смысл различения семантических и функциональных отношений, в основе которых лежит антонимия, состоит в том, что первые дают возможность идентифицировать языковую единицу и причислить ее к парадигматическому классу на основе выделения ее оппозиций, а вторые дают объяснения соответствующих единиц в речи, объяснение механизмов организации дискурса.

Литература.

1. Львов 1984: Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. - М., 1984.
2. Залевская 1977: Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. - Калинин, 1977.
3. Малимонова 1996: Малимонова Н. В. Оппозитивная реакция в современном англ. языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. - Х., 1996.
4. Webster's 1993: New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. Lexicon Publication, Inc., 1993

DIE ERSPARUNG VON ELEMENTEN IN DEN ALTERNATIVEN STRUKTUREN DER DEUTSCHEN GEGENWARTSSPRACHE

Unter der Ersparung von Elementen der alternativen Strukturen verstehen wir die Weglassung der alternativen Konjunktion "oder" und / oder Ersparung von lexischen Morphemen der Wortfügung; dabei werden die Flexionen vom lexischen Teil des Wortes durch den Schrägstrich oder durch die runden Klammern getrennt. Unseres Wissens ist diese interessante Erscheinung noch nicht erforscht. Da die alternativen Strukturen wesentliche Merkmale des deutschen morphologischen Systems widerspiegeln, so ist ihre Erforschung vom Interesse.

Folgende Elemente der alternativen Strukturen können erspart werden:

1) *Die alternative Konjunktion "oder" in nicht strenger disjunktiver Bedeutung, z.B.:*

(1) Das Traditions-Restaurant Hirsch sucht Koch / Köchin (d.h. Koch oder Köchin).

Dieses Beispiel und die nächstfolgenden sind den Zeitungen "die Zeit", "Süddeutsche Zeitung", "Frankfurter Allgemeine" (1989 - 1996) u.a. entnommen.

(2) Gestaltungstherapeutin / Gestaltungstherapeuten für 29 Studenten.

(3) Wir stellen zum sofortigen Eintritt im Behandlungszentrum II ein: Arzt / Ärztin im Praktikum.

In der Regel besteht alternative Beziehung zwischen zwei Substantiven.

2) *Die Ersparung der Konjunktionen und gleichzeitige Ersparung vom lexischen Teil der Satelliten des Substantivs und des lexischen Morphems des Substantivs:*

(4) Für Fachgeschäft suchen wir eine / n Verkäufer / in.

(5) Wir suchen Friseure / innen.

Wie aus diesen Beispielen zu ersehen ist, handelt es sich um Ersparung des lexischen Teiles des Artikels und des Substantivs; die Pluralflexion und die Endungen "vertreten" sozusagen das ganze Wort.

3) *Gleichzeitig können Elemente von zwei alternativen Strukturen erspart werden:*

(6) Wir suchen für die Pfälzlinik Landeck (in) Sozialarbeiter (in) / Sozialpädagogen.

Es ist zu bemerken, daß sich die runden Klammern in diesem Fall mit dem Schrägstrich verbinden. Der Schrägstrich bedeutet die Ersparung der

Konjunktion, die runden Klammern bezeichnen das Variieren des männlichen und sächlichen Geschlechts im Singular.

Die Entfaltung der Elemente alternativer Strukturen würde zur großen Redundanz führen und dadurch auch stilistisch nicht zu rechtfertigen ist.

(7) Wir suchen für die Pfalzklīnik Landeck Sozialarbeiter oder Sozialarbeiterin, oder Sozialpädagogen oder Sozialpädagogin.

Es ist ohne psycholinguistische Experimente ersichtlich, daß die lautliche Entfaltung beim Lesen nicht stattfindet: das würde den Leseprozess alzu sehr verlangsamē, weil in diesem Fall ziemlich komplizierte regressiv-progressive Operationen vonnöten wāren. Analog:

(8) Einrichtungsberater (in) / Innenarchitekt (in).

(9) Zur Verstärkung unseres Teams suchen wir Sekretärinnen mit oder ohne Fremdsprachen. Betriebswirte (innen) / Sachbearbeiter (innen).

Graphische Varianten dieser Ersparung sind:

a) *die Ersparung der Konjunktion durch den Schrägstrich, z.B.:*

(10) Diplom-Ingenieur / -in / Diplom-Informatiker / in.

(11) Sozialtherapeutische Einrichtung für chronisch Abhängige sucht baldmöglichst: Krankenpfleger / in / in / Altenpfleger.

In diesem Fall wird die Konjunktion "oder" dreimal erspart.

b) *die Ersparung der Konjunktionen kann auch durch runde Klammern bezeichnet werden:*

(12) Renommiertes mittelständisches Unternehmen sucht Steuerfachgehilfer / (in) - Bilanzbuchhalter / (in).

c) *die Ersparung der Konjunktionen durch die Kombination des Schrägstrichs mit dem Bindestrich:*

(13) Wir suchen wissenschaftliche Mitarbeiter / - in.

Besonders anschaulich zeigt die ökonomische Rolle der Ersparung folgendes Beispiel:

(14) Wir wünschen uns Bewerbungen von Ärzt (inn)en / Biolog (inn) en.

Vgl.:

(15) Wir wünschen uns Bewerbungen von Ärzten oder Ärztinnen, Biologen bzw. Biologinnen.

Seltener kommt die Ersparung in den Wortreihen mit der Konjunktion "und" im selbständigen Gebrauch; gewöhnlich verbinden sich die alternativen Strukturen und die Strukturen mit der Konjunktion "und":

(16) Wir suchen zur Verstärkung unseres Teams eine (n) Siebdrucker (in) und Offsetdrucker (in).

(17) Ausbildung zum / zur Übersetzer / in und Dolmetscher / in.

(18) Wir suchen Übersetzer / in und Patentsachbearbeiter / in.

(19) Der Krankenhauszweckverband Ingolstadt sucht eine / n Lehrbeschäftigungs - und Arbeitstherapeutin / -en und eine / n Lehrlogopädin / -en.

(20) Wir wollen Betriebswirt / - wirtin bzw. Diplom-Kaufmann besetzen.

(21) Sozialwissenschaftler / in bzw. Epidemiologe / in.

Wie aus den letzten Beispielen zu ersehen ist, kann auch in den alternativen Strukturen die Konjunktion "bzw." gebraucht werden.

Bei der Ersparung wird an der ersten Stelle gewöhnlich die Form des männlichen Geschlechts gebraucht, dann folgt die Form des weiblichen Geschlechts, z.B.:

(22) In der philosophischen Fakultät ist die Stelle eines / einer Lektors / - in für englische Sprache zu besetzen.

(23) Am Institut für Medizinische Psychologie ist ab 1.10.1995 die Stelle eines / r wissenschaftlichen Mitarbeiters / -in zu besetzen.

(24) An der Fachhochschule Wiesbaden ist die Planstelle eines (r) Professors / in für Pflanzenernährung / Bodenkunde als Fachgebietsleiter / in zu besetzen.

(25) In der Abteilung Rheumatologie der Medizinischen Hochschule Hannover ist die Stelle eines / einer Diplom-Psychologen / in zu besetzen.

(26) Am Institut für Humangenetik ist die auf 2 Jahre befristete Stelle eines / einer wiss. Mitarbeiters / in zu besetzen.

In der letzten Zeit, wahrscheinlich unter der Einwirkung der sogenannten Femininenrichtung in der Linguistik und in der Sprachpraxis, ist auch die umgekehrte Reihenfolge möglich:

(27) Bei der Stadt Hildesheim ist im Stadtarchiv die Stelle einer / eines Archivrätin / Archivrates zu besetzen.

Hier ist die Ersparung des lexischen Morphems nicht möglich wegen der Verschiedenheit in den Strukturen -rätin / -rat.

(28) Die Position der / des Geschäftsführerin / Geschäftsführers ist ab 1.01.1996 zu besetzen.

(29) Zum nächstmöglichen Zeitpunkt ist die Position der / des Leiterin / Leiters zu besetzen.

Analog:

(30) Die Klinik Schwabenland sucht eine / n Ergotherapeutin / Ergotherapeuten Theologie und Kirchen suchen eine / einen Redakteurin / Redakteur.

(31) ... eine Verwaltungsdirektorin / ein Verwaltungsdirektor

(32) Wir suchen eine Stadtkammerin / einen Stadtkammerer.

(33) Wir suchen eine / einen wissenschaftliche Mitarbeiterin / wissenschaftlichen Mitarbeiter.

4) Wenn in der alternativen Struktur Attribute vorkommen, so können auch sie erspart werden:

(34) Im Fachbereich Erziehungswissenschaft ist eine Stelle wissenschaftliches / r Assistenten / in zu besetzen.

(35) 1 künstlerische / r Mitarbeiter / in im Bereich Freie Kunst.

(36) 1 wissenschaftliche / r Mitarbeiterin / Mitarbeiter.

(37) In der Professur für Stadtplanung und Raumgestaltung befristet 1 wissenschaftliche / r Assistentin / Assistent, in der Professur für Architekturdarstellung und Architekturinformatik unbefristet 1 Akademische / r Oberrätin / Oberrat bzw. 1 wissenschaftliche / r Mitarbeiterin / Mitarbeiter; ein / e biologische / r Assistent / in sowie ein / e Doktorand / in.

Dabei gibt es Fälle, wo alle drei Komponenten der Wortgruppe - der Artikel, das Adjektiv und das Substantiv erspart werden :

(38) Die Universität sucht eine / n wissenschaftliche / n Mitarbeiter / in.

(39) Zur Unterstützung unseres Teams suchen wir eine / n engagierte / n Internatsmitarbeiter / in.

(40) Die Frauenhofer-Gesellschaft sucht eine / n promovierte / n Wissenschaftler / in.

(41) ... eine Stelle für eine (n) technische (n) Angestellte (n).

Die alternative Ersparung kann sich mit der Zusammenschmelzung (Zusammenziehung) von lexischen Morphemen vereinigen:

(42) ... wir suchen ... einen / eine Assistenzarzt / - ärztin Diplom-Psychologe / - Psychologin.

(43) Ein / e biologisch - bzw. chemisch-technische / r Assistent / in sowie ein / e Doktorand / in.

Die Ersparung ist prinzipiell in allen syntaktischen Positionen möglich. Es ist auch die Ersparung in der Verschmelzung der Präposition mit dem Artikel möglich, z.B.:

(44) Aufstieg zum / r Leiter / in Finanz- & Rechnungswesen.

Es gibt Fälle, wo die Ersparung möglich ist, aber nicht stattfindet:

(45) Die Bewerberin oder der Bewerber soll vornehmlich die Leitung des Lehrgangs "Weiterbildung" zur / zum Lehrer / in für Pflegeberufe unterstützen.

Vgl.: Die Bewerberin / er, Mitarbeiter (in). Solche Strukturen werden in der modernen deutschen Sprache in den Bekanntmachungen, Inseraten, Werbungen und dergleichen gebraucht. In der letzten Zeit aber sind die Fälle zu verzeichnen, wo die Ersparung von Elementen alternativer Strukturen auch in der wissenschaftlichen Literatur vorkommt:

(46)... Dabei wird das Unterrichtsgespräch als Diskurs, der sich zwischen Lehrer und Schüler (n) entfaltet, aufgefaßt (Handbuch der Dialoganalyse. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994, S. 53).

Hier ist die alternative Beziehung zwischen zwei Möglichkeiten bezeichnet: Lehrer - Schüler (Plural) - asymmetrische Beziehung.

(47)... von einem kunstmäßige (n) Verfahren in der Auslegung (Ebenda, S.159).

Die Entfaltung ergibt hier die Reihenfolge *Singular - Plural*.

(48) Welche Rolle spielen bestimmte Arten (von) Ausdrücke (n) in Kommunikationen dieser Art (Ebenda, S. 261).

Die Vervollständigung dieser Strukturen ergibt die Reihenfolge *Plural-Singular*.

(49) Die konkrete Ausgestaltung dieser Dialogteile variieren (sub-) kulturspezifisch, situativ sehr stark (Ebenda, S. 367).

Die Entfaltung ergibt hier interessante asymmetrische Beziehung "subkulturspezifisch -kulturspezifisch", formelhaft ausgedrückt ab oder b.

(50)... Nachdem der Sprecher / Autor A eine Folge von Äußerungen gemacht hat, kann für den Hörer / Leser B folgendes gelten... (Ebenda, S. 511).

Hier korrelieren zwei alternative Strukturen: *Sprecher-Hörer und Autor-Leser*.

(51) Aus der Perspektive des Sprechers / Schreibers, der verständlich reden / schreiben will, bedeutet das ... (Ebenda, S.501).

Einzelne Fälle der Ersparung treffen wir jetzt auch in der schönen Literatur:

(52) Wie ist das mit der Höflichkeit,

Dem freundlichen Betragen ?

Nicht jede (r) weiß da recht

Bescheid -

Das muß man manchmal sagen!

(W.K.Schweickert)

Die Ersparung von Elementen in den alternativen Strukturen dringt auch in andere Zeitungsgenres ein, z.B. in Rezensionen:

(53) Straßenbahngeschichte (n).

Solche Ersparung kann auch zu besonderen stilistischen Zwecken dienen, z.B.:

(54) Verfrüh(stückt).

Hier ist die Ersparung ein Mittel zur Bildung des Sprachwitzes.

Es ist zu vermeiden, daß sich die alternative Bedeutung von "oder" dabei gewissermaßen ändern kann, z.B.:

(55) Zur (Un-) Vergleichbarkeit zweier Einheitslehren.

Hier ist folgendes zu bemerken:

- die Ersparung von Elementen in den alternativen Strukturen umfaßt in diesem Fall schon prefixale Elemente und den lexischen Stamm;

- interessant ist die graphische Gestaltung und Vereinigung der Klammern mit dem Strich;

- die Ersparung ist eigentlich hier redundant, denn der Vergleich setzt immer das Vorhandensein von gemeinsamen und unterschiedlichen Merkmalen voraus. Die Ersparung unterstreicht dabei diese Besonderheit.

Die Ersparung von Elementen in den alternativen Strukturen treffen wir auch in den anderen Sprachen nach unserer Meinung freilich viel seltener, z.B. im Englischen:

(56) How does our work in this area relate to descriptions of language(s) in general? (Carl Bache. The Study of Aspect, Tense and Action. - Frankfurt / M., Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1995).

Im Französischen:

(57) Compar(a)ison (An International Journal of Comparative Literature, 1985).

Hier unterstreicht die Ersparung den Unterschied zwischen den Begriffen "der Vergleich" und "das Vergleichen".

Im Spanischen:

(58) Re / descubrimiento y(re)conquista de America en la ilustracion espan(ia (der Titel des Buches von Leanos M.- Bernardita, 1994).

Im Russischen:

(59) Кос(т)ность языка. Фантазия на тему Х.Г.Гадемера (Человек. 1996).

Die alternative Ersparung und deren Verbreitung in der deutschen Gegenwartssprache bewirken unserer Meinung nach *folgende Faktoren*:

1) "Durchsichtigkeit", leichte Zergliederbarkeit des deutschen Wortbildungs- und morphologischen Systems;

2) die Flut der Information, die in der Publizistik und in der wissenschaftlichen Literatur besonders knapp widergegeben sein muß;

3) Analogiebildung.

Die Ersparung ist eine typisch schriftliche Erscheinung. In der gesprochenen Rede sind nur entfaltete Formen möglich: die Bildung von ersparten Strukturen fordert spezielle gedankliche Operationen und folglich die Zeit zum Nachdenken.

Die genannten Strukturen sind ein neues Mittel der Sprachökonomie und umfassen das ganze Substantiv und seine Sateliten. Dieses Mittel kann

man auch als eine weitere Entwicklung der Ersparung von Elementen der substantivischen Gruppe betrachten: die Zusammensetzung ist im modernen Deutsch nur mit der Wortbildung verbunden, die alternative Ersparung umfaßt auch die Morphologie (Flexionsendungen).

Г.В. Ейгер, И.С. Шевченко (Харьков)

ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В настоящее время изучение теории речевых актов достигло такого этапа, когда ее дальнейшее развитие требует представить накопленный материал в систематическом виде. Для этого в первую очередь необходимо моделировать речевой акт, как прямой, так и косвенный. Между тем, как это ни парадоксально, до сих пор не разработаны даже принципы такого моделирования. В данной работе предлагается один из возможных подходов к созданию модели речевого акта (далее - РА), намечаются его эвристические возможности и перспективы.

Очевидно, что моделирование РА должно основываться на определении сущности РА и коммуникативной ситуации, в которой он функционирует. Под РА мы понимаем высказывание, выражающее определенное речевое действие в определенной коммуникативной ситуации. Последняя предполагает наличие адресанта (A_1), адресата (A_2), канала связи и сообщения, возникающего в конкретном физическом, социальном и жизненном пространстве (о видах пространства см. /Черноушек, 1989/) в определенный период времени (ср. этапы развертывания коммуникативного акта в: /Почепцов, 1986:77/. В соответствии с этим в РА можно выделить следующие аспекты:

1. Мотивационный аспект. Мотив высказывания возникает у A_1 в определенной коммуникативной ситуации и на основе его прошлого опыта. В теории речевых актов, как, впрочем, и в психолингвистике, мотив еще не выделен в специальный объект исследования. Между тем, он не совпадает с иллокутивной силой и важен для понимания РА.

Мотивы РА весьма разнообразны и далеко не для всякого РА могут быть в принципе перечислены. Так, РА "Как пройти на вокзал?" может быть мотивирован разными причинами: желанием узнать расписание, уехать, прийти на место встречи и пр. Мотив РА может быть определен из коммуникативной ситуации (в типичных случаях) или эксплицитно представлен в самом сообщении, если это вызвано коммуникативной необходимостью. Интересен любопытный пример, приведенный в одной из немецких газет. Таможенник спрашивает у отъезжающего: "Не вы ли преступник, ограбивший банк? Ваши фамилии очень похожи". Мотив - показать свое остроумие, рассмешить. A_2 был так поражен, что неожиданно ответил: "Да" и был немедленно арестован. Он неверно истолковал мо-

тив как подозрение с целью задержать его ("Вы преступник! Я Вас подозреваю!"). Нередко на Западе при приеме на работу задают вопросы, цель которых - не получить известные уже из документов A_2 данные, а выяснить его реакцию на часто неожиданный, нестандартный вопрос, оценить качество речи, самообладание и т.п.

Итак, мотивационный аспект может быть представлен факультативно и входить в варианты моделей конкретных РА.

2. Иллокутивный аспект. В отличие от мотива высказывания его иллокутивные силы всегда имеют эксплицитные способы выражения (синтаксическая форма высказывания, знаки препинания, интонация, иллокутивные глаголы). Последние могут быть отнесены к "мерцательным" компонентам РА: для одних РА их присутствие обязательно ("**Объявляю** Вас мужем и женой"), для других они факультативны ("**Я обещаю** принести тебе книгу" - "Я принесу тебе книгу"), для третьих вообще невозможны ("Зачем ты обидел девочку?")¹ Наиболее полный перечень английских иллокутивных глаголов см. в /Ballmer, Brennenstuhl, 1981/.

3. Аспект адресанта (Я-аспект). С точки зрения представленности в РА аспект адресанта также является "мерцательным": он обязателен для одних РА ("**Я** поздравляю Вас") и факультативен для других. По-видимому, не существует РА, в которых A_1 вообще не может быть представлен, хотя бы в одном из его вариантов.

Что касается роли этого аспекта в общей модели РА, то она чрезвычайно велика: во-первых, он определяет содержание сообщения и его иллокутивную силу, поскольку "функции не являются внутренне присущи объекту реальности, они всегда зависят от наблюдателя" /Searle, 1995:14/. В этом смысле можно говорить о направляющей, "фокусирующей" роли аспекта адресанта в РА. Во-вторых, и в содержании, и в языковой форме высказывания всегда содержатся разнообразные сведения об A_1 : о степени его владения языком, психическом состоянии, социальном положении и т.п., представленные имплицитно, а подчас и эксплицитно. Имплицитные сведения об A_1 выводятся A_2 из языковых и паралингвистических данных и на основе этих данных у A_2 формируется образ адресанта, который влияет на дальнейшее речевое поведение A_2 . Тем самым аспект адресанта в определенной степени формирует стратегии и тактики коммуникации.

4. Интерперсональный аспект (Я-Ты отношения). Под интерперсональным аспектом понимаются отношения между адресантом и адресатом. Представленность A_2 в высказывании является обязательной только для некоторых РА, например: "Я обвиняю **Вас** в убийстве". По-видимому, не существуют РА, для которых номинация A_2 в том или ином виде была бы невозможна хотя бы в одном из их вариантов.

1. Иллокутивный глагол "упрекать" по-видимому возможен только в особых случаях: как реакция на "В чем ты меня упрекаешь?" - "Я упрекаю тебя в том, что..."

В РА может выражаться целый спектр отношений между A_1 и A_2 : официальность, эмпатия, ироничность и др. разнообразные виды тональностей (о тональностях см. /Орлов, 1991: 104-165/). Эти отношения выражаются как эксплицитно, так и имплицитно. В первом случае языковые средства, выражающие эти отношения, входят в качестве компонентов в варианты моделей РА.

5. Контекстный аспект. Эксплицитное выражение сведений обо всех остальных компонентах коммуникации: временных, физических, социальных характеристиках коммуникативной ситуации, коде и канале общения определяется коммуникативным заданием сообщения и является факультативным. Эти данные входят в варианты моделей РА. Имплицитно они представлены в основных моделях РА.

6. Ситуативный аспект в нашем понимании основывается на толковании ситуации как одного из ведущих компонентов РА, который, наряду с лингвистической структурой и ее языковым значением, определяет тип РА (ср. понятие ситуации вопроса побуждения и пр. у Дж.Серля, Ф.Гордона и Дж.Лакоффа /Searle, 1975; Wunderlich, 1976; Гордон и Лакофф, 1985/). Логически выведенные на основе анализа условий прагматического характера, касающихся знаний и целей говорящего и слушающего, готовности A_2 отвечать, дополнительных условий успешности РА и т.п. /Конрад, 1985: 349-383/, параметры ситуации непосредственно влияют на определение типа РА и способы его выражения - прямые или косвенные.

7. Денотативный аспект составляет ядро содержания сообщения. Его наличие, естественно, обязательно для любого РА и является константой в общей и частной модели РА.

Что касается содержания всего сообщения в целом, то при эксплицитном выражении мотива и сведений о контексте и ситуации оно может иметь достаточно сложный характер. Так, для некоторых типов РА (договоры, расписки и т.п.) в числе обязательных сведений окажутся указание на адресанта и адресата ("Я, *Иванов И.И.*, доверяю моей дочери, *Ивановой А.И.* ..."). В качестве факультативных элементов могут включаться информационно избыточные сведения об иллокуции РА, тем самым усиливая ее: "Я спрашиваю Вас...". "А я Вам говорю ..." и пр.

8. Языковой аспект. Сначала в прагмалингвистике изучались преимущественно служебные слова (частицы, союзы, элементы дейксиса /Levinson, 1983/), в последнее время начались прагмалингвистические исследования лексических и грамматических средств. Поскольку при моделировании РА речь идет о структуре высказывания, имеющей значение для определения его прагматических характеристик и для различного истолкования самого содержания высказывания, то в общую модель РА конкретные лексико-грамматические средства не входят как специальные компоненты; однако они приобретают существенное значение при моделировании вариантов РА.

9. Мета коммуникативный аспект отражает широкий спектр сведений о "технике" ведения коммуникации: о принципах выбора канала связи, о работе канала связи, о языковых элементах, обеспечивающих эту работу (фатическая функция языка и речи), о стратегиях и тактиках передачи информации по избранному каналу связи. Тем самым, к метакommunikativному аспекту мы относим средства контактоустановления, обеспечивающие начало, продление и размыкание речевой интеракции /Почепцов, 1981; Чхетиани, 1987/, а также коммуникативные принципы, максимы вежливости /Grice, 1975; Brown, Levinson, 1987/ и т.п.

Учитывая все сказанное, **аспектную модель** речевого акта можно представить в следующем виде:

На основе рассмотренных выше аспектов в ядро прагматической структуры модели входят денотативный (Д) и иллокутивный (И) аспекты. Кроме того, некоторые РА требуют обязательного наличия аспектов адресанта и/или адресата, иллокутивного глагола и пр. Учитывая возможности взаимной сочетаемости аспектов, теоретически возможны следующие случаи (если добавить ядерную модель):

$$C_1 + C_2 + C_3 + \dots = C_{n+1}$$

Тем самым общее число моделей РА составит $n+1$ случай, например: ДИА₁, ДИА₂, ДИА₁А₂ и т.п.

Компоненты моделей РА в языковом плане могут быть выражены различными средствами, что позволяет говорить об их парадигматических вариантах. Синтагматические варианты могут быть двух типов: во-первых, позиционные, то есть образованные путем перестановки констант, во-вторых, образованные путем расширения ядра модели факультативными компонентами (о парадигматике и синтагматике в прагматике см. /Богданов, 1997: 11-12/). По-видимому, включение всех в принципе возможных факультативных компонентов в одну модель также маловероятно, как и включение всех членов предложения в модель простого неосложненного предложения.

Перейдем к рассмотрению проблем моделирования косвенных РА на примере РА квеситива. Под косвенным РА мы понимаем РА, выраженный синтаксической моделью, типичной для другого РА; А₂ определяет илло-

кутивную силу косвенного РА на основе семантического вывода, сравнивая пресуппозиции данной ситуации и синтаксическую модель (в определенном смысле между прямым и косвенным РА прослеживается аналогия с глубинной и поверхностной структурой).

При моделировании косвенного РА квеситива исходим, прежде всего, из условий ситуации спрашивания (об этом см., например, /Конрад, 1985/). Они частично совпадают с условиями удачности высказывания (вслед за В.И.Карабаном мы различаем успешность высказывания - A_2 понял его; и удачность высказывания - A_1 получил адекватную с его точки зрения реакцию на свое высказывание). Итак, основные пресуппозиции ситуации вопроса сводятся к следующему:

- а) A_1 не обладает необходимой информацией р;
- б) A_1 нуждается в информации р;
- в) A_1 предполагает, что A_2 обладает информацией р;
- г) A_2 в состоянии передать A_1 информацию р;
- д) A_2 согласен передать A_1 информацию р.

На основе этих пресуппозиций, пользуясь дедуктивно-индуктивным подходом в логическом плане (базируясь на анализе 3000 примеров квеситивов из художественной литературы и устной речи Великобритании, а также на результатах прагматического логического эксперимента) были установлены и некоторые производные, представленные в следующих моделях косвенных РА- квеситивов:

- 1) A_1 не знает р - "я **не знаю**, как пройти на вокзал".
- 2) A_1 нужна (требуется) информация о р - "Мне **нужно узнать**..."
- 3) A_1 обладал информацией о р, но утратил ее - "Я **забыл**, как пройти на вокзал".
- 4) A_1 интересно получить информацию о р - "Меня **интересует** р...".
- 5) Отсутствие информации о р приводит к неблагоприятным последствиям для A_1 - "Если я не узнаю, что р..., то я **не смогу** ...".
- 6) Сообщение информации р приведет к благоприятным последствиям для A_1 - "Если я узнаю, что р ..., я **смогу** ...".
- 7) A_1 считает, что A_2 обладает нужной для A_1 информацией о р - "Я **полагаю, что Вы знаете**, что р ...".
- 8) A_1 считает, что A_2 может сообщить ему нужную информацию р - "Ваш сообщник сознался. Теперь Вы **можете сообщить** мне о р ...".
- 9) Если между A_1 и A_2 ранее существовали какие-то отношения, учет этих отношений делает возможным возникновение модели: A_1 ранее обещал сообщить A_2 информацию о р - "Вы **обещали** мне сообщить, что р ..." или "Кто-то обещал мне сообщить, что р ..." (так называемая "двойная косвенность").
- 10) A_1 обнаруживает неожиданное изменение в ситуации, или некоторые "странности" в ней - констатация этого факта равнозначна постановке вопроса - "Странно, что не р ..." (вместо "Интересно, почему не р?").

11) A_1 считает, что A_2 хочет сообщить ему что-либо о p - "Похоже, Вы тоже **хотите** сообщить мне p ...". Здесь A_1 может судить о желании A_2 на основании либо предыдущих высказываний последнего, либо паралингвистических средств.

12) Адресант вводит во внешнюю речь вопросы к самому себе, как бы приглашая "потенциальных адресантов помочь ему ответить на них - "Я думаю о том, что p ...", "Я задаю себе вопрос, что p ...", "Стоит **поразмислить** о том, что p ...".

Языковые варианты рассмотренных видов моделей косвенных РА квеститивов образуются на основе синонимии глаголов "косвенности" и их перегруппировки. Предстоит выяснить, есть ли тут какие-либо ограничения.

Для дальнейшей объективизации моделирования косвенных РА представляется целесообразным использовать комплексный подход: теорию пресуппозиций, концептуальный анализ иллокутивных глаголов и эквивалентных им средств, фреймового анализа, а для формализации частично использовать искусственные языки, например, языки информационного поиска, ситуационного управления. Специфика конкретных РА может потребовать обращения к проблемам философии, этики и др. наук.

Намеченный подход к моделированию обладает существенным эвристическим потенциалом. Отметим некоторые перспективы дальнейшего исследования.

С точки зрения теории речевых актов на основе аспектной модели удобно систематически изучать каждый из аспектов, их взаимодействие между собой и с паралингвистическими средствами. Именно адекватное взаимодействие является одним из факторов, обеспечивающих удачность высказывания; последняя зависит также от правильного фокусирования аспекта (аспектов).

На основе общей модели станет более системным изучение и сравнение по разным аспектам конкретных РА. Такие исследования могут дать новые сведения о коммуникативных неудачах, а затем (методом "от обратного") позволят определить пути оптимизации речевой деятельности.

Ориентировка на общую и частную модель будет способствовать развитию исторического изучения РА в рамках исторической прагмалингвистики и прагматических аспектов межкультурного общения.

Текст (с определенной экстраполяцией) можно рассматривать как специфический РА. В этом случае к его анализу может быть применена аспектная модель. Это позволит сравнить по определенным основаниям и по новому классифицировать самые различные тексты (например, по характеру, степени релевантности того или иного аспекта и их взаимодействию). Ориентировка на аспектную модель будет также способствовать системному подходу к интерполяции текста.

Уже сейчас имеется достаточно данных для психолингвистического изучения мотива высказывания и ролевых аспектов. Очевидно, в общей

модели порождения речи должен быть механизм выбора РА; этот механизм начинает функционировать после возникновения мотива и состоит из двух блоков - блока выбора типа РА и блока выбора его вида (прямой или косвенный).

Актальной задачей является также изучение РА в онтогенезе - последовательность возникновения речевых актов той или иной модели, а также анализ каждого конкретного акта на основании аспектной модели.

С точки зрения психологического и психолого-медицинского аспекта в первую очередь представляет интерес анализ психологических состояний и характеристик человека на основе аспектов РА, выбора его вида, тональности, имплицитных характеристик личности, находящих отражение в Я-аспекте (языковые средства); в плане психологической теории общения важно изучение аспекта интерперсональных отношений ("Я-Ты аспект"). По-видимому, при измененном сознании человека преобразуются также какие-то из определенных выше аспектов и их взаимодействие. Можно предположить, что определенные виды патологии находят отражение в характеристиках РА и на этой основе перспективным будет получить диагностические данные и разработать меры реабилитации.

С семантической точки зрения в качестве текста можно рассматривать фильмы, музыкальные произведения (их запись и исполнение), спектакли, произведения живописи, скульптуры, архитектуры и т.п. Предлагаемая модель позволит с новых позиций рассмотреть структуру таких текстов, возможности их интерпретации и систематизации. При трансформации текстов из одной семиотической структуры в другую можно будет более системно проследить, какие изменения происходят с аспектами текста.

В дидактическом плане предлагаемый подход может быть, с одной стороны, использован для практического обучения РА: их структурированию, употреблению и интерпретации (например, на основе концепции планомерного формирования умственных действий и понятий - второй тип учения по П.Я.Гальперину), а, с другой стороны, для управления формированием научно-исследовательской деятельностью: построение прагматических моделей структуры РА, моделированию косвенных РА (третий тип учения) /Гохлернер, Ейгер, 1972/.

Дальнейшее исследование этих аспектов раскроет новые перспективы прагмалингвистического моделирования речевых актов.

Литература.

1. Богданов В.В. Соотнесенность семантического и прагматического компонентов в высказывании// IV Міжнародна конференція "Франція та Україна". Матеріали, том I, ч.1. Дніпропетровськ, 1977. - С.11-12.
2. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения// НЗЛ, - Вып.16. - М., 1985. - С.276-302.
3. О системном обучении иностран. языку на основе полевой модели /Гохлернер М.М., Ейгер Г.В. Сочетаемость яз. форм и значений и проблема переносов навыков и умений при обучении 2-му языку//Психо-

лингвистика и обучение иностранным и русск. языку. М., 1972. - С. 122-130. 4. Конрад Р. Вопросительные предложения или косвенные речевые акты// НЗЛ. - Вып. 16. - М., 1985. - С.349-383. 5. Орлов Г.А. Современная английская речь. - М.: Высш. шк., 1991. 6. Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация//Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981. - С.52-59. 7. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. - К.: Вища шк., 1986. 8. Черноушек М. Психология жизненной Среды. - М.: Мысль, 1989. 9. Чхетиани Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации. Автореф. дис... канд. филол. наук. - К., 1987. 10. Ballmer Th., Brennenstuhl W. Speech Act Classification. - N.Y: Springer, 1981. 11. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Use. - L., N.Y., CUP, 1987. 12. Green G. Pragmatics and Natural Language Understanding. - Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum, 1989. 13. Grice H. Logic and conversation//Syntax and semantics. Vol.3. - N.Y., 1975. - P.41-58. 14. Levinson S. Pragmatics. - Cambr., L., N.Y., CUP, 1983. 15. Searle J. Indirect Speech Acts//Syntax and semantics. Vol.3. - N.Y., 1975. - P.59-82. 16. Searle J. The Construction of Social Reality. - N.Y., L.: The Free Press, 1995.

Т.А. Иванченко (Луцк)

ТИПОЛОГИЯ АДРЕСАТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование особенностей функционирования отрицательно-оценочных высказываний предполагает рассмотрение взаимодействия участников интеракции, в которой проявляются отношения коммуникантов, их намерения, чувства, эмоции. Изучение языка в последние десятилетия убедительно доказывают, что от факторов говорящего и адресата зависит осуществление интерактантами своих прагматических целей, способ языковой репрезентации оценочного смысла в лексико-грамматической структуре высказывания (Арутюнова 1981, Гак 1982, Колшанский 1984, Почепцов 1986, Сусов 1979 и др.).

Особенности взаимодействия говорящего и адресата обуславливают возникновение вопроса о том, кто занимает вершинное положение в процессе коммуникации. Некоторые лингвисты считают, что говорящий является основным фактором коммуникативного акта (Гак 1982:13, Петров 1986:16), а "речевой акт - это, главным образом, театр одного актера - говорящего" (Винокур 1989:13). Произнесение говорящим высказывания рассматривается как определенное, целенаправленное, мотивированное действие, которое предопределяет действие адресата. Цель общения говорящего задает стратегию и оказывает влияние на тактику его речевого воздействия.

Однако некоторые лингвисты отмечают главную роль не говорящего, а адресата в процессе осуществления коммуникации (Арутюнова 1981:358, Ляпон 1995:79). Ляпон утверждает, что проблему этики взаимоотношений между коммуникантами надо изучать в связи с фактором адресата, который занимает вершинное положение в иерархии оценочных инстанций, контролирующих процесс общения (1992:78, 79). По мнению М.М.Бахтина, именно учет говорящим фактора адресата в построении высказывания является основным критерием его (высказывания) завершенности (1979:350). Говорящий, совершая речевой акт, должен учитывать социальный опыт, накопленный адресатом, его пресуппозицию и в зависимости от этого заботиться об организации речи. Таким образом, всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата, а обработка речи происходит под давлением фактора адресата (Арутюнова 1981:351).

Е.М.Вольф отмечает, что вопрос о первичности говорящего и адресата был спорным и в оценочной семантике (1985:65). Так, для эмотивистов говорящий является основным элементом оценочной структуры, который передает эмоциональное отношение к адресату. Представители функционального направления отмечают, что центральным является адресат с его свойствами, а роль субъекта заключается в соотношении этих свойств с имеющимися в его картине мира оценочной шкалой и стереотипами.

Признавая различные функции говорящего и адресата в коммуникативном акте, мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые отмечают тесную взаимосвязь говорящего и адресата в речевой коммуникации и определяют их как равноположенных антропоконституентов (термин О.Г.Почепцова, см. Почепцов О.Г. 1986:5) коммуникативного акта. Только согласованность параметров говорящего и адресата обуславливает успешность процесса коммуникации.

Необходимо отметить, что существует несколько подходов к изучению явления адресации, в частности, выделяются социологический, прагматический и антикоммуникативный подходы. Представители социологического подхода фиксируют зависимость распределения коммуникативных ролей говорящего и адресата от социокультурных особенностей и экстралингвистической ситуации. Сторонники прагматического подхода соотносят понятие адресата с понятием "интерпретатор", так как именно адресат, воспринимая сообщение, интерпретирует его в зависимости от своих социальных норм и знания пресуппозиции адресанта. Антикоммуникативный подход рассматривает говорящего и адресата как индивидов, стремящихся к достижению определенной коммуникативной цели с помощью языковых средств (см. Федотова 1987:16). Учитывая функциональную неоднородность адресата, Г.Г.Почепцов (1986:11) выделяет следующие модификации адресата: квазиадресат, адресат, - ретранслятор, косвенный адресат. Выделение таких модификаций адресата возможно только благодаря соотношению их с "собственно адресатом", который представ-

ляет собой лицо или группу лиц, которому (которым) предназначается высказывание, исходящее от говорящего. Согласно данной концепции, квазиадресат трактуется как объект, заведомо ущербный в способностях участвовать невозможно или нецелесообразно. Косвенный адресат возникает в ситуациях, когда при коммуникации, кроме говорящего и адресата присутствует слушатель, у которого есть возможность стать косвенным адресатом.

В рамках последней концепции, основываясь на принципе адресатности, а также в зависимости от модификаций адресата, можно выделить следующие типы высказываний отрицательной оценки адресата: 1) высказывания отрицательной оценки прямого адресата; 2) высказывания отрицательной оценки адресанта; 3) высказывания отрицательной оценки третьего лица, которое может присутствовать при ситуации общения в статусе слушателя или вообще отсутствовать.

Высказывания отрицательной оценки прямого адресата функционируют в ситуации непосредственного общения, которая характеризуется непосредственным слуховым и зрительным восприятием говорящего слушающим. Говорящий, продуцируя негативную оценку прямого адресата, имеет своей целью не только выразить отрицательные чувства и эмоции по отношению к нему, но и воздействовать на его психологическое состояние, вызвав определенную эмоциональную реакцию. Например,

The fire was smoking and Pilar called to Maria, "Blow up the fire, worthless one".

"Blow it thyself", Maria said. "I am searching for the bottle that El Sordo left. [E.Hemingway]

Объектом высказывания негативной оценки может выступать также сам адресант. В таком случае высказывание является самоадресованным и вызывает как бы раздвоение личности говорящего на двух иерархически неравных собеседников. В основе подобных процессов лежит негативная самооценка, которая возникает вследствие несоответствия образа реального "Я" индивида с образом идеального "Я", т.е. с представлением о том, каким он хотел бы быть. Высказывания отрицательной оценки адресанта могут быть реализованы в форме вербализованной и внутренней речи говорящего. В качестве адресата внутренней речи выступает своеобразное объективированное "второе Я" говорящего. В качестве адресата внутренней речи выступает своеобразное объективированное "второе Я" говорящего. Внутренняя речь наблюдается чаще всего в случаях, когда приходится решать какую-либо сложную задачу, когда говорящий вступает в конфликт со своим "вторым Я". Например,

There she heard a different voice, with which she argued, pleaded, excused / .../. "Oh, thou failure", said this voice. "Why?" she questioned. "Look at those about", came the whispered answer. "Look at those who are good. How would they scorn to do what you have done. /.../ You had not tried before you failed". [Th.Dreiser].

При речевій ситуації, коли говорячий вербально експліцирує негативну самооцінку, передполагается присутство слухача. Коммунікативна інтенція адресанта в подібних випадках направлена на вираження свого негативного емоціонального стану, а також на зміну психологічного клімату ситуації; говорячий прагне викликати у слухача жалість, співчуття, прощення і т.д., що проявляється в реакціях на висловлювання отрицательної оцінки, наприклад,

She clung to him desperately. "You are so good to me, Michael, and I hate myself. I'm a beast, I'm a slut, I'm just a bloody bitch, I'm rotten through and through".

"All that may be", he smiled, "but the fact remains, that you're a very great actress". [S.Maugham].

Висловлювання отрицательної оцінки третього лица функціонують в ситуаціях, коли об'єкт оцінки присутствує або відсутствує при коммунікації. В випадках, коли звернення до адресату є нецелесообразним, говорячий звертає своє отрицательно-оціночне висловлювання до іншого учасника коммунікації, наділяючи його роллю прямого адресата. Об'єкт оцінки виступає в такому випадку як слухач, якому приховано адресовано висловлювання говорячого. Речеве впливання здійснюється таким чином, щоб слухач сприйняв повідомлення і при необхідності відреагував на нього бажаним для говорячого чином.

"Then we shall do it alone, old one", he said and smiled.

"Without this coward", Anselmo said.

"What did you say? Pablo spoke to the old man.

"Nothing for thee. I did not speak to thee", Anselmo told him. [E.Hemingway].

Речеві ситуації, в яких функціонують висловлювання, що містять отрицательну оцінку об'єкта - третього лица в його відсутстві передполагають наявність говорячого - суб'єкта оцінки і адресата, якому призначено висловлювання. Таким чином, справжній адресат є виключеним з ситуації спілкування і його присутство не передполагается коммунікантами. Наприклад,

"Whay do you think of brandy?"

"I think it's marvellous".

"And of Byring?" /.../

"Oh, I think he's a damned fool" [S.Maugham].

Таким чином, тип адресатної направленості висловлювань отрицательної оцінки визначає особливості реалізації негативного відношення говорячого до адресату в процесі коммунікації.

Література.

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1981. - Т.40. 2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: интенция и реакция// Язык и личность: Сб. ст./ Отв. ред. Д.Н.Шмелев. - М.: Наука, 1989.

4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985.
5. Гак В.Г. Прагматика узус и грамматика речи// Иностр. яз. в школе. - 1982. - № 5.
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука, 1984.
7. Ляпон М.В. "Грамматика" самооценки// Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. - М.: Наука, 1992.
8. Петров В.В. Язык и логическая теория// Новое в зарубежной лингвистике - М.: Прогресс, 1986. - Вып.18.
9. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата// Речевые акты в лингвистике и методике: Межвуз. сб. науч. трудов/ Пятигорск. гос. пед. ин-т иностр. яз. - Пятигорск, 1986.
10. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. - К.: Вища школа, 1986.
11. Сусов И.П. О двух путях исследования содержания текста// Значение и смысл речевых образований: Сб. науч. трудов/ Калининск. гос. ун-т. - Калинин, 1979.
12. Федотова Е.И. Коммуникативно-функциональные и семантические особенности предложений оценочного типа (объект оценки - адресат): дис. ... канд. филол. наук. - К., 1987.

С.В. Кабанова (Суми)

КОМУНІКАТИВНО-ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ КІЛЬКІСНО-ЯКІСНИХ СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ

Основним засобом вираження квантитативно-квалітативних відношень на синтаксичному рівні англійської мови є кількісно-якісні словосполучення (КЯС). КЯС - це синтаксична одиниця, яка складається з двох чи більше повнозначних слів, що актуалізує у формі розчленованої номінації за допомогою типових для англійської мови засобів кількісно-якісні характеристики дійсності (*two beautiful girls, many interesting books, a nice couple, a first-rate teacher, the second pupil*).

Дослідження комунікативно-функціональних особливостей КЯС у даній роботі проводилось на матеріалі художнього тексту. Матеріал будь-якого мовленнєвого твору (висловлення оповідача або персонажа) організований у відповідності до інтенції його автора. Комунікативно-інтенціональна спрямованість авторського тексту виявляється через таку організацію усіх елементів текстової системи, що оптимально забезпечує привернення уваги читача на бік автора, переконує його в справедливості авторського концепта.

Співрозмовники використовують в конкретному мовленнєвому акті різноманітні мовні засоби, щоб підтримати необхідний для спілкування контакт. Ці засоби розташовані на різних мовних рівнях і діють часто не окремо, а разом як комплексний вплив (Rolloff 1986: 1, 16). Автор, створюючи текст, цілеспрямовано добирає та організовує одиниці мови, спираючись на їх інформативний та впливаючий потенціал. Мовні засоби різних рівнів несуть на собі відбиток комунікативної заданості, мають орієнтири мовленнє-

вої поведінки та є показниками смислу, вербально не вираженого (Горюва 1987: 31). Вони виступають в ролі сигналів у тексті.

В тексті мовленнєве слововживання зумовлене ситуативними умовами та намірами автора, що підтверджується, зокрема, на матеріалі кількісно-якісних одиниць. Вживання в тексті похідного відносного прикметника (наприклад, нумеративного прикметника-деривата у складі КЯС) надає можливість згорнути непотрібні деталі опису, відібрати істотні для зображення елементи, зробити мовлення лаконічним і в той же час інформативно насиченим. Наприклад:

Young Croom ordered the three-course dinner and ate it to the last crumb (Galsworthy 1960: 30).

For the next ten minutes they talked of shooting, golf, - which they played on various expensive courses around London, - and cars, - Ivory was having a special body built to his instructions on a new three-and-a-half-litre Rex, - while Andrew listened and smoked his cigar and drank his brandy (Cronin 1966:304).

Семантика відносних прикметників здатна відсилати до найзагальніших ознак предмета, ніби натякаючи на безліч сем твірного слова. Тому відносний прикметник виступає важливим засобом інтеграції тексту, створення його лексичної стислості та інформативної ємкості. Відносні прикметники є засобом контекстного ситуативного зближення різних предметів. Ці властивості притаманні нумеративним прикметникам-дериватам завдяки їх похідному характеру. У ході процесів словотворення відбувається перека테고-ризація лексичних одиниць, універбалізація складних синтаксичних конструкцій і навіть речень з метою надання словам нових синтаксичних ролей, компресії інформації в лінійних поверхневих структурах і т.п.

Прагматичний аспект функціонування лексичних одиниць в текстах різних типів є частиною кола проблем, пов'язаних з дослідженням семантики слова. За характером інформації, що передається, та прагматичним статусом розрізняють семи, що належать до денотативного, тобто предметно-логічного значення слова, та конотативні, що відображають прагматику акту комунікації, пов'язані з оцінкою, яку мовець дає предмету мовлення, з його емоційним станом, бажанням вплинути на співрозмовника, з умовами акту спілкування, з усім, що визначає його функціонально-стилістичне забарвлення (Арнольд 1991: 55).

Кількісно-якісні слова (порядкові слова, нумеративні прикметники-деривати) розташовані в зоні перетину функціонально-семантичних полів якості та кількості. Тим самим вони виступають в ролі їх периферійних конститuentів, в значеннях яких можна виявити семантичні ознаки різних типів (денотативні, сигніфікативні, прагматичні) (Шехтман 1990: 94).

Системні значення мовних одиниць в мовленні часто модифікуються і на базі їх узуальних значень під впливом контексту / умов мовлення формується смисл висловлення. В наступному висловленні квантитативно-

behauptet H. Heilmlich weiterhin, auf mündliche Kommunikation, deswegen

квалітативне за формою словосполучення *the sixty-fifth time* виступає експресивно-оцінним за змістом. Якісний аспект значення нейтралізується, а кількісний втягнутий у процес гіперболізації. Гіпербола - перебільшення навмисне, і відправник мовлення, і адресат усвідомлюють її художню умовність. За допомогою гіперболи забезпечується висока експресивність вираження, посилюється суб'єктивний характер оцінки.

Пор.: *Then Malcolm Gerald, always an ardent admirer, proposed for some thing like the sixty-fifth time, and she took him* (Dreiser 1972: 252).

Використання в мовленні, тексті виражальних засобів та стилістичних прийомів, взагалі, зумовлене інтенцією мовця, автора. Вживання КЯС у невідповідному, нехарактерному контексті спричиняє гумористичний ефект. Стилiстичний прийом виникає в такому випадку в результаті особливої синтагматичної організації сполучуваності значень нейтральних слів. Пор.:

He told Andrew of the occasion when, called to extract the decayed molar of an important,

Committee man, he had gone to the patient's house with, as he imagined, his forceps in his pocket - only to find himself reaching for the tooth with a six-inch spanner (Cronin 1966: 190).

В наведеному прикладі КЯС *a six-inch spanner* вживається серед тематичної групи слів, що позначають стоматологічні терміни (*to extract the decayed molar, patient, forceps*). Лексичне значення словосполучення взаємодіє з контекстом, де воно вживається. Ситуаційна несумісність даного КЯС з лексичним оточенням створює комічний ефект. В таких випадках чітко простежується прагматистилістична інтенція автора, орієнтована на створення комічного ефекту, досягнення іллокутивної експресивної мети.

Як виявилось в результаті аналізу фактичного матеріалу, висловлення з КЯС найбільш частотні в мовленнєвих актах зі змістом опису. КЯС вживаються для вказівки на риси характеру, зовнішні особливості людини, ознаки предметів і т.п., наприклад:

Gladys Bramwell was a corn-haired lady of thirty-five, showily dressed, with a full figure, baby-blue eyes and girlish ways (Cronin 1966: 64).

В художньому тексті мовець (оповідач або персонаж) добирає КЯС з певним лексичним наповненням з метою посилення експресивності висловлення, що сприяє більш ефективній реалізації комунікативної інтенції автора. При цьому в якості компонента КЯС можуть бути використані як слова, що вже в системі мови мають конотативні семи (головним чином, ад'єктивно-нумеральні складні слова), так і мовленнєві утворення, що набувають експресивного значення в контексті.

Література.:

1. Арнольд 1991: Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. - М.: Высшая школа, 1991.
2. Горюва 1987: Горюва В.Н. О возможности разграничения содержательно-смыслового и прагматического аспек-

тов текста (на материале редакционной статьи "Morning Star") // Прагматические условия функционирования языка. - Кемерово: КемГУ, 1987. - С.31-36. 3. Шехтман 1990: Шехтман Н.А., Добрынин С.В. Соотношение стандартных и нестандартных языковых средств в семантическом континууме и тексте. - Челябинск: ЧГПИ, 1990. - С.92-107. 4. Roloff 1986: Roloff M. T(tigkeitszusammenhang und Interaktionsbeziehung als Determinationsfaktoren bei der Kontaktfunktion in nat(rlichen Gespr(chen // Funktionalit(t und Komplexit(t der sprachlichen Kommunikation. - Berlin, 1986. - S.1-25. 5. Cronin A.J. The Citadel. - M.: Higher School Publishing House, 1966. 6. Dreiser T. Jennie Gerhardt. - M.: Progress Publishers, 1972. 7. Galsworthy J. End of the Chapter. Book Three: Over the River. - M.: Foreign Languages Publishing House, 1960.

V. Karavashkin, V. Krivenko, I. Panassyk (Charkow)

SPRECHHANDLUNGEN UND IHRE ARTEN IM DEUTSCHEN

Wenn die Rede von einer Sprechhandlung ist, versteht man darunter immer die Formen, anhand derer das Sprechen realisiert wird. Sie wird durch mannigfaltige Vorsätze, Gedanken, Informationskapazitäten bedingt, schließt den Sprecher und Kommunikationspartner mit ein und versucht, den Letzgenannten zu verschiedenen Schlußfolgehandlungen anzuregen. So hat H. Hellmilch die Sprechhandlung folgendermaßen definiert: „Sprechhandlungen sind die Realisierungsformen der Sprachtätigkeit. Sie werden durch Kommunikationsinformationen, Sprechrollen und Absichten der Sprecher bestimmt, nämlich, auf Kommunikationspartner einzuwirken, sie zu informieren bzw. zu etwas zu veranlassen“(1, 3).

H. Hellmilch schlägt weiterhin vor, die Sprechhandlungen im Blickwinkel der didaktischen Aufgabenstellungen zu betrachten, weil dabei auch eine kommunikative Orientierung entsteht. Obwohl die Klassifikation von Sprechhandlungstypen, besonders ihre Ein- und Zuordnung, ein linguistisches Unterfangen ist, erweist es sich als durchaus zweckmäßig, solche Klassifikationen auch unter Beachtung *didaktischer, den Fremdsprachenunterricht steuernder Aspekte* vorzunehmen, zumal das Ziel- und Stoffbild des Fremdsprachenunterrichts gekennzeichnet wird, indem neben thematischen und durch das Sprachsystem bedingten Restriktionsgrößen auch die *Kommunikation* selbst gesetzt werden kann. Erst unter dieser Bedingung wird die kommunikative Orientierung systematisch und gezielt verwirklicht.

Bei Sprechhandlungen haben wir es somit mit sprachlichen Äußerungen in enger Verbindung mit nichtverbalen, oft praktischen oder geistigen Tätigkeiten zu tun, wobei ein Sachverhalt als Kommunikationsgegenstand widerspiegelt wird.

Alle sprachlichen Aufgaben im Fremdsprachenunterricht stützen sich, behauptet H. Hellmilch weiterhin, auf mündliche Kommunikation, deswegen

weist er auf die Präzisierung von kommunikativen Themen innerhalb bestimmter Kommunikationssphären hin, was zu einer näheren Differenzierung der Kommunikationsbefähigung beisteuern konnte: „Da sich alle sprachlichen Aufgaben und Übungen im Fremdsprachenunterricht letztlich auf die Befähigung zur mündlichen Kommunikation und Herausbildung eines entsprechenden sprachlich - kommunikativen Könnens beziehen, erweist es sich als *notwendig, diese Kommunikationsbefähigung durch die Eingrenzung der Themen und Situationen innerhalb bestimmter Kommunikationssphären näher zu differenzieren*, denn die kommunikative Kompetenz äußert sich ebenfalls in den jeweiligen Kommunikationssphären wie **Alltag, Beruf, Wissenschaft, Politik, Publizistik, Literatur und generell in der Öffentlichkeit** als sozial gerichtete oder **im privaten Bereich** als *individuell gerichtete Kommunikation*“ (1, 5). Weiterhin wird dafür plädiert, dieses Problem unter linguistischer Perspektive zu betrachten, und es wird dabei auf Desselmanns Klassifikationsversuch von Sprechhandlungstypen eingegangen, indem den 5.- 9. Typen Ergänzungen zugefügt werden. Eine nähere Betrachtung der angeführten Beispiele gestattet es auch, die Problematik der Niveaustufen für das Sprechen unter einem anderen Blickwinkel - unter *linguistischem Aspekt* - zu sehen. Als *Kriterien* für die *Niveaustufen* treten an erste *Stelle elementare Äußerungen im Sinne von Sprechhandlungstypen* und ihre Kombination einschließlich ihrer semantischen Verknüpfung.

Ehe wir diese unter didaktischem Aspekt näher betrachten, legen wir einen Klassifikationsversuch für illokutive (sinngemässe) Sprechhandlungen vor. Unser Versuch stützt sich auf bestimmte Grundfunktionen der Sprache unter Berücksichtigung des Kommunikationspartners in seiner sozialen Position. Ein solcher Klassifikationsversuch impliziert auch bei den Subgruppen unterschiedliche strukturelle Realisierungsform. Wir lassen uns von einem Klassifikationsvorschlag von G. Desselmann anregen, der nach Aufforderungs- bzw. Auslösungshandlungen, Informationshandlungen, Bewerbungshandlungen und Handlungen des Sichverpflichtens differenziert. Diese Klassifikation ergänzen wir allerdings insofern, als wir in einem einen 5. Typ *Reaktion zustimmender oder ablehnender Art* beifügen. Als 6. Typ erklären wir die Auslösung von Informationen durch Fragen und Aufforderungen, der die ersten beiden Handlungstypen gewissermaßen komplettiert. In einem 7. Typ erfassen wir kontaktive Sprechhandlungen zum gepflegten Umfang gemäß den Normen des sozialen Verhaltens, im 8. Typ inventive Handlungen zum sprachlichen Ausdruck geistiger Prozesse. Der 9. Typ, metakommunikative Handlung, umfaßt Äußerungen, die der Steuerung, Optimierung dienen. Eine solche Komplettierung erscheint uns aus didaktischen Erwägungen notwendig, besonders im Interesse der Gesprächsführung (2, 4).

Vom linguistischen Standpunkt aus gesehen lassen sich die Sprechhandlungen folgendermaßen gruppieren:

1. Typ: **Aufforderungs- und Auslösungshandlungen**

Diese Sprechhandlungen dienen der Auslösung sowie der Steuerung geistiger und gegenständlich - praktischer Handlungen. Bezüglich sprachlicher Handlungen liegt in bestimmtem Umfang eine Überschneidung mit dem Typ der metakommunikativen Handlungen vor.

1.1 Aufforderungen, Gebote und Anweisungen

z. B. *Seien Sie bitte um 8 Uhr bei mir. / Wollen Sie bitte um 8 Uhr bei mir sein.*

Sprechen Sie deutlicher! / Lassen Sie ihn bitte ausreden!

Hier handelt es sich, ungeachtet der unterschiedlichen Ausdrucksweisen, um nachdrückliche Forderungen, die durch *bitte* in eine höfliche Form gekleidet werden können. In diese Gruppe gehören auch Ausdrücke mit verneinendem Infinitiv wie: *Nicht sprechen!* und solche mit Modalwörtern bzw. -verben in verneinender und bejahender Form: *Das darfst du nicht tun! / Du sollst nicht stören!*

1.2 Obligationen für den Adressanten in Form von Fragen

Würdest du mir dieses Buch leihen? / Müssen Sie nicht die Vorlesung besuchen?

1.3 Wünsche des Sprechers

Ich möchte, daß du bald kommst. / Ich hoffe, daß wir uns gesund wiedersehen.

1.4 Bedürfnisse: *Ich brauche das Geld. / Ich brauche deinen Rat.*

1.5 Ansprechen der Fähigkeiten und Möglichkeiten des Adressanten, insbesondere durch Fragen

Kannst du morgen um 10 Uhr zu uns kommen?/ Könnten Sie mich abholen?

1.6 Präferenzen des Sprechers (Eine Art der impliziten Ablehnung)

Ich fände es besser (Es wäre besser), wenn wir gleich gingen.

Es wäre mir lieber, wenn wir sofort gehen.

1.7 Vorschläge (zu denen gewissermaßen auch die obigen gezählt werden können)

a) mit dem speziellen Hinweis darauf, was man selbst an der Stelle des Adressanten tun würde: *Ich an deiner Stelle würde nicht hingehen.*

b) als Vorschlag: *Ich würde dir empfehlen, unbedingt dort hinzugehen.*

c) als Meinungsfrage: *Was hältst du davon, in dieses Konzert zu gehen?*

1.8 Bitte als Aufforderung: *Bitte, laß uns gehen! / Bitte, komm bald zurück!*

1.9 Erwartungen: *Ich erwarte, daß Sie sich von der Angelegenheit distanzieren.*

Ich hoffe, daß wir uns verstanden haben.

1.10 Bitten oder Fragen, eine Handlung ausführen zu dürfen

Gestatten Sie bitte? / Darf ich Sie besuchen?

Als Reaktion wird die Erlaubnis erteilt oder verweigert:

Bitte, besuchen Sie mich. / Leider kann ich Sie nicht empfangen.

1. Typ: Informationshandlungen

Es handelt sich hierbei darum, etwas zu benennen, das Aussehen oder den Zustand zu beschreiben, Eigenschaften, Verwendungszwecke, Besitzverhältnisse oder Zugehörigkeiten anzugeben, etwas nach Ort, Richtung oder Entfernung einzuordnen, etwas nach Zeitpunkt, Dauer, Häufigkeit, Zahl, Menge oder Grad zu kennzeichnen, die Meinung eines anderen wiederzugeben. Neben diesen elementaren Informationshandlungen gibt es in der Kommunikationspraxis auch komplexe Informationshandlungen (die bekannten Darstellungsformen Erzählung, Beschreibung, Bericht).

2. Typ: Bewertungshandlungen

Der Sprecher will den Adressanten darüber informieren, wie er Sachverhalte, Ereignisse, Zustände, Verhaltensweisen, Vorgänge usw. bewertet bzw. einschätzt (Stellungnahme, Begründung, Gutachten).

3.1 Explizite Angaben der Meinung des Sprechers

ich bin der Meinung / ich meine / ich glaube (nicht) / ich bin gewiß / meiner Meinung nach / ich vertrete den Standpunkt

3.2 Veranlassung des Partners zu einer Stellungnahme

Stimmen Sie mir (nicht) zu? / Sind Sie (nicht) derselben Meinung?

3.3 Zustimmung: Ich bin einverstanden. / Ja gut, machen wir es so.3.4 Ausdruck des Zweifels durch Frage nach dem Sachverhalt/Meinung

Ist es wirklich so? / Glaubst du das wirklich?

3.5 Ausdruck von Freude: Ich würde mich freuen. / Wir freuen uns.

3.6 Ausdruck von Furcht/Befürchtung: *ich befürchte / mir wird bange, wenn...*

3.7 Ausdruck von Gefallen/Mißgefallen

Das war richtig. / Das gefällt mir. / Das gefällt mir nicht.

3.8 Ausdruck von Begeisterung und Interesse

Das hat mich sehr interessiert. / Der Auftritt von N. hat uns sehr begeistert.

3.9 Lob und Tadel (oft in Verbindungen mit Wertungen)

Das war richtig. / Das hast du gut gemacht. / Das war nicht in Ordnung.

3.10 Ausdruck von Desinteresse / Gleichgültigkeit

Mag er tun, was er will. / Es ist mir gleichgültig. / Das läßt mich kalt.

4. Typ: Handlungen des Sichverpflichtens

Vom Sprecher wird eine Handlung angekündigt, angeboten oder zugesagt. Dabei weist er auf seine Absichten, Möglichkeiten und ggf. auf die die Handlung fördernden oder beeinträchtigenden Begleitumstände hin.

Ich verspreche es. / Ich bringe es mit. / Ich versichere dir... / Alles geht in Ordnung. / Es wird nicht leicht sein, aber es geht in Ordnung. / Morgen komme ich ganz bestimmt.

5. Typ: Reaktionshandlungen

Hierbei wird auf Handlungen, Absichten, Fragen, Aufforderungen und Ankündigungen reagiert, sich zustimmend oder ablehnend geäußert, die eigene Meinung, oft auch wertend, ausgedrückt oder sich verpflichtet, eine Handlung auszuführen. Bei Informationsauslösender Handlungen werden entsprechende Informationen vermittelt. Im einzelnen handelt es sich darum, daß die Schüler vor allem lernen, auf Vorschläge höflich zustimmend oder ablehnend zu reagieren.

5.1 Bejahung oder Verneinung

5.2 Zustimmung oder Ablehnung

Auf jeden Fall komme ich. / Ich bin damit nicht einverstanden. / Bitte nein./

5.3 Einschränkung, Anmeldung von Zweifeln

5.4 Lob und Tadel

5.5 Beantwortung

5.6 Verpflichtung, eine Handlung zu vollziehen

5.7 Entscheidung, Bedauern, eine Handlung nicht vollziehen zu können.

Zu meinem Bedauern konnte ich nicht kommen.

6. Typ: Informationsauslösende Handlungen

Dieser Typ korrespondiert mit den Handlungen des Typs 2 und wird sprachlich durch Fragen, u. a. sogenannte W-Fragen, ausgelöst, um vom Adressanten entsprechende Informationen zu erhalten. Die Verwendung von Alternativfragen ist zur Beseitigung von Zweifeln bzw. zur Vergewisserung möglich. Die Einleitung der Frage mit ob dient ebenfalls der Beseitigung von Zweifeln: *Kommt er heute? / Ob er heute kommen wird?*

Informationen können auch durch Aufforderungen (evtl. mit bitte) erbeten werden: *Sag es mir! / Erzähl es mir! / Bitte sagen Sie mir, wie spät es ist.*

7. Typ: Kontraktive Handlungen

7.1 Anreden

Mit Herr, Frau, Kollege / Kollegin in Verbindung mit dem Familiennamen: Kollege Müller! Zur Hervorhebung einer übergeordneten Stellung kann (statt des Namens) die Funktion oder Stellung des Adressanten genannt werden: Herr Direktor, Herr Vorsitzender.

Die Anrede mit dem bloßen Vornamen bzw. Mit du ist nur im vertrauten Umgang und bei Kindern und Jugendlichen üblich.

Die Anrede mit dem bloßen Familiennamen gilt als etwas Herabsetzendes. Sie wird mit dem Ziel der Aufrechterhaltung von Distanz bei sozial oder fachlich nicht gleichberechtigten Partnern angewendet.

7.2 Grüße, Begrüßungen, Grüßübermittlungen als Wunsch

Guten Tag! / Auf Wiedersehen! / Gute Fahrt! / Baldige Genesung! / Grüß N. Von mir! / Viele Grüße an N.! / Seien Sie herzlich willkommen!

7.3 Gratulationen und Glückwünsche

7.4 Vorstellungen

Gestatten Sie, daß ich mich vorstelle. Mein Name ist (Ich heiße)...

Darf ich Sie miteinander bekanntmachen? Das ist Herr N.

7.5 Bekundung von Interesse, Fragen nach dem Wohlergehen

7.6 Zutoasten

Oft eingeleitet durch: *Stoßen wir an! / Erbeben wir das Glas! / Auf Ihr Wohl! / Auf Ihre Gesundheit!*

8. Typ: **Intensive Handlungen**

8.1 Exemplifikation

Lassen Sie mich hierfür Beispiele anführen. / ...dies mit Beispielen belegen.

8.2 Verallgemeinerungen / Feststellungen

So können wir sagen, daß ... / Hieraus ergibt sich, daß ...

8.3 Beweise und Begründungen eingeleitet mit weil, denn

Der Unfall passierte, weil... / Diese Feststellung ist falsch, denn...

8.4 Vergleiche: einerseits - andererseits / zum Vergleich führe ich folgende Faktoren an: ...

8.5 Schlußfolgerungen und Zusammenfassungen

Hieraus ergibt sich... / Hieraus können wir die Schlußfolgerungen ziehen... / Das gestattet die Schlußfolgerung... / Hieraus resümieren wir... / Zusammenfassend ist festgestellt (festzustellen) ...

Entsprechende Ankündigungen ermöglichen eine bessere Rezeption der nachfolgenden Information.

9. Typ: **Metakommunikative Handlungen**

Ihre Funktion besteht in der Steuerung der Kommunikation und der Sicherung des Verständnisses.

9.1 Anknüpfungen: Lassen Sie mich an die Worte meines Vorredners anknüpfen.

9.2 Vermeidung von Fehlinterpretationen

Lassen Sie mich die Feststellung präzise beweisen.

9.3 Absichtserklärungen und Ankündigungen

Zuerst sprechen wir über ... / Vorerst behandeln wir folgende Problemkreise:...

9.4 Kommunikationsfördernde Wendungen

In der Alltagskommunikation ist es oft nötig, das Verstehen oder Nichtverstehen zu signalisieren; den Partner zu bitten, etwas zu wiederholen, langsamer zu sprechen, etwas mit anderen Worten auszudrücken, einen Terminus zu erklären.

In unserem Beitrag wurde ein Versuch unternommen, anhand der von uns studierten Literatur die Arten von Sprechhandlungen darzustellen. Ein Bestandteil von Sprechhandlungen und zwar von Reaktionshandlungen ist die Ablehnung, die in unseren weiteren Beiträgen untersucht und dargestellt wird.

Literaturverzeichnis:

1. Hellmilch, H. Sprechhandlungen und kommunikative Aufgabestellungen. Leipzig, DaF 3 / 1988. 2. Desselmann, G. Sprechhandlungen als Basis für Typen kommunikativer Aufgabenstellungen im Fremdsprachenunterricht. In: WZ der Leipziger Universität 1 / 1986.

А.А. Кедова (Харьков)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

1. В данной статье мы хотели бы обосновать и предложить еще один подход для решения вопросов о спорных датировках и авторстве литературных произведений. Как известно, для этого используются не только исторические, литературоведческие методы, но также и чисто лингвистические: анализ грамматических структур, фонетический анализ и т.п. Мы полагаем, что еще одним критерием могут послужить авторские особенности оформления и употребления отрицательных предложений.

2. По сравнению с большинством других индоевропейских языков, германские языки, и английский в частности, радикально изменили способы выражения глагольного отрицания (речь будет идти только о них) в своем развитии за тысячелетнюю письменную историю.

Вплоть до XVII в. почти каждое столетие в той или иной мере привносило свои особенности в способы выражения глагольного отрицания, так что, взяв вне контекста только одно отрицательное предложение, часто можно довольно уверенно определить время его написания и его диалектальную или даже авторскую принадлежность. Для иллюстрации приведем избранные примеры:

1. *Is a ne geseab laðran landscape* (я никогда не видел более отвратительного ландшафта) - английский диалект, VII в. н. э.

2. *Næfre sceal se him nest aspringeð* (никогда не будет благословен тот, ... - английский диалект, VIII в. н. э.

3. *Ne cunð ure æfre ænig to Godes rices* (не придет из нас никогда никто в Царствие Божье, ...) - английский диалект, X в. н. э.

4. ... *ƿæt beora nan ne mehte nanes wæpnes gewældan* (не было среди них никого, кто мог владеть оружием) - западно-саксонский диалект, X в.

5. XIII в. н. э.

северный диалект

a) On oper helpe yeit hope i noght

b) Tus, bot he dos nakins thing

западный диалект

a) In oper helpe ne trust i noght

b) Tus, bot he ne dos nankin thing

6. XIV в. н. э.

Северный диалект

... *And all þaira fare noght wurth a flye*

Юго-восточный диалект

... *And biððe ƿat ge ne dredde nought* и т.д.

3. Среднеанглийский период принес с собой, пожалуй, самое радикальное новшество в отрицательные предложения - глагол "do". Учитывая тему нашей работы, мы кратко опишем историю употребления "do" в отрицательных предложениях, в которых число примеров с "do" увеличивается во второй половине XV в. До этого времени их количество было незначительным, и функцию "do" вероятно, следует рассматривать как чисто усилительную: *gwane we in Godes service beoþ: we ne doþ nougt ordre breke* (когда мы служили Богу, мы не нарушали приказа). (*Southern Legendary*)

Чосер, употребляя "do" в вопросительных и утвердительных предложениях, совсем не употребляет его в отрицательных. Так же и у Шекспира в отрицательных предложениях встречается преимущественно форма без "do":

They perceive not how time moves (As You Like it, III, 2, 311)

или

If I mistake not, thou art Henry Monmouth (King Henry IV A, V, 4, 59).

Бен Джонсон в ранних произведениях также отдает предпочтение форме без "do":

He came not to his longing (Every Man in his Humour I, 4, 114).

Современное употребление стало общепринятым, насколько можно судить по текстам, лишь около 1700 г.; возможно до этого оно встречалось в народном и разговорном языке, и только писатели избегали его. Однако в отрицательно-вопросительных предложениях, которые требуют утвердительного или отрицательного ответа, форма с "do" является господствующей уже у Шекспира, да и Бен Джонсон ее явно предпочитает:

Did he ask for me? Didst thou not swear?

Однако "do" не употребляется в таких предложениях, если они вводятся вопросительным словом и ответ относится только к этому слову. Например: *What said he? Where dwell you?* Современное употребление установилось в литературе тоже только около 1700 г.

4. Хотя, как было сказано, число примеров с "do" в отрицательных предложениях увеличивается со второй половины XV в., вплоть до 30-х годов XVII в. они не начинают абсолютно преобладать в текстах, а период в 30-40 лет, начиная с 90-х годов XVI в. является временем наиболее интенсивной смены отрицательной конструкции без "do" (т.е. глагол + not) на современную. При этом преимущественное использование той или иной формы в указанный период во многом определялось предпочтениями самого автора произведения, завися в свою очередь от его образования, наклонностей и т.п., то есть зависело от субъективных причин. Другими словами, авторы этого времени (конец XVI в. - 20-е г. XVII в.) демонстрируют четкую склонность к выбору той или иной конструкции.

Для доказательства этого положения нами были проанализированы избранные произведения трех английских драматургов - Кристофера Марлоу (1564 - 1593), Вильяма Шекспира (1564 - 1616) и Бена Джонсона (1573? - 1637). Поскольку анализ был проделан не по всем произведениям, выводы не могут претендовать на окончательность; однако, полученные результаты дают внутренне непротиворечивую картину, что, в свою очередь, говорит о принципиальной правильности предложенного метода.

У К. Марлоу были подсчитаны все отрицательные предложения (только с глагольным отрицанием) в "Тамерлане Великом" (1587) и "Докторе Фаусте" (1587).

Таблица 1.

Общее	do not + кол-во предло- жений	глагол глагол	% + not	% do not + глагол	глагол + not
1. Тамерлан Великий	63	3	60	4,8	56,2
2. Доктор Фауст	52	13	39	25	75

Таблиця 2

**Бен Джонсон: "Вольпоне" (1606)
и "Варфоломеевская ярмарка" (1614)**

	Общее кол-во предло- жений	do not + глагол	глагол + not	% do not + глагол	% глагол + not
1. Вольпоне	55	23	32	31,8	67,2
2. Варфоло- меевская ярмарка	82	54	28	55,8	44,2

Таблиця 3.

**Вильям Шекспир: "Ромео и Джульетта" (1597),
"Венецианский купец" (1598), "Отелло" (1602),
"Гамлет" (1603), "Мера за меру" (1604), "Буря" (1610),
"Зимняя сказка" (1611), "Цимберлин" (1611)**

	Общее кол-во предло- жений	do not + глагол	глагол + not	% do not + глагол	% глагол + not
1. Ромео и Джульетта	74	19	55	25,6	74,4
2. Венециан- ский купец	67	17	50	25,4	74,6
3. Отелло	97	29	68	29,8	80,2
4. Гамлет	81	35	46	43,2	56,8
5. Мера за меру	60	17	43	28	72
6. Буря	47	21	26	44,6	55,4
7. Зимняя сказка	70	15	55	21,4	78,6
8. Цимберлин	58	13	45	22,4	77,6

5. Таким образом, мы получили следующую картину: у Бена Джонсона за период в 8 лет количество примеров с "do" увеличилось почти в 2 раза, что можно полагать закономерным, поскольку формы с "do" с каждым годом должны были становиться более обычными. Гораздо более подробный анализ произведений Б. Джонсона с аналогичным результатом был проделан А. Партриджем (A.C. Partridge, The Periphrastic Auxiliary Verb "do" and its Use in the Plays of Ben Johnson, "M.L.R.", 43, 1948, 26 - 33).

У К. Марлоу в "Тамерлане Великом", написанном в 1587 г., примеры с "do" составляют лишь 4,8 %, что не является удивительным, учитывая год написания. Поражает то, что в "Докторе Фаусте", написанном в том же году, их уже 25 %.

У В. Шекспира мы также находим привлекающие внимание отклонения от общей закономерности. Количество примеров с "do" фактически остается неизменным в период с 1597 г. по 1611 г., составляя в среднем 25,5 % за исключением "Отелло" и "Бури", которые дают радикально отличные показатели - 43,2 % и 44,6 % соответственно, несмотря на то, что в "Отелло" отрицательных предложений существенно больше.

Такие колебания у Марлоу и Шекспира трудно считать случайностью, и они требуют объяснения. Что касается Марлоу, то объяснение может быть достаточно очевидным, поскольку оно опирается на общеизвестные факты о судьбе его литературного наследства. У Марлоу, в отличие от Шекспира, имевшего много друзей из числа актеров и людей, близких к искусству, которые позаботились об издании его произведений в более или менее неискаженном виде, не было друзей, которые взяли бы на себя издание его пьес, а у него не было времени, чтобы сделать это самому. В результате тексты трагедий Марлоу, как они дошли до нас, по большей части являются воспроизведением не авторской рукописи, а записи на слух или переработки одним или несколькими авторами-ремесленниками. Поэтому можно однозначно полагать, что "Доктор Фауст" был "восстановлен" для печати гораздо позже "Тамерлана Великого", факт, представляющий интерес только как подтверждающий предложенный нами метод.

Относительно данных по Шекспиру, мы хотели бы сказать следующее: датировка всех его произведений не вызывает сомнений, кроме одного - "Бури". "Буря" была впервые напечатана в 1623 г., но действительное время написания так и не было определено, несмотря на всесторонний и тщательнейший анализ текста. В повествовании Гонзало об идеальном государстве имеются явные ссылки на изданные в 1603 г. "Опыты" Монтеня. Однако пьеса была впервые исполнена только в 1611 г., в связи с чем большинство критиков принимает, весьма условно, 1610 г. как год написания на том основании, что Шекспир обычно сразу же ставил новые пьесы. Эта датировка принимается далеко не всеми, однако без дополнительных доказательств спор не может быть решен в пользу одной из сторон.

Полученные нами результаты указывают на более раннюю дату, что косвенно также подтверждается тем, что к концу творчества Шекспир употреблял даже несколько больше конструкций без "do".

6. Заключение. Правильность результатов, полученных с помощью описанного нами метода, естественно зависит от полноты подсчетов. Не учтение только одного произведения может существенно исказить или свести на нет всю работу. Однако, выборочный анализ, проделанный нами, полностью совпадает с фактами абсолютно объективного характера, и, следовательно, есть все основания предполагать, что сам метод может в дальнейшем принести ощутимые результаты.

Е.В. Корень (Сумы)

О СТАТУСЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОСЛОВИЧНЫХ ТЕКСТАХ

В языковой палитре пословиц широко представлены прилагательные. В поверхностной структуре этих нетипичных текстов адъективный элемент выполняет несколько функций. Он участвует в становлении зоны качественных признаков, выступает в роли атрибута и компонента образной текстуры. Адъективный элемент представлен в статической и динамических зонах пословиц, репрезентирует тему и ремю, реализует мелиоративную и пейоративную оценки. В исследованном массиве пословиц (в общей сложности - 5871) адъективный слот представлен 485 прилагательными, которые имеют различную частотность в этих текстах малого жанра. Как показывает анализ, адъективные единицы представлены гетерогенно, неоднобразно.

Среди прилагательных выделяются дескриптивы природных явлений типа: *clear, cloudy, damp, dark, fair, foul, northerly, northern, rainy, southerly, stormy, westerly, wet, windy, winterly, still, gaudy, beautiful, plentiful*. Прилагательные данной группы в основном выполняют роль атрибута и редко-предикатива. Они соотносятся с существительными типа *weather, wind, day, afternoon, morning, autumn, summer, March, May, April, winter, air, waters, sky, night, sun, clouds*. Наиболее частотно в исследуемых пословицах представлены *fair, clear, rainy, still*.

В слоте прилагательных обособляются единицы, указывающие на возрастные признаки, физические (как врожденные, так и приобретенные) и физиологические качества животных и человека: *deaf, one-eyed, stout, fat, bony, pretty, ugly, dying, living, wide-mouthed, unborn, lifeless, sober, alive, tired, hungry, thirsty, drunk, naked, blind, sick, healthful, weak, strong, dead, old, young*. В данной группе наиболее употребительными являются *old, young, dead, blind, fat, weak, sick, strong*. Прилагательные в функции определения чаще всего соотносятся с наименованиями людей и пред-

ставителей фауны. Антропонимы в этом случае представлены общими номинациями людей: *man, girl, maid, woman, child, folk*; статусом в социуме: *wife, husband, mother, lady, bride, friend, crony, enemy, fool*; а также по роду занятий: *soldiers, serving-man, slave, doctors, physician, housekeepers, poacher, beggar, wench, knave, drunkards, prodigal, saint*. К малочисленным соматизмам относятся *ears, belly, paunches, heart, head, bones, shoulders*. Значительный массив прилагательных соотносится с представителями животного мира: *horse, mare, lions, calves, pig, cattle, sheep, ox, cow, donkey, lamb, bull, fox, wolf, dog, cat, mouse, rat, cock, goose, birds, fish, bee* и др.

Обособляется группа прилагательных, описывающих способности, навыки и умения: *stupid, foolish, silly, clever, witty, dexterous, skilful, lazy, idle, ingenious, diligent, wise*. Наиболее употребительными прилагательными в этой группе выступают *wise, idle, foolish, diligent*.

К оценочным прилагательным относятся единицы типа *poor, rich, unworthy, worthless, worthy, dear, cheap, moneyless, penniless, tocherless, wealthy, charitable, prodigal, uncharitable, thriftless, unprofitable, unpaid, valuable, worth*. Прилагательные этой группы в своем составе часто имеют морфемы *-less, -y, -able, un-*. Отмечено преобладание группы "неимущих" адъективов над "состоятельными". Чаше других реализуются в пословицах *poor, rich, worth, dear, cheap*, которые, в основном, используются в функции предикатива.

Аксиологическую группу составляют прилагательные, номинирующие душевные и моральные качества человека: *honest, gentle, rude, kind, wicked, faithful, cheerful, joyful, generous, greedy, grateful, thankless, just, unjust, charming, brave, free, patient, holy, resolved, resolute, innocent, guilty, mad, bold, envious, jealous, heartless, graceless, wild, naughty*.

Парадигматическая группа "цвет" представлена в пословицах, в основном, прилагательными *white, yellow, red, blue, green, brown, grey, black*. Анализ пословиц с номинациями цветовой ориентации показывает, что они, как правило, используются в дескрипциях. Функция колористических прилагательных состоит в вербализации цветовых ощущений, в придании образности высказыванию, экспрессивности. Прилагательному *blue* присуща позитивная коннотация: *There may be blue and better blue; Blue eyes, true eyes*. Прилагательное *red*, наиболее часто употребляемое в описании погоды, имеет также коннотативную окраску: *A red cow gives good milk; If red the sun begins his race, expect that rain will flow apace; Yellow's forsaken, and green's forsworn, but blue and red ought to be worn*. Основная узуальная коннотация прилагательного *green* - "молодой, свежий, ранний". Как правило, в тексте оно используется для передачи положительной оценки: *Twist the wand while it is green; A hedge between keeps friendship green*. Для описания внешности используются прилагательные *red, brown, black, blue, grey*: *To a red man read thy rede; with a*

brown man break thy bread; at a pale man draw thy knife; from a black man keep thy wife. Если в типичном тексте за прилагательными *green, yellow* закреплена негативная коннотация, то в пословицах эта коннотация носит иллюстративный характер. Для пословиц с колористической номинацией *red* несвойственно выражение предельных состояний и эмоций. Прилагательное *black* в пословицах является носителем пейоративной оценки. Около 40% пословиц с прилагательными *black* и *white* реализуют противопоставление "доброго::злого".

Среди прилагательных выделяются димензиональные/ счетные единицы. Эти адъективы, как правило, включаются в антонимические пары. Ср.: *full - empty, deep - shallow, little - small - big, high - low, long - short, all - every - lone - alone, heavy - light, far - near - nigh - close - middle, quick - fast - slow, eternal - frequent - continual - rare, round - straight, scant - scarce - excessive, narrow - broad, bottomless, boundless, extreme, equal.*

Следует заметить, что аксиологические прилагательные позитивной и негативной оценки *wrong, right, good, bad, ill, evil, false, fine, excellent* представлены в тексте формами разных степеней сравнения.

Анализ показывает, что большинство прилагательных реализуются в пословичных высказываниях поединично. Наиболее многочисленная группа - это прилагательные качественной ориентации. Представительной является группа адъективов с мелиоративной и пейоративной оценками.

Таким образом, анализ функционирования прилагательных в пословичных текстах свидетельствует о высокой антропоцентричности этих коммуникативных единиц, их прагматической ориентации на усовершенствование человека и его социума.

Литература.

1. Арутюнова 1976: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976.
2. Бурсак 1981: Бурсак Т.Д. К вопросу об информативной значимости прилагательного в тексте. // Лингвистика текста и методика преподавания иностранных языков. - Киев, 1981. - С. 54-58.
3. Вольф 1978: Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. - М.: Наука, 1978.
4. Зимон 1981: Зимон Е.И. Семантико-стилистическое варьирование имен прилагательных в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Москва, 1981.
5. Уфимцева 1986: Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. - М.: Наука, 1986.

СПОСОБИ ВИРАЖЕННЯ ПІДСИЛЕННЯ ДІЄСЛОВНОЇ ДІЇ ЗА ДОПОМОГОЮ ІНТЕНСИФІКОВАНИХ ДІЄСЛІВ У МЕЖАХ ФУНКЦІОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНОГО ПОЛЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТІ У СУЧАСНІЙ ФРАНЦУЗСЬКІЙ МОВІ

Категорія інтенсивності у лінгвістиці - це мовна понятійна категорія, котра служить для відображення градацій у мірі вияву ознаки і виражається способами різних мовних рівнів. Ця категорія охоплює всю шкалу градації ознаки (підсилення, послаблення).

Статус інтенсивності як категоріальної семантичної ознаки визначається її відношенням із суміжними категоріями кількості, міри, експресивності, емпізи.

Категорія інтенсивності, що означає наближену кількісну оцінку, є частковим проявом категорії кількості, а саме тієї її сторони, котра характеризується як недискретна (невизначена) кількість.

До того ж слід додати, що категорія ознаки тісно пов'язана з категорією міри, однак це не бажано трактувати як синонім міри. Якщо міра "Вказує межу, за якою зміна якості і є своєрідною зоною, в межах якої дана кількість може модифікуватися, зберігаючи при цьому свої суттєві характеристики." (БСЭ, т. 16, с.238), то інтенсивність показує рівень розвитку ознаки у межах даної міри, що не тягне за собою зміну даної якості.

Фактором, що визначає взаємодію дієслів у системі категорії інтенсивності, є характер семантики дієслів. Звернення до методу словникових дефініцій показало, що серед підсилювальних дієслів виявляється група лексем, у значенні котрих міститься кваліфікаційний компонент, який можна умовно позначити прикметником, прислівником або якісним іменником. Він і визначає дію інтенсифікованого дієслова. Про доцільність включення у комплекс показників способів дієсловної дії, поряд з дієслівниками, засобів, що виходять за межі дієслова, свідчать такі переконливі фактори. По-перше, характер дієслова (граничність/неграничність) є величиною змінною, цілком залежною від оточуючих елементів контексту. По-друге, відсутність недієслівних засобів призводить до зміни значення способів дієсловної дії на протилежні (О.А. Соловйова: "... до складу недієслівних показників способів дієсловної дії включають лише такі засоби, при вилученні котрих з контексту або їх заміни іншими, відбувається зміна в значенні способів дієсловної дії, іноді навіть на протилежний.").

Кожний спосіб дієсловної дії характеризується своїм комплексом дієслівних і недієслівних способів вираження. У ієрархії показників спо-

собів дієслівної дії значне місце належить дієслову, його характеру зору граничності/неграничності. Під граничністю/неграничністю розуміють певні семантичні характеристики дієслова, котрі впливають з конкретного лексичного значення дієслова.

Значення граничності полягає на потенційну здатність дієслова позначати таку межу у протіканні дії, після котрої її подальша тривалість не виключена. Значення неграничності вказує на потенційну здатність дієслова не виражати межі у процесі дії.

В аспектології значне місце належить розподілу дієслів на граничні і неграничні.

Специфіка функціонально-семантичного поля аспектуальності у французській мові є в наявності системи різнорівневих засобів об'єднаних на підставі спільності і взаємодії їх семантичних функцій, що є реалізацією граматичної категорії виду і способів дієслівної дії. Ядром функціонально-семантичного поля аспектуальності у французській мові слід визнати граничність/неграничність дії, яка реалізується сукупністю дієслівних засобів. Інші способи дієслівної дії займають залежне положення у відношенні до граничності/неграничності дії.

Проведене дослідження засобів вираження інтенсивності способів дієслівної дії дозволили виділити:

- 1) лексично характеризовані способи дієслівної дії;
- 2) морфологічно характеризовані способи дієслівної дії;
- 3) лексично-синтаксичні способи дієслівної дії. Лексично характеризовані способи вираження лексичною семантикою дієслова. Способами вираження морфологічно характеризованих способів служать словоутворюванні елементи і форми дієслова. Лексико-семантично характеризовані способи представлені сполукою внутрішньодієслівних і недієслівних показників.

Інтенсивність якісної або кількісної ознаки може бути представлена градацією: ступінь надлишкова, висока, середня, недостатня, слабка, нульова. У цій статті ми розглянемо тільки високу ступінь інтенсивності дії, котра є самою вагомою у ступені вираження і представлена у мові великою кількістю підсилювальних засобів, що мають емоційне забарвлення, образність і більшу експресивність, ніж засоби вираження інших аспектуальних значень.

Семантичне аспектуальне поле інтенсивності (сильна ступінь протікання дії) включає три мікрополя з домінуючими ознаками:

- 1) дуже сильно;
- 2) дуже швидко;
- 3) дуже багато.

Мікрополі інтенсивності властиві лексичні, морфологічні і лексико-семантичні характеризовані способи дієсловної дії.

У процесі аналізу в межах дієслівної лексики були виявлені такі показники інтенсивності:

1) ділова, у лексичному значенні яких закладена найбільш висока ступінь прояву будь-якої ознаки дії:

ознака "ДУЖЕ СИЛЬНО" - *dévorer* - (au fig.) *regarder avec une grande attention - dévorer des yeux*; *creuser* (au fig.) - *penetrer bien avant dans une chose par la pensée (creuser la question)*; *forcer* - *contraindre par force, violence*; *violenter - forcer d'une façon emportée, brutale*; *bruler pour* - *marquer une violente passion amoureuse*; *assaillir* - *se jeter avec violence, s'égoussiller (fam.)*; *beugler* - *crier très fort et d'une façon prolongée* та інші;

ознака "ДУЖЕ ШВИДКО" - *froisser* - *presser violemment et brusquement*; *bondir* - *sauter avec brusquerie et puissance*; *avalier* - *manger rapidement*;

ознака "ДУЖЕ БАГАТО" - *dévorer* - *manger gloutonnement, beaucoup et avidement*; *endouffrer* - (fam.) *manger avidement et en grande quantité*.

У рамках внутрішньодієслівних засобів значне місце займають афіксальні показники інтенсивності - префікси RE-, SUR- (морфологічно характерізовані способи дії): *ramasser* - *amasser avec soin en grande quantité*; *ramollir* - *rendre mou ce qui est trop dur*; *surcharger* - *charger d'un poids qui excede la charge ordinaire*; *surestimer* - *estimer au-delà de son prix*.

Семантичне поле інтенсивності відрізняється багатством і різноманітністю сполук дієслівних і недієслівних показників (лексико-семантично охарактерізовані способи дієслівної дії), до яких належать:

1) сполучення дієслова з прислівниками - інтенсифікаторами і їх еквівалентами, що вказують на високу ступінь прояви дії:

сема "ДУЖЕ СИЛЬНО" - дієслово + прислівник *beaucoup* (сильно), *fort bien*, *trop*, *de trop*, *fortement*, *de force*, *de son mieux*;

сема "ДУЖЕ БАГАТО" - дієслово + прислівник *enormément*, *excessivement*, *abondamment*, *amplement*, *beaucoup* (багато), *trop*, *de trop*, *subitement*, *précipitamment*, *brusquement*, *promptement*;

2) дієслівно-іменні конструкції, у котрих семантично значним крмпонентом виступає прикметник або іменник у функції означення: *pousser de grands cris*, *des cris per(ants)*, *des cris terribles*, *des cris d'épouvantes*, *de cris terreur*; *donner un grand coup*; *avoir une grande passion* (terrible, violente) та інші.

3) комбінації "дієслово + прикметник *jusqu'a* + ім'я, що вказують на високу ступінь прояву дії: *rougir jusqu'aux yeux*, *jusqu'aux oreilles*; *penetrer jusqu'a l'extremite de qch*; *aller jusqu'a ses limites*.

4) сполучення "дієслово + прийменник *avec* + іменник-інтенсифікатор", тобто іменник, що містить у своїй системі семантичну вказівку на високу ступінь прояву інтенсивності: *avec violence*, *avec force*, *avec vivacité*;

5) дієслово у сполученні з прийменниковою конструкцією "прийменник *de* + іменник + прикметник", де у ролі інтенсифікатора постає прикметник: *eclairer d'une lueur vive*; *faire signe d'un grand coup de tête*; *briller d'un vif éclat*;

6) дієслово + усталені сполучення, що включають займенниковий прикметник *tout*: *écouter de toutes ses oreilles*; *regarder de tous ses yeux*; *aimer de tout son coeur*;

7) дієслово у сполученні із зворотами типу *a grands coups*, що вказує на високу ступінь прояву дії: *à pleine bouche*; *à pleins poumons*; *à plein poitrine*; *à grands cris*; *à gros sanglots*; *de pleine main*;

8) у складних реченнях, в яких підрядне підкреслює ступінь інтенсивності, виражену корелюючим словом у головному реченні: *Il accélérerait son rythme à tel point qu'il semblait qu'il dût se démembler à la fin* (A. Camus)

9) лексичні повтори - лексико-семантичний спосіб підсилення, що часто зустрічається, і є найбільш простим у структурному відношенні, полягає у повторенні ідентичних лексичних одиниць. Лексичні повтори характеризуються емоційною підкресліністю підсилення: *Aline tourne, tourne, avec rage...* (H. Bazin). *Il frappe, frappe comme un marteau.* (A. Camus)

Лексичні, морфологічні і лексико-семантичні способи дієслівної дії як засоби інтенсифікації мовлення утворюють певну систему, бо, по-перше, не створюються кожного разу заново, а моделюються за певними правилами; по-друге, визначаються загальним семантичним значенням градованості обсягу ознаки; по-третє, у своїй сукупності представляють польову організацію.

Інтенсифікація властива в тих чи інших межах будь-якої сфери функціонування мови. Різні емоційні засоби, що використовуються в якості інтенсифікаторів, постійно взаємодіють один з одним. Кількість інтенсифікованих висловлювань у мові індивіду, їх різноманітність і вар'ювання свідчать про рівень розвитку особистості, мовної компетенції співрозмовника, його темпераменту, індивідуальних перевагах - загалом, про рівень культури особистості.

А.Э. Левицкий (Киев)

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Словообразовательные и словообъединительные правила ориентированы на синтаксис. Это и позволяет рассматривать единицы лексикона не только лишь как средства номинации, но и как средства представления одного и того же содержания с помощью разноструктурных единиц и разных функций в высказывании. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, правила синтаксической деривации представляют собой образец транспонирования единиц из одного класса в другой или же образцы транспозиции одного уровня (синтаксического) на другой (морфологический): от синтаксиса - к слову (ср. русск. *покрытый снегом* и англ. *covered* или же

русск. зелёный, как трава и англ. grass-green и т. п.) (Кубрякова 1991:123). Следует также подчеркнуть и тот факт, что единицы, составляющие лексикон, существенно разнятся по своей протяжённости и уровневому статусу, а также по возможности вступления в сестринские связи (ср. *кресло-качалка, Голая Пристань, генерал Петров* и т. п.).

Итак, с одной стороны, существует обусловленность функционирования слова его системно-языковым значением, с другой - появление новых речевых значений, а впоследствии и возможное изменение системно-языкового значения под влиянием контекста (Аполлонская и др. 1987:120). Все функциональные характеристики единиц номинации в высказывании предопределены заранее в лексиконе в виде прототипов и фреймов. Там же для отражения определённых гешталтов и кластеров наличествуют характеристики языковых единиц, представленных в языке фразеологическими единицами, устойчивыми словосочетаниями нефразеологического характера, другими составляющими переходную зону "слово - словосочетание", а также метафор и катафрез.

Знание значений единиц номинации и их функциональных характеристик создаёт предпосылки адекватности процесса коммуникаций. Большинство проблем в акте коммуникации, вызванные лингвистическими данными, объясняются нарушениями в функционировании языковых единиц, которые ведут, в свою очередь, к **дисфункции**. Под дисфункцией языковой единицы мы понимаем использование какой-либо языковой единицы в нетрадиционной для неё функции. Дисфункция приводит к изменению функциональных характеристик языковой единицы, т. е. её функциональной переориентации.

Существует также дисфункции высказывания, приводящей к коммуникативной неудаче на уровне предложения или всего текста. В результате её действия реплика адресанта, которая употреблена или сформулирована неудачно, либо без учёта тезаурусных особенностей адресата или ситуации, не достигает цели общения и вызывает неадекватную реакцию. Дисфункции могут быть подвержены все основные составляющие коммуникативной ситуации (как её понимает Л. В. Сахарный (Сахарный 1989:116)) - со стороны говорящего; со стороны слушающего; из-за предмета коммуникации, кода, текста и условий, в которых происходит общение.

Предлагаемый подход к анализу продуктов речевой деятельности идёт не "от формы", а "от содержания", что выявляет принципиальную общность содержательного аспекта любых двуплановых структур независимо от особенностей их формы. Таким образом, разноуровневые языковые единицы рассматриваются как различные по степени сложности структурной организации виды некой базисной "надуровневой" единицы речевой деятельности, которую Л. В. Сахарный называет коммуникативной номинацией (Сахарный 1989:119). Данное направление, в достаточной мере согласуемое с исследованиями А. В. Бондарко (см., напр., Бондарко 1983),

позволяет выявить закономерности функционирования единиц в речевой деятельности, независимо от того, к какому лингвистическому уровню они относятся. Так, к примеру, функционально-семантическое поле квалификации степени проявления признака в современном английском языке составляют лексические единицы (квалификаторы - *so, very, enough, fairly, slightly, somewhat, a bit, too, extremely* и др.), морфологические элементы (аффиксы градуальности -*ish, -y*), единицы синтаксиса (квалифицирующие синтаксические структуры типа *Isn't it wonderful!, She was crazy, and how!, What a shame!*) (см. Левицкий 1991).

В целом, материальная, языковая оболочка знака, "тело" знака, может показывать принадлежность единицы к разным уровням, но функционировать такие разноразрядные единицы могут примерно одинаково. Тем самым, языковые единицы разных уровней могут иметь, по меткому высказыванию Е. С. Кубряковой, одинаковую "душу" (Кубрякова 1991:96), т. е. выражать единый концепт.

В современном английском языке в силу особенностей его структуры прослеживается значительная зависимость семантики слова от его "узкого" контекста. Следовательно, английское слово достаточно гибко в функциональном аспекте, т. е. способно изменять функциональные характеристики при неизменности формы. Синтаксическое использование английского слова, его синтагматический потенциал тесно связаны с семантическими особенностями и определяют лексико-грамматические характеристики слова. Таким образом, носителю английского языка приходится в структуре значения, основанного на своём языковом опыте, объединять собственно семантический и синтаксический компоненты. В структуре же логического значения важность приобретает логика употребления конкретной языковой единицы в данном контекстном окружении. Итак, именно контекст даёт разгадку для определения слушающим значения знакомой языковой единицы в незнакомой функции (*"It's only because he's a morsel down today"* (A. J. Cronin); *"But I must say for Burton, he's a heaps broader-minded than lots of these Southerners"* (D. Parker); *He also hinted that he did some kind of hush-hush job* (J. Symons)).

С позиции говорящего происходит вкладывание нового смысла в старое слово, что позволяет использовать его в новом значении для заполнения бреши в словаре. Ассоциативная и формальная связь между исходной и новой единицами приводит не только к развитию вариативной зоны семантики исходной единицы, но и к изменению её синтаксических и морфологических показателей.

Ассоциативные связи лежат в основе образования и функционирования системы фоновых знаний (Судомоина 1989:7). Их система сама выступает как многогранный опыт языковой личности, имеющийся к моменту речи. Возможность стимулировать фоновые ассоциативные связи заложена в семантической структуре языковой единицы, в частности, в на-

личии многочисленных потенциальных сем, отражающих различные ассоциации (Гак 1988:26), с которыми обозначаемый объект связывается в сознании коммуникантов.

Действию функциональной переориентации подвергаются как одноуровневые, так и разноуровневые языковые единицы. В том случае, когда задействованы одноуровневые единицы, проявляется полифункциональность или синкретизм языковой единицы. Как следствие изменения функционального статуса языкового знака при сохранении его формальной отнесенности к единицам других уровней возникает их равноимённость (термин Д. И. Квеселевича (Квеселевич 1983:6)). Достигнутые результаты подтверждают высказывание А. Н. Мороховского о том, что развитие человеческого опыта ведёт к образованию новых понятий, которые закрепляются в языке, в частности, в его словарном составе (Мороховский и др. 1991:163). Однако если бы каждое новое понятие обозначалось новым словом, то словарь языка оказался бы слишком объёмным, превышающим возможности человеческой памяти. Тенденция к экономии языковых средств и аналитическая деятельность человеческого мышления ведут к тому, что в любом языковом коллективе широко используются уже существующие слова и словосочетания в новой функции для обозначения уже известного, познанного.

Необходимо отметить и важную роль контекста в процессе кодирования/декодирования информации. Человек формирует своё высказывание в целом, употребляя те или иные слова для выполнения надлежащих им функций осознанно. Вместе с тем именно "каркас" предложения и является необходимым контекстом, без которого нельзя употребить или распознать единицу языка в новой функции. По существу контекст - это область семантики языка, поскольку он определяется познавательной сущностью языка, его непосредственной связью с мышлением. Тем самым, контекст выступают одним из факторов познания мира благодаря комбинации всех языковых и неязыковых средств, участвующих в общении людей. Следовательно, происходит адекватное отображение объективного мира. Вся же совокупность окружений любой языковой единицы образует тот контекст, который в микро - или макроразмерах определяет смысловое содержание конкретного фрагмента коммуникации (Колшанский 1980:134-135,140). На наш взгляд, именно макроконтекст, т. е. ситуация общения, существенно определяет функциональную переориентацию разноуровневых языковых единиц.

Итак, основные модели функциональной переориентации разноуровневых языковых единиц, приводящие к их равноимённости, таковы:

- **морфема - лексема:** *hyper (adj), mega (adj), semi(n)*;
- **фонема - лексема:** */i:/ (n), /ou/ (n), /ju:/ (adj)*;
- **лексема - морфема:** *-aid, -aware, -person, -driven, -led, -speak, -style, -ville, -word, woman-, -watcher, -something*;

- **предложение - лексема:** *Charlie's dead! (interj), What? (n), do-it-yourself (adj);*
- **лексема - предложение:** *Cut, Brother!, Grand!. Gee!, Rabbit!, Nuts! Why!;*
- **словосочетание - предложение:** *My hat!, Banana oil!, A pretty kettle of fish!, For God's sake!, Comic opera!;*
- **словосочетание - лексема:** *kind of, hell of a lot, my gum!.*

Следует подробнее остановиться на функционировании полнозначных лексем в качестве морфем. Естественно, что базовой единицей сферы языковых знаков, которые непосредственно обслуживают деятельность человека, является лексема (Павлов 1985:11). Она соотносится с синтаксической конструкцией, которая включает речевую цепь лексем. Тем самым, корреляция "морфема - лексема - словосочетание/предложение" становится основой для определения функциональных особенностей языковых единиц в дискурсе.

Взаимосвязь грамматических (морфем, словосочетаний/предложений) и лексических единиц (лексем) в процессе их функционирования в дискурсе проявляется, в частности, в том, что возможны их взаимопереходы. Их активность в современном английском языке объясняется реализацией процесса функциональной переориентации. В диахроническом аспекте это явление отразилось в образовании суффиксов *-hood, -ful, -ly, -dom* реализации моделей П. Хоппера и Э. Троггт: полнозначный глагол > вспомогательный глагол > клитик > аффикс; относительное существительное > вторичная адпозиция > агглютинативный аффикс > фузийный аффикс (Hopper, Traugott 1994:183-185).

Что же касается словосочетаний, функционирующих в качестве лексем, то их разнообразие позволяет уделить несколько больше внимания данным единицам. Единый (общий) сигнификат, т. е. нерасчленённый концепт, способны передавать:

- устойчивые словосочетания с непереосмысленными компонентами: *acid rain, affirmative action;*
- устойчивые словосочетания с частично переосмысленными компонентами: *air burst, art rock bargaining chip, body armour;*
- устойчивые номинативно-когнитивные комплексы: *grose-out, all-nighter, drive-by, end-user, go-go, hard-line, in-house;*
- словостяжения: *all-in-one, have-a-go, nine-to-five rent-a-house;*
- языковые единицы, возникшие в результате редупликации: *rumpy-pumpy, willie-weilie, gender-bender, rumpty-tumpty, spit-spot, ping-pong, man-man;*
- единицы, возникшие на ритмической основе: *frudge and hudge, safe and sound, movers and snakers, ticky tacky, nuts and bolts;*
- телескопные слова: *cashomat (cash + automat), pomato (potato + tomato), racon (radio + beacon), slimnastics (slim + gymnastics);*

- акронимы и аббревиатуры: *ABM, AC/DC, APEL, PASCAL, SNOBOL*;
- фразеологические единицы (*a couch potato, acid house, basket case, Denver boat, dogs of war, like hell, as they come* и им подобные).

Рассматриваемые фразеологизмы, на основе их номинативного анализа, соответствуют тем смыслам, которые, как правило, выражаются в языке словообразовательными средствами. В. Н. Телия, исходя из этого, делает вывод, во-первых, о существовании глубинного изоморфизма между категориями словообразования и параметрическими сочетаниями слов, а, во-вторых, о том, что отсутствие в языке словообразовательных "решений" восполняется лексико-синтаксическими способами (помочь - оказать помощь, спрашивать - задавать вопрос) (см. Телия 1996:51-52). Таким образом, в рамках этой модели раскрывается глобальный изоморфизм между слово- и фразеобразовательными отношениями. Фразеологические сочетания, подчинённые узусу, а не "свободному" синтаксису, моделируются по семантическим правилам. Кроме того, идиомы как ядро фразеологии эквивалентны лексическим единицам по выполняемой теме и другими целостной номинативной функции (ср. Телия 1996:59-60), поскольку в них скрыт определённый "сценарий" или "фрейм". Фразеологические единицы имеют референцию не по типу лексических единиц, а всегда через фреймовое включение, которое выступает посредником между семантикой и знаковой функцией.

Промежуточный статус единиц, сочетающих в себе функциональные особенности лексических единиц и формальные - синтаксических, позволяет рассматривать их как реализаций гештальт-структур (т. е. сущностей, которые не являются понятием в традиционном понимании, а также смыслом - образом конкретной ситуации как для слушающего, так и говорящего). Иными словами, по мнению В. Н. Телии, если денотат можно уподобить *alter ego* десигната, т. е. того, что обозначается именем как знаком, то гештальт-структура - это то, что категоризуется в языковом сознании как типовой образ, в отличие от концепта как всей совокупности знаний об объектах из мира "Действительное" (Телия 1996:95). Концепт же - это всегда знание, структурированное во фрейм, т. е. он отражает не только существенные признаки объекта, а также ситуативно маркированные, во всех его связях и отношениях.

Несмотря на то, что О. С. Ахманова довольно спорно относилась устойчивые словосочетания (*first night, common sense, best man*) к фразеологическим, указывая, что в результате нестойкого "нейтрального словосложения" появляются единицы типа *stone wall, speech sound*, которые "колеблются между словосочетанием и сложным словом" (Ахманова 1954:56). Они трактовались также и как связующее звено между синтаксическим и лексико-семантическим уровнями, т. е. как продуктивное средство межуровневого обмена (см., напр., Малкина 1980:138).

Итак, аналитические лексические конструкции, в число которых входят и фразеологизмы, возникают в речи и фиксируются в языке благодаря действию функциональной переориентации, которая охватывает равноуровневые единицы и способствует развитию межуровневой зоны "слово - словосочетание". Естественно, переменные словосочетания составляют основу рассматриваемого нами процесса. Иными словами, разрушается привычность категориальных особенностей языковых единиц в дискурсе. В то же время, если рассматривать данную ситуацию с позиций языковой личности, то в современном английском языке возрастает значение когнитивного и прагматического аспектов. Они отражают идеи, концепты и деятельностно-коммуникативные потребности личности.

Литература.

1. Аполлонская Т. А., Глейбман Е. В., Маноли И. З. Порождающие и распознающие механизмы функциональной грамматики. Кишинев, 1987. - 171с.;
2. Ахманова С. С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц // Труды Института Языкознания. М., 1954. Т. IV. С. 50 - 73;
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. - 206 с.;
4. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 11 - 26;
5. Квеселевич Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. К., 1983. - 84 с.;
6. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980. - 149 с.;
7. Кубрякова Е. С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 82 - 140;
8. Левицкий А. Э. Функционально-семантическое поле квалификации степени проявления признака в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1991. - 17 с.;
9. Малкина Н. М. Взаимосвязь и взаимозависимость синтаксиса и семантики: /На материале французского аппозитивного словосочетания/. Воронеж, 1980. - 143 с.;
10. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. К., 1991. - 272с.;
11. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблемы отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985. - 299 с.;
12. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л., 1989. - 184 с.;
13. Судомоина Е. Б. Языковые средства выражения ассоциативных связей в тексте (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1989. - 17 с.;
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурный аспекты. М., 1996. - 287 с.;
15. Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge, 1994. - 256 p.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Тезис о том, что язык - это часть культуры и что изучения языка должно идти параллельно с изучением стран, где этот язык является родным, - этот тезис всегда имел отражение в программе подготовке выпускников факультета иностранных языков. В последнее время он приобрел особую актуальность в контексте новых социально-политических и экономических реалий и рассматривается теперь как важнейшая составляющая культурноориентированного образования специалистов этого профиля.

Понимание межкультурного (cross-cultural) образования, равно как и межкультурной коммуникации, межкультурного взаимодействия и прочих понятий, составляющей которых является термин "межкультурный", базируется на понимании концепта "культура". Существует множество развернутых и кратких ее определений, которые позволяют, однако, вычлени ряд общих компонентов. Опираясь на разработки межкультурных теорий (Антипов и др. 1989, Верещагин и др. 1990, Gudykunst 1983, 1991, 1993; Kim 1988, Koester 1993, Segall 1990, Trompenaars, 1993), а также практику их применений (Gaston 1992, Hirsch 1988, Seelye 1993, Pedersen et al 1993), мы приняли определение культуры как базы данных (data base) и перечень моделей (mass of life patterns), которыми должна овладеть личность для успешной жизнедеятельности в данном обществе. Эти модели жизнедеятельности включают способы вербального и невербального поведения, мышления, отношения ко времени, пространству, окружающей среде, членам коллектива, степень интенсивности выражения чувств, иерархию ценностей и норм, личностные и социальные приоритеты, верования, традиции. Понятие культуры включает также весь объем объектов бытовой и художественной культуры во всех ее проявлениях.

Предполагается, что специалист в области иностранных языков может эффективно выполнять свои профессиональные функции, только если получаемое им образование будет иметь не только билингвальную, но и бикультурную ориентацию. До настоящего времени осуществление этой цели в той или иной степени достигалось на базе информационно-когнитивной модели (исходное название "university model"), которая предполагает насыщение обучаемых достаточным объемом страноведческой информации и выработку в их сознании определенных когнитивных конструктов (Pedersen et al 1993, Brislin et al 1994). Традиционными учебными формами этой модели являются лекции, семинары, практические занятия и написание рефератов и курсовых по страноведческой тематике.

Наш опыт участия в современном учебном процессе дает основание для вывода, что имеет место дискорреляция между реальными потребностями

в адекватной культурологической информации по все расширяющемуся кругу тем и реальным объемом учебных часов, структурой программы, материальными и человеческими ресурсами, способными их удовлетворить. Другая сторона этой же проблемы состоит в выборе тех компонентов, входящих в объем культуры страны (стран) изучаемого языка, которые следует выделить как приоритетные и включить в "обязательный", материал, и тех, которые можно вынести за рамки учебной программы.

В этой связи предлагается к рассмотрению альтернативная модель межкультурного образования, которая основана на ином подходе к объему вносимой в учебный процесс информации: Актуальным и справедливым представляется замечание Беннетта: "The critical element in the expansion of intercultural learning is not the fullness with which one knows each culture, but the degree to which the process of cross-cultural learning, communication and human relations have been mastered." (Bennett 1986 : 117). Предлагается расширить образовательную парадигму таким образом, чтобы дополнить информационно-когнитивную модель психолингвистической моделью успешного интерактивного поведения в межкультурной среде. Успех специалиста, работающего в межкультурной среде, будь-то преподаватель, переводчик, исследователь или бизнесмен, зависит не только от объема уже усвоенной культурологической информации, но и от психологической установки личности на постоянное самообразование и углубление понимания и взаимопонимания с носителями иной культуры.

Разработкой этой модели много и успешно занимаются в США. Проблема межкультурной адаптации, оккультурации, успешной межкультурной коммуникации в поликультурной среде этой страны всегда имела особую актуальность. В ряде обширных монографий Уильям Гудикунст и его школа рассматривают весь процесс межкультурной коммуникации с тех позиций, какие именно ее компоненты влияют на успешность общения, и на этом основании выделяют ряд навыков и поведенческих установок, которым следует целенаправленно обучать людей, деятельность которых будет проходить в межкультурной среде или частом контакте с ней. Обобщенно концепция этой модели формулируется так: успешная межкультурная компетенция предполагает овладение рядом навыков, основанных на развитии межкультурной чувствительности ("intercultural sensitivity"), в основе которой лежит осознание фундаментальных концептообразующих различий, которые создают ту или иную картину мира и способность личности не только постичь (изучить) эти различия, но и принять эту картину мира таким образом, чтобы интерпретировать ее события, согласно иным для данной личности принципам.

Смысл понятия "межкультурная чувствительность" хорошо коррелирует с понятием "эмпатия", является ее контекстуальным синонимом и параллельным термином, которым оперирует теория и практика межкультурной коммуникации (подобно терминам cross-cultural and intercultural). Эмпатия рассматривается и как черта характера личности, и как когнитивное состо-

яние, и как навык межкультурной адаптации, и как навык эффективного общения. Все эти аспекты эмпатии объединяются в определении, согласно которому эмпатия - это проекция одной личности на другую для лучшего ее понимания, это интеллектуальная идентификация себя с другой личностью. (Marquardt 1970, Keefe 1976, Pedersen et al 1993, Brislin et al 1994 и др.) Это ключевое понятие межкультурной психологической модели характеризуется как "imagina-tive intellectual and emotional participation in another person's experience; it involves a temporary shift of reference such that one construes events "as if" one were the other person; ability to empathize means projecting oneself into the role of a person in the target culture, willingness to let go of our close identity with our native culture." (N. Webster's New Twentieth Century Dictionary of the English Language.)

Базовое понимание эмпатии достигается первичным самотестированием, которое разработчики этой модели предлагают провести, отвечая на такие вопросы (Gudykunst, 1991: 122):

1. I try to understand other's experience from their perspectives.
2. When others are having problems, I can imagine how they feel.
3. I can "tune in" to the emotions others are experiencing when we communicate.
4. I try to see others as they want me to.
5. I am able to tell what others are feeling without being told.

Отвечая на вопросы "неверно" (1 балл), "как правило неверно" (2 балла), "Иногда неверно, иногда верно" (3 балла), "как правило верно" (4 балла), "верно" (5 баллов) и найдя общую сумму баллов, которые вы себе выставили, вы определите общую тенденцию своей личности эмпатизировать.

Развитие навыка, а в более широком смысле, когнитивной установки личности, - эмпатизировать - базируется на выработке ряда поведенческих норм и способности объективно оценивать собственные психологические установки. Исследователи группируют эти параметры по ряду разделов, один из которых "Отношение между членами группы" (Inter-group Attitudes), например, включает исследование таких факторов, влияющих на успешность межкультурного общения как предвзятое мнение, стереотипность мышления, тенденция избежать контакта с незнакомым лицом или явлением или, наоборот, стремление к постижению неизведанного, способность объективно оценить объем своих знаний о новых явлениях или людях.

Другой раздел "Как стать компетентным коммуникантом" (Being Perceived as a Competent Communicant) вводит новую группу параметров развития личности, например, способность ориентироваться в новой информации и интегрировать ее с уже известной, способность быть внимательным и восприимчивым, способность быть толерантным и выдержанным, способность быть гибким и недогматичным.

Введение данных параметров межкультурной подготовки специалистов повысит их конкурентоспособность на рынке труда XXI столетия, ибо успешность их деятельности будет зависеть не только и не столько от усвоенных за студенческие годы культурологических фактов, но и от воспитанного стремления к самообразованию и постижению иной культуры, к неукоснительному достижению взаимопонимания и позитивных результатов деятельности.

Таким образом, традиционная информационная модель культурноориентированного образования должна быть дополнена моделью межкультурного психологического тренинга. Представляется, что теоретические аспекты этой модели могли бы быть включены в курс психологии, а преподаватели профилирующих предметов могли бы внести свой вклад во внедрение этой модели в учебном процессе подбором соответствующих материалов (см., например, Marquart 1970, Lewis et al 1986, Steward et al 1991, Gaston 1992, Levine et al 1993 и другие подобные материалы по межкультурному аспекту преподавания иностранных языков).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов А. А. и др. Текст как явление культуры. - Новосибирск, 1989.
2. Bennett J. M. Models of Cross-cultural Training: conceptualizing cross-cultural training as education. // *International Journal of Intercultural Relations*, issue 10, 1986 - pp. 117 - 133.
3. Brislin R. W. and Yoshida T. Intercultural Communication Training. - Sage Publications, 1994.
4. Вережанин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. - Москва, 1990.
5. Gaston J. Cultural Awareness Teaching Techniques. - Pro Lingua Associates Publications, 1992.
6. Gudykunst W. B. Intercultural Communication Theory: current perspectives. - Sage Publications, 1983.
7. Gudykunst W. B. Bridging Differences: Effective Intergroup Communication. - Sage Publications, 1991.
8. Gudykunst W. B. Toward a Theory of Effective Interpersonal and Intergroup Communication. - Sage Publications, 1993.
9. Habermas J. Towards a Theory of Communicative Competence // *Inquiry*, issue 13, 1970 - pp. 360 - 375.
10. Hirsch Jr. E. D. Cultural Literacy. - Random House, 1988.
11. Kim Y. Communication and Cross-cultural Adaptation: an integrative theory. - *Multilingual Matters*, 1988.
12. Keefe T. Empathy. The Critical Skill. // *Social Journal*, issue 21, 1976 - pp. 10 - 14.
13. Koester J. et al Multiple Perspective of Intercultural Communication Competence // *International and Intercultural Communication. Annual. Volume XVII*, 1993 - pp. 3 - 16.
14. Levine D. R. et al Beyond Language: Cross-cultural Communication. - Prentice Hall Regents., 1993.
15. Lewis T. J. et al On Being Foreign: culture shock in short fiction. An International Anthology. - Intercultural Press, 1986.
16. Pedersen P. and Ivey A. Culture-centered Counseling and Interviewing Skills. - Praeger Publishers, 1993.
17. Seelye H. Teaching Culture. Strategies for Intercultural Communication. - National Textbook Co., 1993.
18. Segall M. H. et al Human Behavior in Global Perspective: an introduction to cross-cultural psychology. - Pergamon Press, 1990.
19. Trompenaars F. Riding the waves of Culture. - Nickolas Brealey Publishing House., 1993.

ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В древних индоевропейских языках существовало множество различных по значению, звучанию и способам употребления частиц. Похожие на основы без окончаний или представляющие собой отдельные сонанты, эти неизменяемые слова иногда связывают между собою смежные в предложении элементы, как, например, скр. *vā* "или", лат. *ue*; часто они усиливают значение соседнего слова, добавляя к нему оттенок чувства или утонченного смысла; некоторые из них примыкают к основам указательных, неопределенных и других местоимений (лат. *quis-que* "каждый", арм. *o-kh* "кто-нибудь" и т.д.). Однако, несмотря на все эти различия, частицы в индоевропейском имели большое значение, ибо не было иного индоевропейского способа передачи значений "и", "или", "как", отрицания и т.д., кроме соответствующих частиц, в санскрите, например, представленных в виде *ca*, *vā*, *na*, *mā*, в латинском языке, как *au-t*, *que*, *ni* и в германских языках следующим образом: гот. *u*, *au-k*, *-h* в слове *nih*, *hun*, др.-исл. - *ge*, др.-шведск. - *ghin*, хет. *le* и т.д.

Настоящая статья посвящена запретительным частицам в индоевропейских языках, поэтому начнем анализ с отрицательной частицы "не", "на", которую использовали практически все древние и.-е. языки в изъяснительном наклонении: скр. *na*; хет. *na* (*tta*); др.-перс. *naiy*; др.-слав. *NE*; лат. *ne*, гот. *ni*; лит. *nei*, *na*; авест. *noit*, *na* и т.д.

Индоевропейская отрицательная частица **ne* первоначально была автономной и могла употребляться при любом знаменательном слове. В дальнейшем она ослабевала и либо присоединялась к другим словам для своего усиления (напр., славянский, балтийские языки), либо присоединяла к себе слова со значением малого количества чего-либо (латинский язык, санскрит). Помимо отрицательной частицы **ne* в древних индоевропейских языках имела место отрицательная частица **me*: скр. *mā*, ав. *mā*, гр. *μη*, арм. *mi*, вед. *mā*, тох. *mā*, по сути являющаяся фонетическим вариантом **ne*.

вед. *pūruṇavo mā mṛtha mā gra pṛto* (ты не должен ни умереть, ни исчезнуть).

Теперь перейдем к анализу других частиц, представляющих для нас большой интерес. Одной из них является ведийская частица *saṇa*, часто встречающаяся в отрицательных оборотах. Эта частица нашла отражение во многих языках индоевропейской семьи, где она имеет приблизительно одинаковое значение: усилительное (авест. *sa*, хеттск. *ki*, арм. *kh*, лат. *que*, гот. *h*, слав. *же*, греч. *τι* и т.д.).

Как единое целое, т.е. *cana*” эти частицы среди индоевропейских языков употреблялись в ведийском и готском языках.

вед. *mahé cana tvam adrivah pàra sũlkaya deyam* (даже за большую награду я бы тебя, о мученик, не отдал).

Постепенно эта частица из чисто усилительной превращается в частицу преимущественно употребляемую только в связи с отрицанием в предложении.

В германских языках, в частности в готском языке, встречается подобная частица, превратившаяся по сути в суффикс, но употребляющаяся с тем же усилительным значением и только в отрицательных предложениях (гот. *-hun*; др.-исл. *-ge*; др.-шведск. *-ghin*; др.-англ. *-gen*).

гот. *ni hvashun ist saei afailoti gard* (нет никого, кто оставил бы дом).

Суффикс *“hun”* является общеиндоевропейским обобщающим, усилительным, а в дальнейшем - отрицательным суффиксом. Он был использован северными языками настолько полно, что эти языки практически полностью отказались от общеиндоевропейского способа образования отрицательных местоимений и наречий по типу “отрицательная частица *“ne”* + неопределенное местоимение/наречие”.

Обратим внимание еще на одну, в данном случае исключительно запретительную частицу *“le”*, которую использовал хеттский язык:

1) с императивом

nutta LUSUGI le memiškandy (пусть тебе старшие не говорят);

2) с потенциалисом

Lemanse LUGAL-US kiššan tezzi (если бы о ней царь так не сказал).

Частица *“le”* обычно ставилась перед глагольной формой, либо при сложных глаголах - после приставки.

Будучи первым в истории индоевропейским языком с письменной фиксацией, хеттский отражает многие архаичные черты. Письменные памятники на этом языке датируются приблизительно IX - VIII вв. до н. э.

Итак, использование запретительной частицы *“le”* и только в одном и притом самом древнем индоевропейском языке - довольно загадочно, и более того, не объяснимо с точки зрения индоевропейских языков.

Предлагаем объяснить природу и специфичность употребления этой частицы в хеттском языке, исходя из постулата ностратической теории о родстве пяти крупных семей Старого Света. По мнению Иллича-Свитыча, отрицательные и запретительные частицы существовали в ностратическом языке и имеют отражение в большинстве ностратических языков. Сравните: ностратическая отрицательная и запретительная частица **ma*: в алтайских языках это *“mä-/bä”*, в дравидийских языках - *“mā”*, в индоевропейских - *“me”*, в картвельских языках - *“ma/mo”*, в семито-хамитских - *“mlj”*.

В уральских языках можно предполагать раннее вытеснение соответствующей основы, поскольку здесь функцию запретительной частицы ус-

воило ностратическое **alä*, являвшееся первоначально частицей категорического отрицания (Иллич-Свитыч 1971).

Очевидно, что хеттская запретительная частица "*le*" отражает индоевропейский архаизм запретительной частицы, вытесненный в других индоевропейских языках частицей "*me*".

Главной особенностью уральских языков является выражение глагольного отрицания при помощи вспомогательного глагола. В системе императива и оптатива выделяется - I - основа (*ala* - форма 2 л. ед. ч.), происхождение которой неясно.

фин. *Alä nyt sellaista vauhtia* (не иди так быстро);

Alkäänime pelatko (давайте не будем бояться).

Поэтической и архаической является форма отрицательного глагола 2 л. ед. ч. в оптативе - *ällös*, однако она практически не употребляется в современном финском языке.

Мы полагаем, что хеттской запретительной частице "*le*" соответствует уральская форма отрицательного глагола, и наличие "*I*" в форме императива мы объясняем следующим образом.

Известно, что в уральском праязыке существовал глагол *val* < ностр. *ṽLo* (ср. др.-англ. *vīlan*, рус. воля, фин. *olla*), который имел два значения: "быть" и "желать".

Значение "быть" он не утратил и существует в современных языках данной семьи: фин. *olla*; мар. *ula*; лив. *vole*; коми - ло. Что касается значения "желать", то вероятно в этом значении глагол служил для образования желательного наклонения, следы которого ("*lä*" и "*I*") мы и наблюдаем во формах отрицательного глагола в императиве в финском языке.

В рамках нашей гипотезы мы можем утверждать, что специфические отрицательные формы императива и оптатива в древних индоевропейских языках ("*le*", "*me*") являются реликтами общего ностратического прошлого, а одинаковое употребление частицы "*le*" в общих группах исключает случайное совпадение и подтверждает ностратическую принадлежность этих двух семей, и тем самым позволяет нам ответить на некоторые неясные вопросы в области истории германских языков, выходя за рамки индоевропейской языковой семьи.

А.П. Мартынюк, Е.В. Пишикова (Харьков)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОЛОВ

В течение нескольких последних десятилетий в области социальной психологии и социолингвистики проводились исследования коммуникативного взаимодействия мужчин и женщин, в результате которых были

выделены особенности коммуникативных стратегий, присущих преимущественно мужчинам или женщинам. На данный момент сложились две концепции, объясняющие подобные различия: первая, концепция социальных различий и вторая, социолингвистических субкультур.

Первая подразумевает доминирование мужчин в обществе неизбежно проявляющееся при общении. Такие исследователи, как Zimmerman, West, Pamela Fishman, Robin Lakoff полагают, что сложившиеся нормы поведения мужчин и женщин предполагают власть и контроль мужчины и пассивность женщины. Для женщины быть социально приемлемой значит не проявлять инициативу, а поддерживать мужчину (Maltz, Borker 1982:199). В этой концепции слабым местом представляется игнорирование того факта, что подобные процессы могут происходить в коммуникативных ситуациях, не содержащих намерения доминировать в каждом отдельном случае (Tannen 1994:10).

Альтернативное объяснение различий в речевом поведении мужчин и женщин связывают с культурными различиями между ними (Maltz, Borker 1982:198). Будучи выходцами из различных социальных субкультур, мужчины и женщины прибегают к различным коммуникативным стратегиям, следовательно, между ними неизбежно возникает культурно-коммуникативный конфликт. Это хорошо видно на примере стран Востока, где мужчины и женщины проводят большую часть жизни отдельно. Подобное сравнение правомерно по отношению к европейскому и американскому обществу т.к. гендерные субкультуры формируются в возрасте 5-15 лет, то есть именно тогда, когда мальчики и девочки общаются преимущественно гендерно однородными группами. Мальчики и девочки по-разному используют языковые средства, потому что они общаются в разных контекстах. Это проявляется в том, как они организовывают свои игры (Maltz, Borker 1982:204-208). Любопытным представляется то, что девочки могут играть в мальчишеские игры, но никогда наоборот.

В своей культурной среде девочки учатся трем вещам в использовании языковых средств:

- 1) создавать и поддерживать атмосферу близости и равенства;
- 2) подвергать критике только в мягкой, приемлемой форме;
- 3) аккуратно трактовать речь других и корректно относиться к позиции собеседника. Все это формирует стереотип отзывчивой подруги.

В мире мальчиков речевые средства используются для того, чтобы:

- 1) утвердить собственное превосходство;
- 2) привлечь и удержать внимание аудитории;
- 3) настаивать на своем и спорить с собеседником.

Эти различия зачастую порождают культурно-коммуникативный конфликт, когда:

1. мужчины и женщины по-разному интерпретируют минимальные положительные реакции (высказывания типа "Да", "Ага")- для женщин они

означають: "я слухаю", а для мужчин они имеют более сильное значение: "я согласен".

2. в начале высказывания женщины, как правило, ссылаются на предыдущих ораторов, у мужчин такой закономерности не наблюдается, более того они часто игнорируют комментарии собеседника.

3. открытую агрессивность женщины воспринимают как лично направленную, а мужчины - как обычный прием для поддержания разговора.

Нашей задачей было проанализировать особенности гендерных субкультур в период завершения их формирования (14-16 лет), в условиях игровой дискуссии, а также определить возможные причины коммуникативного конфликта. Исходным материалом для исследования послужили аудио записи дебатных турниров среди украинских школьников. Обучающая игра "Дебаты" возникла в Америке и сейчас пользуется большой популярностью во всем мире, т.к. ее целью является воспитание культуры ведения диспута. Она включает в себя такие аспекты, как структурированное, логически обоснованное представление своей точки зрения, а также корректное проведение перекрестного опроса, направленные на убеждение 3й стороны, занимающей нейтральную позицию. Общая продолжительность записи 90 минут, в игре принимали участие 6 девочек и 4 мальчика. Все встречи между командами проводились по одной теме. В ходе игры зарегистрировано два типа речевого взаимодействия: дискурс (5-ти минутная речь) и перекрестный опрос. Сравнительный анализ проводится на интонационном и прагматическом уровне при равном количестве предикаций: 50.

1. Сравнительный анализ речевого поведения на интонационном уровне

тип тона	девочки	мальчики
Низкий нисходящий тон	32%	84%
Низкий восходящий тон	9%	12%
Средний нисходящий тон	49%	4%
Высокий нисходящий тон	3,5%	-
Нисходяще-восходящий тон	6,5%	-
Общее количество тонов	100%	80%

2. Сравнительный анализ построения дискурса

параметр	мальчики	девочки
Ссылки на речь оппонента	66%	100%
Апеллирование к аудитории	10%	100%
Риторические вопросы	0%	2%
Вводные конструкции	50%	100%

3. Сравнительный анализ проведения перекрестного опроса

параметр	мальчики	девочки
Перебивы	100%	61%
Ответы да\нет	14%	100%
Изложение своей точки зрения в вопросе	100%	61%
Комментарий к высказыванию оппонента	100%	28%

4. Соотношение количества новых тем, затронутых при перекрестном опросе

состав участников	количество тем за 5 минут
Девочка спрашивает девочку	8
Девочка спрашивает мальчика	6
Мальчик спрашивает девочку	5
Мальчик спрашивает мальчика	5
Общее количество тем	у девочек на 60% больше

В отличие от анализа дружеского разговора, приведенные данные отражают ситуацию, в которой языковые средства используются для достижения конкретной цели, а значит коммуникативное взаимодействие является не целью, а средством. Как мы видим из приведенных выше результатов, девочки интонационно более эмоциональны, используют тоны, передающие личную заинтересованность, а также апеллирование к слушателям, (средний и высокий нисходящий тоны, а также нисходяще-восходящий тон). Мальчики интонационно более категоричны (низкий нисходящий тон). Они подчеркивают свою правоту при помощи частых пауз и повелительных интонаций даже в вопросе.

Во время дискурса девочки шире используют такие приемы, как ссылки на речь оппонента, апеллирование к аудитории, риторические вопросы, у них сильнее чувствуется контакт с аудиторией. Благодаря более широкому использованию вводных конструкций речь девочек производит более связанное впечатление, переходы от темы к теме более сглаженные. Эти результаты совпадают с результатами, полученными Lynette Hirschman для дружеского разговора.

При перекрестном опросе состав участников в значительной степени определяет его развитие и результат, но совсем не влияет на выбор коммуникативных стратегий участников, что объясняется условиями протекания опроса.

Мальчики больше перебивают репликами типа "спасибо", "понятно".

-Являются ли эти понятия антонимами?

-Да. во многих ситуациях являются, но...

-Да, спасибо. Тогда думаете ли вы, что...

Задавая вопросы, мальчики зачастую излагают свою точку зрения, в то время как в ситуации дружеского общения для мальчиков вопрос представляет собой запрос информации (Maltz, Borker 1982:211). Девочки это делают гораздо реже и выражают свою позицию скорее косвенно.

"Разве вы не согласны, что..?" "Вы ведь согласитесь, что..."

Когда девочки задают вопросы, они стремятся формулировать их по возможности коротко и сухо, или же еще раз повторить основную идею в конце.

"Согласны ли вы, что наличие чего-нибудь противопоставляется его отсутствию? Наличие - отсутствию?"

"Как плохое правительство поддерживает социально незащищенные слои населения? Плохое правительство?"

Если есть необходимость, девочка объясняет вопрос или приводит пример. Если нет желаемого ответа, девочка формулирует вопрос по-другому, а мальчик повторяет его.

Мальчики часто комментируют высказывания оппонента, в их комментариях проявляется агрессия, в то время как девочкам это почти не присуще. Здесь любопытно отметить, что реакция на подобные комментарии у мальчиков и девочек различны. Мальчика они могут втянуть в спор, девочка же скорее оставит их без внимания или примет на свой счет.

Девочки значительно чаще прибегают к односложным ответам и пускаются в объяснения только, если их просят. Если спрашивающий делает неверные выводы, отвечают, что это не так, но не дают никаких уточнений.

Мальчики же, напротив, говорят долго, подробно излагая свою точку зрения. Показательным является полученный нами результат: на общие вопросы (требующие ответа Да/Нет) мальчики реагируют односложно в 7 раз реже, чем девочки. Вследствие этого девочка успевает затронуть большее количество вопросов во время перекрестного опроса. Поэтому перекрестный опрос между двумя мальчиками зачастую превращается в жаркий спор, а между девочками напоминает известную детскую игру "Да и нет не говорить" наоборот и проходит очень динамично. Спрашивающая девочка стремится охватить больший диапазон проблем. Так что стереотип о женской болтливости оказался не таким уж прочным. В этом проявляется известная доля женской практичности.

В условиях игры как мальчики, так и девочки прибегают к агрессии, но выражается она по-разному. Мальчики очень часто перебивают и позволяют себе выражать несогласие с точкой зрения оппонента, девочки больше иронизируют. Поэтому агрессивность у девочек носит более завуалированный характер, они подают критику в форме позитивных высказываний.

Девочки значительно шире используют интонационные средства и склонны использовать риторические вопросы, в то время как мальчики даже вопросы задают с утвердительной интонацией. В общем, у девочек значительно сильнее чувствуется контакт с собеседником.

Как мы видим, мальчики и девочки пользуются различными коммуникативными средствами, что приводит к коммуникативному конфликту в ситуации когда перекрестный опрос проводится между мальчиком и девочкой.

Во-первых, когда мальчик ожидает развернутого ответа, а не просто "Да/Нет", и когда девочка ожидает краткого ответа, оба сталкиваются с диаметрально противоположным подходом оппонента.

Во-вторых, открытая агрессия со стороны мальчика воспринимается девочкой на личный счет и трактуется как оскорбление.

В-третьих, когда мальчик излагает свою позицию под видом вопроса и ожидает комментария со стороны девочки, девочка зачастую не видит в этом констатации вопроса.

Таким образом, результаты, полученные в ситуации, когда коммуникативное воздействие является не целью, а средством для утверждения своей позиции перед третьей стороной, позволяют утверждать, что мальчик и девочка используют различные коммуникативные стратегии, а именно - оратора и стратега соответственно.

Подобное различие объясняется существованием социолингвистических субкультур, при этом их взаимодействие может вызывать культурно-коммуникативный конфликт. Анализ причин возникновения которого может способствовать его разрешению.

Литература.

1. Tannen 1994: Tannen D. *Gender and discourse*. - New York Oxford: Oxford University Press, 1994. 2. Maltz, Borker 1982: Daniel N. Maltz and Ruth A. Borker. *A cultural approach to male - female miscommunication// Language and social identity*, ed. by John J. Gumperz - Cambridge London New York: Cambridge University Press, 1982:196-216.

Н.И. Маслова, Э.Г. Паповяни (Харьков)

О некоторых прагма-синтаксических особенностях диалекта афро-американцев

Антропоцентрический подход к языку, получивший распространение в последнее время, делает необходимым учет динамики языков в многомерном социокультурном пространстве, поскольку постоянные изменения системы языка вызваны не только собственно лингвистическими, но и географическими, культурологическими факторами.

Языковая ситуация США, специфика которой заключается в "социально-этнической неоднородности речевых коллективов страны", представляет собой, как отмечают исследователи, благоприятный материал для изучения и описания вариантных подсистем языка [Швейцер, Ни-

кольский 1978; Белл 1980; Швейцер 1983]. Одной из таких "вариантных подсистем" АЕ является Black English, до сих пор не получивший достаточного освещения в лингвистике.

На сегодняшний день, по подсчетам американских ученых приблизительно количество человек, говорящих на английском языке, составляет более 700 млн. человек. Данное количество можно разделить на три примерно одинаковые группы: 1) носители, для которых английский является родным; 2) носители, для которых английский является вторым языком (интранациональным), 3) носители, для которых английский является иностранным (интернациональным) языком [Penncuscook 1994: 7-8].

Отечественные и зарубежные лингвисты единодушны в том, что современный английский язык имеет два национальных варианта - британский английский и американский английский, каждый из которых представляет собой целостную стандартную систему лексических и грамматических норм [Bell 1980; Швейцер 1985; Trudgill 1992]. В свою очередь, данные варианты современного английского языка включают в себя диалекты - территориальные, этнические, социальные [Penncuscook 1994: 28-30; Cheshire 1991: 147-151].

Итак, поскольку американское общество является многонациональным, языковая ситуация в США складывается, с одной стороны, из отношений между английским языком и другими языками (например, иммигрантскими) - т.е. из экзогlossных отношений; с другой стороны, из отношений между литературным английским языком и другими формами существования этого языка - из эндогlossных отношений [Швейцер 1985: 41-43]. Если Standard American English (SAE) полифункционален, т.е. в максимальном объеме выполняет все социальные функции национального языка (это и государственный язык, и язык культуры, средств массовой информации, делового общения), то субстандартные разновидности американского варианта (non-standard varieties) территориальные, социальные, социально-этнические диалекты - являются монофункциональными языковыми образованиями, т.е. они удовлетворяют потребности сферы повседневно-бытового общения, сферы узкопрофессионального общения" [Швейцер 1985: 42-44]. Афро-американский диалект также относится к вышеперечисленным субстандартным монофункциональным образованиям.

Среди теорий развития афро-американского диалекта АЕ специально внимания заслуживает теория креольского происхождения Black English [Швейцер 1983]. Сторонники теории креольского происхождения Black English пытаются связать появление специфических черт современного Black English с наличием в нем креольского субстрата. В качестве доказательства приводятся такие особенности употребления Black English, как опущение связки перед прилагательным и существительным (she busy); использование "be" в качестве личной формы глагола (she be busy); пер-

фектная форма с *done* (he *done gone*); отсутствие флексии 3-го лица (he *go there*; he *don't know*); гиперкорректные флексивные формы (*I goes*; *you loves*); широкое использование *ain't* (he *ain't going*); множественное отрицание (he *didn't have nothing to give me*); редукция согласных (*las'* вместо *last*, *fis'* вместо *fist*) и др.

Социально-коммуникативная система *Black English*, которая первоначально возникла на пересечении трех измерений - социального, этнического и территориального, вследствие массовой миграции американского населения с юга на север и запад утрачивает свои территориальные признаки и превращается в "языковое образование с социально-этническими коррелятами в структуре американского общества" [Швейцер 1983: 152-154].

Лингвистический облик афро-американского диалекта АЕ обусловлен социальным статусом и социолингвистической компетенцией его носителей.

Установлено, что социальный диалект *Black English* обладает рядом собственно лингвистических особенностей на различных уровнях языковой системы: фонологическом, лексико-фразеологическом, морфологосинтаксическом.

Помимо семантики и лексики, интерес представляют некоторые синтаксические явления и процессы в афро-американском диалекте, которые отражаются в разговорной диалогической речи. Именно в диалогической речи, имеющей двусторонний характер и предусматривающей как минимум два собеседника, реализуется естественная потребность людей в речевом общении [Орлов 1993: 122; Петрова 1989: 49-53].

На основе количественного анализа корпуса лингвистических объектов мы пришли к выводу о том, что двучленные диалогические единства (ДЕ) встречаются в *Black English* намного чаще, чем трехчленные ДЕ (61% и 30% соответственно).

Как известно, в соответствии со структурно-коммуникативным составом, обусловленным целевой установкой, выделяют два функционально-семантических типа диалога:

- 1) вопросно-ответные ДЕ;
- 2) невопросно-ответные ДЕ [Трофимова 1981: 9-11]

I тип имеет более высокую частотность в *Black English*. В результате анализа выделено 4 типа вопросительных предложений, дифференцируемых по характеру заключенного в них вопроса: общие, специальные, альтернативные, разделительные. Два последних типа вопросов встречаются в *Black English* значительно реже, чем общие и специальные.

В диалогических парах вопросительных ДЕ семантическое согласование, устанавливаемое между ответными репликами *Yes/No* и порождающими их общими вопросами, характеризуется столь прочными смысловыми связями, что их не могут разорвать даже различные реплики подхватывающие, переспросы:

- Ain't you got't?
- what ?
- Money you earn.
- Yessuh. " [A.Haley, "Roots", p.328]

Одной же из характерных особенностей того же типа ДЕ является синтаксическая взаимообусловленность стимулирующей и ответной реплики, облегчающая прогнозирование последней:

- How ol' you was? - Who 'toubob'?
- Sebenteen
- White folks. [A.Haley, "Roots", p.127]

Теперь рассмотрим примеры невопросно-ответных ДЕ. По сравнению с вопросно-ответными парами диалогические единства, в которых в качестве реплики-зачина выступают повествовательные (декларативные предложения), выражающие "бесконечно варьирующееся содержание сообщения"; характеризуются весьма низкой предсказуемостью порождения ответных реплик.

Из самых типичных реакций на информацию, заключенную в реплике-стимуле, является согласие-несогласие [Петрова 1989: 49-53]

- You ever tells what I'm gonns tell you, I'll catch you upside oll head!
- I ain't Kunta declared

Менее характерны ДЕ типа а) "сообщение-сообщение" и б) "сообщение-вопрос"

- а) B'lieves de mens pays Massa Asken Fo'teen cents a shoe.
- Sho' ain't no money in it fightin' chickens! [A.Haley, "Queen", p.107]
- б) We b'longs to clem, jes' like dese hosses pullin' us
- Like I b'longs to you an' mannay?
- You'se our young 'un. Dat dif'rent." [A.Haley, "Queen", p.159]

Как утверждают американские лингвисты, разнообразие прагматических аспектов при изучении межкультурного общения является результатом региональных, этнических и социополитических различий коммуникантов. Так, выделяется ряд прагматических факторов, характеризующих ситуацию интеркоммуникации:

- когда говорить;	- интонация, просодия речи;
- что говорить;	- формулировка;
- темп речи, паузы;	- прагматическая направленность высказывания;
- способы привлечения и фиксирования внимания;	- последовательность и связность высказывания.

Сбои в интеркоммуникации происходят по ряду причин:

- а) перенос прагматических норм родного языка на чужую культуру;
- б) отождествление и/или перенос принципиального набора речевых свойств из одной коммуникативной ситуации в ситуацию интеркоммуникации [De Kadt 1993: 114-116].

В результате анализа прагматических особенностей речевых актов, использующихся для выражения вежливости носителями Black English, можно говорить о том, что в отношениях "Black-White", "White-Black" преобладает вопросно-ответный диалог. Что касается социально-этической стороны речи, статус представителя белого населения выше (это связано с исторически сложившимся социально-экономическим превосходством белого населения и общепринятыми подходами к оценке социальной дифференциации общества).

В речевых актах, используемых для выражения просьбы, американские лингвисты выделяют 9 возможных речевых отражений, данных по мере уменьшения степени эксплицитности. Методика CCSARP (the Cross-Cultural Speech Act Realization Patterns) описана в работе Elizabeth de Kadt "Politeness Phenomena" in South African Black English"

1. mood derivable	"Open the door"
2. performatives	"I'm asking you to open the door"
3. hedged performatives	"I would like to ask you to ..."
4. obligation statements	"You'll have to ..."
5. want statements	"I want you to ..."
6. suggestory formulae	"How about ... ?"
7. query preparatory	"Can you (Could/Would you mind...)"
8. strong hints	"Why is the door closed?"
9. mild hints	"It's very hot in here".

Данные 9 речевых стратегий разделены лингвистом на 3 уровня степени эксплицитности:

- I. прямой эксплицитный уровень (1-5).
- II. конвенционально косвенный уровень (6-7).
- III. неконвенционально косвенный уровень (8-9).

При анализе рассматривались коммуникативные ситуации "White-Black" и "Black-White". В коммуникативной ситуации "White-Black", в которой говорящий имеет более высокий социальный статус, речевой акт имеет высокую степень эксплицитности. Наиболее многочисленны речевые акты с речевой стратегией mood derivables - 60% речевых актов, речевая стратегия "want statements" - 12%, "suggestory formulae" 9%. Данные речевые стратегии являются составляющими прямого эксплицитного уровня выражения просьбы.

Напротив, в коммуникативной ситуации с отношением "Black-White" наиболее многочисленными являются речевые акты с речевой стратегией "mild hints" (косвенных намеков) - 30%, "query preparatory" - 27%, которые относятся к конвенционально косвенному и неконвенционально косвенному уровням выражения просьбы.

Анализ прагматических особенностей дискурса афро-американцев также свидетельствует в пользу утверждения о том, что Black English является социально обусловленной языковой разновидностью в системе полинационального языка.

Собственно лингвистическая специфика афро-американского диалекта АЕ заключается в:

- специфических лексико-семантических особенностях словарного состава;
- в специфических количественных и качественных морфологических девиациях в группе глагола, существительного, местоимения и синтаксических особенностях;
- особенностях прагматики дискурса афро-американцев, обусловленных социально-этническими факторами.

Литература.

1. Орлов Г.А. Новейшие исследования английской литературно-разговорной речи. ВЯ, N5, 1993.
2. Петрова Ю.Р. Прагматическая характеристика диалога с перебивками в английском языке. Вестник ЛГУ, серия 2, история языкознания, 1989, вып 3, с.49-53.
3. Трофимова Э.А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. Р. на Дону, 1981.
4. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
5. Швейцер А.Д. Система форм существования английского языка в США. Функциональная стратификация языка. М., 1985, с.41-45.
6. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М., 1978.
7. Bell R. Sociolinguistics: aims, methods, problems. Moscow, 1980. 184p.
8. Cheshire J. English around the world. Sociolinguistic perspectives. Cambridge University Press, 1991, 286p.
9. De Kadt E. Politeness phenomena in South African Black English Pragmatics & language learning. Monograph series, vol 3, 1992. University of Illinois at Urbana Champaign pp.103-116.
10. Pennycook A. The cultural politics of English as an international language, New York: Longman, 1992.
11. Trudgill P. Introducing language & Society. -Penguin English Linguistics 1992, 157p.
12. A.Haley "Roots" Dell Publishing, New York, 1977, 729p.
13. A.Haley, D.Stevens "Queen", Avon Books, New York, 1994, 789p.

Е.Н. Мелведь (Сумы)

ПАРАДИГМАТИКА КВАНТИТАТИВНЫХ АСПЕКТОВ

Исследование языковых средств выражения количества является весьма актуальным для исследования вопросов системности языка, его представленности в парадигматических группах. Квантитативные единицы составляют определенный интерес для идентификации логической и лингвистической категории количества. Системный анализ словарных статей помогает представить содержательные типы языкового поля количества (ЯПК), распознать его иерархическую структуру, эксплицировать признаки-координаты. Корреляция языковых единиц с полем количества объективируется посредством компонентного анализа, выделения опорных и сопутствующих сем, семантических признаков структуры языковых единиц (Гак 1979: 95).

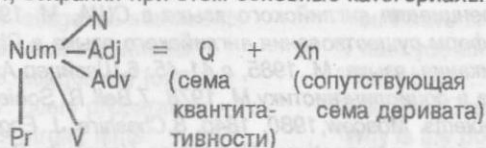
Под компонентным анализом подразумевается процесс выявления общей, инвариантной семы количества, ее вариантных, частных сем, для которых первая является фоном.

Дизьюнктивные оппозиции разнородных лексических единиц базируются в словаре на общем интегральном признаке - способности реализовать квантитативную функцию, служить лексическим средством обозначения результатов познания количественных отношений объективного мира. Сфере словаря принадлежат лексические средства квантитативности, в семантике которых вычленяются числовые (*five, pair*) и димензиональные (*inch, round*) компоненты. Как показывает анализ, слова количественной наполняемости выражают сему количества по-разному.

Числительные реализуют только сему числа, они не отягощены другими семами.

Ср.: *two (apples), four (men)*.

Денумеративы реализуют значения количества сопутствующими семами, сохраняя при этом основные категориальные семы дериватов.

Ср.: *thousands, millions; tripartite; twice, hundredfold; to treble, to ten; oneself*.

Существительные предметно-счетной и совокупно-счетной семантики выполняют функцию числовых показателей и составляют группу нумеральных (счетных) слов. Эти слова реализуют семы предметности и квантитативности.

$$\text{Nc (counted)} = \text{N} + \text{Q (c)} \cdot \\
 \text{(предметность) + (квантитативность - нумеральность)}$$

Ср.: *score, brace, a set, a collection*.

Особую группу составляют слова меры и веса, так называемые мезуративы или димензиональные слова. Они употребляются для обозначения параметров не дискретных предметов - их протяженности, объема и веса.

$$\text{Nm (measured)} = \text{N} + \text{Q (m)} \cdot \\
 \text{(предметность) + (квантитативность - димензиональность)}$$

Ср.: *acre, foot, pound*.

Квантитативные единицы соотносятся с языковой картиной мира (ЯКМ), ее количественной данностью, ее нумеральными и димензиональными признаками. Семантическое поле количества основывается на принципах строгого включения, субординации, партитивности, оппозиций, открытости, иерархичности, объемности, взаимозависимости, общности инва-

риантного признака, сегментации по дифференциальным признакам (Швачко 1990:43).

Среди лексических средств выражения количества особо выделяются часте-речные единицы.

Местоимения, например, реализуют значение единичности (*i, he, she*), взаимности (*each-other, one-another*), тотальности (*all*), партитивности (*any, some*), суммарности (*we, both*) и т.п. Выбор квантификатора обусловлен языковой системой, ее имманентностью. Некоторым из английских местоимений присуще явление количественной энантисемии, реализации одним и тем же словом различных количественных признаков.

Ср.: *one, the other (not both)*

either

both

Сему кратности, повторяемости реализует ряд простых и усложненных адвербиальных единиц типа *once, twice, manyfold*, выражающих количественные признаки в точных и приближенных оценках.

Точное и неопределенное количество выражается дименциональными и нумеральными прилагательными.

Ср.: *small::big; unilateral::multilateral; far::near; high::low.*

Количественные глаголы характеризуются семантической компрессией, особым синкретизмом. Эти слова одновременно выражают процессуальность и квантитативность. Они образуют парадигматический ряд дименциональной (а) и нумеральной (b) наполняемости.

Ср.: а) *to increase::to decrease; to narrow::to widen (V + Q indefinite);*

в) *to pair, to double (V + Q definite).*

Существительные выражают значение количества многоаспектно и гетерогенно. Они соотносятся с нумеративами и мезуративами, образуя оппозиции типа: единичность и множественность (*solitude:: multitude*); большое и малое количество (*bit::lot*); тотальность и партитивность (*number:: part*).

На лексическом уровне ЯПК особо выделяются числительные, к которым семантически тяготеют слова меры и веса, нумеральные слова, денумеративы. Эти слова реализуют значение количества сопутствующими семами, которые распознаются при анализе аллонимов в словарных статьях.

Ср.: *drove - a large number of animals moving or being driven together; a crowd of people*

number - a quality, amount, the total or collection of persons, things, etc

many - a large number (of)

amount - 1) the whole, the total. 2) quantity

collection - a number of things brought together for study, etc

total - whole, entire

quantity - amount, the property of things that can be measured in some way (size, weight, number).

Обращение к аллонимам способствует определению как общей инвариантной, так и частных сем количества. Основой для соотношения единиц с понятием количества служит категориально-интегральная коррелят-сема квантитативности.

Стратификация на субсистемы (субполя) обусловливается понятийной референцией. Глубинность комплекса (поля) определяется многоэтажностью, иерархичностью его элементов, реализующих на вертикальном срезе гиподинамические отношения. Между конституентами смежных ярусов проявляются привативные, родо-видовые отношения. Инвариантной (родовой) является сема общего количества, а вариантными (видовыми) выступают семы числа и величины. Родо-видовые оппозиции характеризуются отношениями ступенчатой инклюзивности.

1	Quantity	
2	Number	Measure
3	Unit, amount, sum capacity	Weight, length, depth, area

Словарь фиксирует набор, парадигму квантитативных единиц безотносительно к их реализации в условиях речи. Природа же языковых единиц (в том числе и количественной наполняемости) распознается наиболее полно посредством функционального анализа слов на синтагматическом уровне. Исследование на синтагматическом уровне в перспективе дает возможность изучить онтологию квантитативных единиц, их неогенные процессы, семантическую наполняемость, десемантизацию, условия выражения точного, приблизительного и неопределенного количества, а также особенности реализации значения количества в статических и динамических зонах коммуникативных единиц.

Литература.

1. Акуленко 1984: Акуленко Л.Г. О структуре поля количества в современном языке// Вестник ХГУ. - 1982. - №231. - С.3-8.
2. Акуленко 1990: Акуленко В.В., Швачко С.А., Букреева Е.И. и др. Категория количества в современных европейских языках, - Киев: Наукова думка, 1990.
3. Гак 1979: Гак В.Г. Бородина М.А. К типологии и методике историко-семантических исследований. - Л.: Наука, 1979.
4. Жаботинская 1992: Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных. - М., 1992.
5. Швачко 1981: Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. - Киев: Вища школа, 1981.
6. Hornby 1952: Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. - London: Oxford University Press, 1952

СОКРАЩЕНИЯ-КАПИТАЛИЗАЦИИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Практически во всех научных работах, посвященных анализу специфических особенностей различных типов текстов военной тематики отмечается большое число различных сокращений, а В.В. Борисов этому вопросу посвятил специальное исследование (Борисов 1972).

В настоящей статье мы остановимся на некоторых вопросах военных аббревиатур, которые в научной литературе пока не получили достаточно широкого отражения.

С точки зрения графического оформления можно выделить сокращения, которые пишутся со строчной буквы, например, *bn* (*battalion*) и сокращения, которые представлены прописными буквами (*AA* – *antiaircraft*). Последние в связи с этой графической особенностью целесообразно называть капитализированными или сокращениями-капитализациями (от английского “capital letters” – заглавные буквы).

Прежде чем подробнее остановиться на сокращениях-капитализациях (КС), оговорим еще несколько исходных понятий и терминов.

Под аббревиатурой будем понимать любое сокращение, в котором сохраняются только первые или инициальные буквы, представленные прописной буквой (*L* – *light*, *GAM* – *guided aircraft missile*).

Подробное пояснение необходимо, так как существуют большие расхождения в терминологии, используемой при анализе различных типов и видов сокращений.

Проведенное нами исследование показало, что подавляющее число всех сокращений-капитализаций составляют чистые акронимы. На их долю приходится 84,6% всех подобных сокращений. Приведем несколько примеров:

CTA – *chemical target analysis*;

CTF – *combined task force*;

MSR – *main supply route*;

Pasols – *the Pacific Armies Senior Officer Logistics*;

RACO – *rear area combat operations*;

RSR – *required supply rate*;

SEMA – *specialized electronic mission aircraft*;

TOC – *tactical operations center*;

TSS – *target selection standards*.

Акронимические сокращения, в свою очередь, можно подразделить на акронимы с сохранением элементов служебных слов, прежде всего предлогов и союзов, и акронимические сокращения, в которых служебные слова опускаются. Так, к числу первых относится *POA&M* – *Plan of Action and*

Milestones, а к числу вторых – CSCE – the Conference on Security and Cooperation in Europe.

В целом преобладают варианты с элиминацией служебных слов (1,5:1).

Наблюдения также показали, что некоторые капитализации образовались иным способом и представляют собой результат соединения различных усечений. Под последними понимаются сокращения, представленные более чем одной буквой исходного слова. Например, сокращение *FORCOM* появилось в результате соединения аббревиатур, образованных по принципу аросоре, т.е. отсечения конечных элементов исходных слов *forces* (*FOR*) и *command* (*COM*). При этом все буквы, независимо от их положения в базовом слове, в сокращенном варианте капитализировались.

Однако число таких сокращений сравнительно невелико. Они составляют всего 3,1% капитализаций, используемых в специальных текстах военной тематики. К ним, в частности, относятся следующие аббревиатуры:

EXCOM – *executive committee*;

PACOM – *Pacific Command*;

SERVQUAL – *Service Quality*;

STANAG – *Standardization Agreement*.

Совсем незначительное число аббревиатур, в которых одни элементы образованы по принципу аросоре, другие – по принципу синкопирования (1,2%):

PACFLT – *Pacific Fleet* (*Pac+flt*).

Гораздо чаще в специальной военной литературе наблюдаются смешанные случаи, когда сокращение-капитализация образовано на основе двух способов – акронимии и различных видов усечений. В этом случае одни слова в словосочетании, которое подвергается аббревиации, представлены только инициальной буквой (акронимия), другие – усечениями, т.е., как уже говорилось, элементами слов, большими, чем буква. Например:

MILSTRIR – *Military Standard Requisitioning and Issue Procedures*

Как видим, первые два слова словосочетания представлены в сокращении в усеченном виде (аросоре), а три последних лексемы репрезентированы в акронимическом виде, при этом служебное слово-союз, – опущено.

Приведем еще несколько примеров подобного рода сокращений, которые довольно часто можно встретить в текстах военной тематики:

CINCPACFLT – *Commander-in-Chief, Pacific Fleet*;

DFAS – *DE – the Defense Finance and Accounting Center in Denver*;

ECOWAS – *the Economic Community of West African States*;

ANGLICO – *air and naval gunfire liaison company*;

ARTEP – *Army training and evaluation program*;

COMMZ – *communication zone*;

MACOM – *major army command*;

TAACOM – *Theater Army Area Command*.

Всего такие смешанные случаи в рамках капитализаций составляют 11,1%.

И совсем незначительное число сокращений-капитализаций, в которых одно из слов представлено полностью. При этом все буквы данного слова капитализируются:

OPLAN – *operations plan*.

Как видно из данного примера, слово *plan* полностью сохранено в аббревиатуре, а первый элемент сокращения образован по принципу акронимии.

Сокращения подобного рода составляют лишь 1,1% всех сокращений-капитализаций.

Знакомство с военной научной и публицистической литературой позволяет сделать вывод о ярко проявляющейся тенденции к увеличению компонентов в рамках капитализированных сокращений.

Если раньше число элементов в редких случаях превышало пять, то в последнее время появилось немало многокомпонентных – шести- и даже семикомпонентных акронимов. Например:

TRADOC – *Training and Doctrine Command*;

AFATDS – *the advanced field artillery tactical data system*;

CINCPAC – *Commander-in-Chief, Pacific Command*.

Встречаются и восьмикомпонентные и девятикомпонентные сокращения-капитализации:

DFSCCOORD – *deputy fire support coordination*.

Здесь первые три компонента укладываются в рамки акронимического образования, а вторая часть – представляет традиционное “аросоре”.

Количество суперкомпонентных сокращений, состоящих из более чем десяти компонентов, весьма невелико.

Итак, преобладают трехкомпонентные сокращения-капитализации (43,5%). Вторую позицию занимают четырехкомпонентные сокращения (28,5%). Пятикомпонентные составляют 13,3%, а на шестикомпонентные приходится 6,9% всех капитализированных сокращений.

Значительно меньше двухкомпонентных КС – 3,2% и сокращений, состоящих из семи и восьми элементов – соответственно 1,3% и 1,9%.

На КС, состоящие из более, чем десяти компонентов, в общей сложности приходится 1,2%.

Эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее число капитализированных сокращений составляют среднекомпонентные сокращения. Вместе с тем в целом наблюдается тенденция к увеличению числа многокомпонентных сокращений. Если выборка из журналов десятилетней давности давала около 9%, то теперь КС, в которых насчитывается более пяти компонентов, составляют около 14%.

Подобное явление в определенной степени можно объяснить усложнением исходных понятий – названий организаций, должностей и т.д. в связи с общим усложнением и совершенствованием систем управления, модернизацией современных вооружений и пр.

Еще одна особенность сокращений-капитализаций – наличие аббревиатур в комбинации с цифровым индексом:

3M – *Material Management Manual*.

Вместо тройной редупликации (MMM) одной и той же буквы используется своеобразный множитель, который можно назвать индексом редупликации.

В графическом плане индекс редупликации инициальных букв акронимов может быть представлен по-разному. Наряду с уже упомянутым способом наблюдается и такой, при котором цифровой индекс представлен в форме указателя степени:

A2C2 – *Army airplace command and control*;

C2 – *command and control*;

C3 – *command, control and coordination*;

C2CM – *command control countermeasures*;

C4I – *command, control, communications, computers, and intelligence*.

Подобные аббревиатуры с цифровым индексом довольно часто встречаются в полевых уставах США.

Хотя терминология и стремится к максимальной однозначности, тем не менее, и сегодня наблюдается омонимия капитализированных сокращений. Ср., например, такие пары омонимов, получивших распространение в ВМС США, как:

FMSO – 1. *The Fleet Material Support Office*

2. *The Foreign Military Sales Order*

NSC – 1. *The National Security Council*

2. *The Naval Supply Centre*

SAO – 1. *Security assistance organizations*

2. *Security assistance officers*

Случайная выборка показывает, что среди военных сокращений омонимические КС составляют около 3%.

Существуют и омонимические корреляции между капитализированными сокращениями, принятыми в США и в Великобритании. Например, сокращение ETD в Великобритании расшифровывается как *estimated time of departure*, а в США это же сокращение имеет иную смысловую основу: *electronic tactical display*.

Таковы некоторые особенности сокращений-капитализаций, которые используются в специальной военной литературе.

Литература.

Алексеев Д.И. Графические сокращения и слова-аббревиатуры // Развитие современного русского языка. – М., 1963. Борисов 1972: Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. – М., 1972. Волошин Е.П. Аббревиация и аббревиатуры в лексической системе английского языка: автореферат. ... канд. филолог. наук. – М., 1966. Сегаль М.М. Аббревиация и аббревиатуры в современном английском языке: автореферат ... канд. филолог. наук. – Л.,

1964. *The DISAM JOURNAL*. – 1994-1995. *JFE: a professional military journal of the USA*. – 1995-1996. *The Army: a professional journal of the USA*. – 1993-1994. *The Navy Times: Marine Corps edition*. – 1996-1997.

А.М. Минкин, Н.Г. Дворецкая (Харьков)

ИНТЕГРАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ СИСТЕМ: ФРАНЦУЗСКИЕ БЕССОЮЗНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ГЛАГОЛЬНО-СУБСТАНТИВНОГО ТИПА

В высказывании – базовой синтаксической единице речи – синтезируются свойства как системно-языковых прототипов, так и собственно речевых. Подобный синтез свойств возможен в связи с тем, что язык есть виртуальность и потенциальность речи: он раскрывает свой пермиссивный характер, обеспечивая реализацию речи [Гийом 1992:92].

Язык предшествует речи, виртуальное предшествует актуальному. Вместе с тем, в актуализированной синтаксической структуре нивелируются ее языковые и речевые характеристики. В речевых построениях, всегда доступных нашему наблюдению, подчас трудно выявить собственно системно-языковые особенности. Поэтому уже на начальном этапе анализа речевых структур возникает необходимость определить хотя бы в общих чертах их потенциальные свойства как единиц языковой системы. Так, для интерпретации бессоюзных сложных глагольно-субстантивных высказываний (БСГСВ) важно располагать информацией о потенциальных возможностях функционирования глагола и имени в речи.

Глагол как центральная часть языковой системы сам по себе потенциально приспособлен для выполнения предикативной функции в предложении. Имя как элемент системы ориентировано на выполнение синтаксических функций компонентов, зависимых от глагола. В речи имя в роли номинативного предложения (НП) иногда выполняет предикативную функцию. Такое предложение всегда зависит от контекста.

В создании глагольно-субстантивных высказываний наиболее четко проявляется интеграция языковых и речевых свойств, поэтому особую значимость при изучении этих конструкций имеет аналитический подход к выявлению этапов рече-мыслительной деятельности.

Согласно концепции Г. Гийома [Гийом 1992 : 32-35], при универсальном движении мысли от общего к частному происходит трансформация первоначального объема понятия : он сужается до необходимого соответственно целям коммуникации, обозначая референтную ситуацию, поэтому по объему значения виртуальное в языке больше означаемого актуального в речи.

Формирование мысли как субстанции происходит в определенном временном отрезке, длительность которого определяется скоростью опе-

рациональных действий. Это так называемое "оперативное время" [Гийом 1992:181]. В пространстве этого времени, очевидно, и происходит интеграция виртуального и актуального, соответственно прагматическим целеустремлениям говорящего. Это позволяет конкретизировать процесс актуализации, который в теории праксематики рассматривается как определенный когнитивный механизм [Brès 1988:22].

Когнитивный подход к процессу актуализации (при переходе от виртуальной к актуализированной лингвистической реальности) позволяет представить также этапность динамики формирования мыслей, понятий, воплощающихся в одну из форм речевой единицы, в частности, в глагольно-субстантивное высказывание.

При переходе виртуального знака в речь (имя → именное предложение) происходит динамичное преобразование свойств знака: максимально проявляют себя лишь те семы, которые смогут обеспечить языковой единице реализацию функционального значения, в данном случае, способность имени - пропозитива одновременно называть ситуацию и утверждать идею ее существования. Это становится возможным благодаря тому, что в дискурсе реализуется взаимодействие сигнификативного (системно-языкового) и денотативного (речевого) значений элементов: абстрактно-ситуативное значение системы согласовывается в конкретно-ситуативным значением речи.

При речевой реализации имени активизируется, как правило, одно, наиболее важное для конкретной ситуации семное содержание, объем которого маркируется актуализатором - грамматическим средством языка. Степень собственно языковой актуализации, зависящая от объема передаваемой именем информации, оказывает влияние на выбор маркера (актуализатора или детерминатора), функция которого заключается в обозначении объема понятия, сформированного на когнитивном уровне.

Продуцируемое понятие фиксируется порционно, в "пространстве" оперативного времени в виде конкретной когнитивной операции, итогом которой является создание "предиката реальности" [Бенвенист 1974:181] в виде языкового знака с дозированным объемом информации. При этом синтезу понятий действия и времени соответствует языковой знак в форме глагола, а синтезу понятия и значения слова - знак в форме имени.

Естественно, что ориентация исследователей синтаксиса только на понятия объект, процесс и на категорию времени или же на морфологические признаки при изучении функционального потенциала глагола и имени оказывается неполной, поскольку основное различие между ними в системе частей речи состоит в уровне их инцидентности [Реферовская 1997:56-57].

Имя существительное само по себе обозначает определенную субстанцию; его значение не выходит за пределы обозначаемого им понятия и само слово имеет определенную морфоформу. Имя существительное само-

достаточно и не нуждается во внешней словесной опоре; артикль как актуализатор лишь фиксирует в речи объем понятия, который вмещает имя.

Напротив, глагол испытывает необходимость во внешней опоре. Это относится к категории лица. Характерно, что отсутствие действующего лица при инфинитиве делает его также семантически самодостаточным и сближает его с именем существительным. Именно внутренняя инцидентность создает благоприятные предпосылки для максимальной контекстуализации имени и инфинитива в виде самостоятельных предикатов.

Обозначая общие истины, сентенции, вне связи с временем, лицом, обстоятельством, как это делает глагол, имя функционирует в дискурсе как текстовый элемент констатации ситуации в виде высказывания: высказывания-вывода или высказывания-оценки. Конструкциям с такой прагматической ориентацией и соответствуют глагольно-субстантивные комплексы, постоянным признаком которых является структурно-семантическая асимметрия: информационно-насыщенная первая (глагольная) часть и лаконичная вторая (именная):

..... Brusquement Christophe se reveillait, pris d'une sourdre inquiétude. Il levait les yeux: la nuit. Il écoutait: le silence . . . Grand-père venait de sortir. Il avait un frisson. (R.Rolland).

..... Le pistolet àè poing, il sortit de la scupente: silence absolue ... Il descendit l'escalier, marcha, jeta un regard par la porte entrebaillée du salon: personne (H.Troyat).

В приведенных примерах смысловые отношения между предикативными частями отражают логическую последовательность: действие и его результат. Этапность действия фиксируется языковыми глагольными формами *imparfait* и *passé simple*, а значение результативности выражается субстантивными (речевыми) конструкциями с абстрактными именами. Таким образом, динамизм первой части нейтрализуется в смысловом плане статикой, выраженной во второй. Утвердительная констатация как разновидность бытийной функции придает именной части характер предиката реальности. Глагол-сказуемое в индикативной модальности (первая предикативная часть) констатирует наличие действия или предикативного признака (подлежащего); кроме того, вместе с относящимися к нему компонентами он семантически проецирует вывод или заключение. Это связано с тем, что препозитивная часть содержит аргументацию, мотивирующую последующий вывод с разной долей контаминации. Другими словами, аргументативная ориентация [Anscombe, Ducrot 1988: 303] мотивирует смысловую связь двух частей бессоюзного комплекса. В денотативном же плане это связи двух микро-ситуаций: событийной и оценочной.

Асимметрия конструкций предполагает текстовое выравнивание; видимо, по этой причине, в рамках одного смыслового мини-блока используется стилистический приём структурного параллелизма.

При определенном лексическом наполнении синтаксические модели рассматриваемых бессоюзных комплексов могут приобретать референтные свойства, которые являются собственно речевыми характеристиками высказывания. Установление референтных отношений связано с мыслительной деятельностью коммуниканта на уровне языка и речи [Гийом 1992:85]. Это объясняется тем, что на любом участке языкотворчества присутствует субъект как мыслящий (уровень языковой системы) и как мыслящий и /или говорящий, слушающий (уровень речи), что и составляет основу интерпретации языка и речи в речевой деятельности.

При рассмотрении явлений синтеза языка и речи на примере определенной синтаксической структуры возникает вопрос о ее статусе. Так, в изучаемых синтаксических комплексах глагольная часть реализуется в речи в соответствии с системно-языковыми проекциями, в то время как субстантивная приобретает предикативные функции в речевом контексте, роль которых во многом зависит от содержания первого элементарного предложения. Стало быть, бессоюзные сложные глагольно-субстантивные высказывание - это своеобразные контаминированные конструкции, в которых изначально выделяются собственно языковые и речевые части, свойства которых затем интегрируются в рамках всего комплекса.

Воспроизведение этих конструкций осуществляется по устойчивым моделям языковой синтаксической системы, в речи они приобретают денотативное значение и референтные отношения лишь при завершении когнитивного процесса актуализации, при целенаправленном использовании высказывания коммуникантом.

Подведем некоторые итоги.

1. В формировании и функционировании БСГСВ проявляется дополнительный характер потенциальных и актуализированных свойств элементов обеих систем. Не прогнозируемые морфологической языковой системой предикативные функции имени приобретают необходимое пропозитивное содержание, актуализируясь в речевом контексте.

2. В рассматриваемых комплексах происходит функциональное улучшение глагола и имени, что создаёт благоприятные условия, с одной стороны, для их сочетания в одной синтаксической конструкции, а с другой - для синтеза языковых и речевых свойств.

3. В пространстве оперативного времени осуществляется процесс формирования синтаксического знака - БСГСВ, изучение которого позволяет определить некоторые механизмы интеграции языка и речи в речевой деятельности.

Литература.

1. Anscombre, Ducrot 1988: Anscombre J. - C. et Ducrot O. *L'argumentation dans la langue*. - Liege - Bruxelles: Pierre Mardaga, 1988.
2. Bres 1998: Bres J. *Breve introduction a la praxematique /L'information*

grammaticale. Paris, 1998, n.77. 3. Бенвенист 1974: Бенвенист Э. Общая лингвистика. Прогресс, М., 1974. 4. Гийом 1992: Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Прогресс, М., 1992. 5. Реферовская 1997: Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. - Санкт-Петербург. Академический проект, 1997.

А.В. Михайлова (Харьков)

К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Данная статья посвящена проблемам развития одной из основополагающих категорий прагматики - директивных речевых актов и представляет собой попытку постановки принципиально новой задачи - анализа директивных РА в аспекте диахронии.

Актуальность и новизна такого исследования обусловлена тем, что в современных условиях прагматика речи продолжает оставаться в центре внимания лингвистов.

Директивные РА под разными названиями присутствуют практически во всех классических типологиях РА.

Так, Серль наряду с репрезентативами, комиссивами, экспрессивами, декларативами выделяет и директивы (Дж. Серль, 1986).

В классификации РА Г.Г.Почепцова по цели высказывания директивы выделяются среди констати́ва, проми́сива, менасива (угрозы), перформатива и квеситива.

Суммируя важнейшие характеристики директивных РА, которые выделяются большинством исследователей, перечислим следующие:

Директивный РА ориентирован на побуждение; имеет иллюкутивную силу побуждения; соотносится со вторым лицом; не соотносится с прошедшим временем; характеризуется отсутствием подлежащего; может быть реализован как прямо, так и косвенно.

Для того чтобы воздействовать на кого-либо и побудить кого-либо сделать что-либо, можно использовать как прямые, так и косвенные средства побуждения. Косвенные средства побуждения могут представлять собой предложения, различные по синтаксической структуре и семантике (Дородных, 1987).

Вслед за Г.Г.Почепцовым мы выделяем среди директивных РА

а) команды и приказы;

в) просьбы.

Небезынтересны и попытки более детальной классификации директивных РА.

Так, А.В.Дорошенко подразделяет директивные РА на:

1) прескриптивные РА (приказы, предписания, требования, запреты, разрешения, инструкции, назначения, увольнения, заказы и вызовы) You follow my advice

2) реквестивные РА (просьбы, приглашения, ходатайства, вопросы о разрешении) Please, forgive me, Lester

3) побуждающие РА (побуждения, разубеждения, предложения совместного действия, подстрекательства и советы) Let's go to Japan

4) предупреждающие РА (предупреждения, увещания, угрозы) (До-рошенко, 1986)

Leave my wife alone

Примеры взяты из произведений Драйзера.

Для сравнительно-исторического речеактного анализа нами было выбрано три временных среза - 16в, 19в и 20в. Наш выбор объясняется тем, что, в 16в в английском языке происходит становление литературного языка. Кроме того, в 16в идет формирование английского национального языка.

В свою очередь 19в и 20в относятся к позднеанглийскому периоду, периоду сложившихся норм национального языка.

Материалом нашего исследования послужили произведения художественной прозы английских и американских авторов. Всего проанализировано 3000 примеров. Проанализируем некоторые особенности директивов названных периодов и сравним полученные данные.

В нашей выборке директивных РА 16в обращают на себя внимание следующие особенности их локуции:

1) принцип вежливости реализован с помощью таких формул, как "I pray, "Pray you", "I charge you", "I beseech", "Pray thee", например:

- Speak the speech, I pray you /Shakespeare "Hamlet" p71/

- I do beseech you, give him leave to go /Shakespeare "Hamlet" p35/.

С течением времени данные формулы были заменены иллокутивным индикатором "please".

В 20в данные формулы можно считать полностью устаревшими. Директивы, содержащие "I pray", "I beseech" и т.д. составляют в художественной прозе 16в - 11% примеров нашей выборки 16в.

2) наше исследование показывает также, что директивные РА 16в содержат в своем составе обращения, которые ныне можно считать устаревшими. К таким обращениям относятся: "Good gentleman", "Good sir", "My Smeet sir", "Good + имя собственное", "Pretty /honest + имя собственное", например:

- I pray you, good Horatio, wait upon him /Shakespeare "Hamlet" p111/

- Sweet Gertrude, leave us too /Shakespeare, "Hamlet" p.67/.

Примеры, содержащие подобные обращения, составляют в художественной прозе 16в - 4.5% директивов.

Следует отметить, что в 16в речевой этикет имел огромное значение. Известно, что в 16в существовали своды правил вежливого обхождения.

В официальных ситуациях правила этикета предписывали обращаться к вышестоящим знатым людям, используя титул и от одного до трех гонорифичных прилагательных в положительной, сравнительной и превосходной формах. Такие этикетные формулы полагалось использовать как можно чаще. Это считалось нормой для 16в (Шевченко, 1997).

В это время обращение по имени было совершенно не типично среди знати. Даже названия профессий сопровождалось гонорифичными прилагательными (Good doctor).

3) Среди директивов 16в нами, также выделены директивы, имеющие следующую отрицательную форму, выраженную структурами типа:

- Speak not Put not your foists upon me. Shrink not

Следует отметить, что подобная отрицательная форма императивов вышла из употребления с развитием аналитичности английского языка в 18в.

Подобные примеры, по нашим данным, составляют 4% от общего числа.

4) Нами зафиксированы директивные перформативы со значениями повеления в художественной прозе 16в. Например: "Be ruled by me; forget to think of her" /Shakespeare "Romeo and Juliet".

Такие директивы по нашим данным составляют 3.5% в выборке 16в.

Локутивный аспект директивных РА существенно изменяется к 19 в. Обращает на себя внимание следующее:

1) наблюдается обsolesцизация таких форм, как "I say", "I pray", "I beseech" и т.д.

Согласно нашему исследованию такие выражения в художественной прозе 19в составляют лишь 1%.

- My Poor Misteress is ill... Pray, come and persuade her to go to bed / E. Bronte "Wuthering Heights" p125/.

2) заметно уменьшается количество директивов в пассивной форме. Так, в художественной прозе 19в такая форма директива составляет лишь 1.5% от общего числа.

При сравнении директивных РА, взятых из двух временных срезов (16 и 19вв), обращает на себя внимание некоторое увеличение количества косвенных директивов. Так, в художественной прозе 19в такие директивы составляют 3%, а в 16в - лишь 1%.

Характерной особенностью директивных РА 20в является прежде всего полная обsolesцизация форм "I pray", "I charge", "I beseech" и полная замена этих выражений словом "please".

Согласно нашему исследованию, директивы с "please" составляют 60% в художественной прозе 20в.

Представляет интерес и тот факт, что в 20в количество косвенных директивных РА заметно возрастает и среди директивов 20в они составляют уже 9%, например:

-Why don't you just go ahead and keep one of those things that I got for you? /B.Malamud "Assistant" p.95/

Кроме того, представляет интерес и такой факт, что среди директивов 20в полностью отсутствуют директивы в пассивной форме.

Все сказанное выше свидетельствует о многообразии локутивного аспекта директивов в английском языке, а также о существовании изменений, которые претерпел этот РА на протяжении своего исторического развития.

Литература.

1) Дородных А.И. Грамматика речевого общения. Х., 1997. 2) Дорошенко А.В. Побудительные РА и их интерпретация в тексте Автореф. канд.-дисс., М., 1983. 3) Почепцов Г.Г. Коммуникативная семантика. М., 1986. 4) Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1965. 5) Шевченко И.С. Проблемы обращений и приветствий в исторической прагматике // Актуальні проблеми теорії комунікації 1987, с 171-174.

И.И. Морозова (Харьков)

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖАНРА ПИСЬМА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИНЫ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Феномен языковой личности уже несколько десятилетий находится на стыке исследований лингвистики, психологии, философии, социолингвистики. Компоненты словосочетания "языковая личность", квалифицируемого как терминологическое, указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а во-вторых, - на индивидуально-дифференцирующую характеристики. Двухместное содержание обеих в совокупности соответствует двум точкам обозримого и подлежащего изучению индивидуально-деятельностного поля (Караулов 1987; Coupland 1993; Fasold 1990). Данные исследователи оперируют понятием "языковая личность", понимаемом как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью.

Различные речевые жанры в разной степени пригодны для изучения языковой специфики личности. М.М. Бахтин считает, что некоторые жанры, например, многие виды деловых документов, словесные сигналы на производстве, военные команды, регламентированы настолько, что практически не оставляют места для проявления личностных особенностей, а другие речевые жанры, например, научный, привязаны к конкретным сферам речевой деятельности, поэтому в пределах каждого такого жанра может проявиться лишь часть языковых навыков и умений человека, а именно

те, которые нужны в данной сфере речевой деятельности (Бахтин 1979:241). Для того, чтобы описать весь спектр, следует изучать речевую деятельность личности в достаточно представительном наборе жанров. Набор жанров, которыми владеет и пользуется человек, также является одной из важнейших характеристик его языковой личности.

Эпистолярный жанр обладает высокой степенью универсальности, т.к. письма отражают практически все сферы человеческой деятельности. Более того, жанр писем замкнут относительно ответной коммуникативной реакции, ибо ответ на письмо пишется, как правило, тоже в жанре письма. Благодаря этому письма естественно выстраиваются в комплексы более высокого уровня: пара "письмо-ответ", цепь взаимосвязанных писем двух корреспондентов между интервалами в переписке, полная переписка двух лиц, корпус писем одного автора к разным адресатам. С повышением ранга этих комплексов в их структуру все более вторгается такой фактор, как биографическое время, что дает возможность лингвисту исследовать и реконструировать динамику языковых навыков и умений.

В статье сделана попытка реконструкции биографической динамики речевого поведения языковой личности на основе писем. Материалом послужила переписка писательницы и поэтессы Кристабель ЛаМотт и поэта Рендолфа Генри Эша, героев романа А.С. Байетт "Обладание" (A.S. Byatt "Possession"). Эта переписка относится к 1860-м годам, времени, называемом Викторианской эпохой.

В данной переписке можно выделить два периода, когда изменению подвергались самые существенные особенности строя писем: 1. коммуникативные, 2. структурно-композиционные, 3. содержательно-тематические.

Для первого периода характерно то, что большинство писем написаны в ответ на некоторое встречное письмо адресата. С этим связана такая важная коммуникативная особенность писем этого периода, как заданность круга адресатов извне. Кристабель только отвечает тому, кто пишет ей, но не выбирает адресата.

Наиболее характерной особенностью внутренней структуры писем этого периода является диалогичность. В каждом письме присутствует некоторый образ адресанта, который создается благодаря цитированию в письме его высказываний или прямым побуждениям адресанта к продолжению общения. Такой параметр эпистолярного жанра, как "диалогичность", обусловлен количеством побуждений адресанта к высказыванию. Другими признаками диалогичности являются:

а) сочетания личных и притяжательных местоимений второго лица со глаголами говорения:

Have you truly Weighed - what you ask of me? (Byatt 1990: 178)

You say you can not imagine Jane. (Byatt 1990:178)

I have not answered yr question about my Fairy Poem. (Byatt 1990:161)

б) обращенные к адресату повелительные формы глаголов говорения и письма:

Dear Sir - forgive me my excited prolixity - and send, when you may, if you will, your Swammerdam to edify. (Byatt 1990:161)

Now Mark - never write of your interest in my work as possible Intrusion. (Byatt 1990:180)

в) вопросы к адресату:

Or am I too Simple? Was he - so loved, so absent, so cruelly dead - merely Man? (Byatt 1990:167)

Will you say what you mean? Are you like the Apostle, all things to all men? Where - where have I led - myself? (Byatt 1990:167)

Отличительной особенностью содержательной стороны писем первого периода является экстравертность, зависимость тематики от тематики встречных писем, их объективированность. Кристabelle почти не касается своей внутренней душевной жизни. Даже говоря о себе, о своем творчестве, она преимущественно останавливается на его внешней, объективируемой стороне, т.е. ведет речь не о своих произведениях, а об обстоятельствах работы над ними.

I will tell you how the project began - quite back in the mists of time - when I was a child at my father's knee - and he was completing his *Mythologie Francaise* - of which great task I had only an inking and a wild surmise - I did not know what it might be, his magnum opus as he jokingly said - but I did not know, that I had a Papa who told better tales than any other Papa - or Mama - or nursemaid - that could possibly be imagined... He told me the tale of *Melusine* - often and often - We have the *Dames Blanches* - I translate white-ladies amongst whom my father said *Melusina* might be numbered, in some of her aspects - for she appears - to warn of Death. (Byatt 1990:173)

Еще одной существенной особенностью писем первого периода является их прозаичность. Это свойство, по мнению С.И. Гиндина, "заключается в особенностях содержательно-тематической стороны писем и состоит в реальном существовании объектов, о которых ведет речь автор. Область, из которой берутся факты и события, может быть любой, от быта до поэтики, но во всех случаях речь идет о фактах, объектах, лицах, существовавших или существующих в действительности". (Гиндин 1989:69)

I write to you from an unhappy House - and must be brief - for I have an invalid dependent on me - my poor Blanche. (Byatt 1990:172)

The other members of the household - the servant Jane, my little dog Tray and Monsignor Donato, the canary, are of no help. Jane is a clumsy nurse - though diligent - and dog Tray trundles to and fro looking - not commiserating - but reproachful that we do not accompany him to the park, or hurl interesting sticks for him. (Byatt 1990:173)

Коммуникативной стороне писем второго периода присуща резко выраженная субъективная манера, заметно увеличившаяся доля инициативных писем.

Во внутренней структуре писем росту инициативности соответствует сокращение параметра диалогичности. Коммуникативный образ адресанта из писем практически исчезает.

And then out there - where the Rainbow stood out on the dark air over a
drowning World - no Lightning struck those Trees, nor trickle along their Wooden
Limbs to earth - yet flame licked, flame enfolded, flame looped veins - burned
up and - utterly consumed -

Struck trees die black

Fire in the Air

Leaves not a Wrack

Of bone or hair - (Byatt 1990:194)

В прямой связи с инициативностью и монологичностью писем второго периода находится и почти полная интравертированность их тематики. Главная и преобладающая тема большинства писем - сама автор, ее переживания и заботы.

I see whole beeves of shooting stars - like gold arrows before my darkening eyes - I Have a small light space to say - oh what? I cannot let you burn me up. I cannot... I should go up - not with the orderly peace of my beloved hearth here with its miniature caverns of delight, its hot temporary jewel-gardens with their palisadoes and promontories - no - I shall go up - (Byatt 1990:194)

Таким образом, анализ эпистолярного поведения языковой личности может использоваться для ее моделирования, а это, как считает Ю.Н. Караулов, "позволит избежать редукционизма в ее изучении" (Караулов 1987:5), т.е. максимально достоверно и полно отобразить данную языковую личность. Модель языковой личности станет более многогранной, если во внимание будет также принят фактор интерперсональных отношений, а именно, формирование личности в социальной среде, в которой эта личность функционирует. Это в свою очередь диктует необходимость исследовать речевое взаимодействие коммуникантов путем включения личности в систему более высокого порядка и изучения ее в единстве с условиями социальной среды.

Литература.

1. Бахтин 1979: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. - С. 241.
2. Гиндин 1989: Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность. М., 1989. - С. 63-78.
3. Караулов 1989: Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. - С. 3-8.
4. Караулов 1987: Караулов Ю.Н. О предпосылках включения "языковой личности" в объект науки о языке // Русский язык и языковая личность. М., 1987. - С. 3-27.
5. Byatt 1990: Byatt, A.S. Possession. - London: Vintage, 1990.
6. Coupland 1993: Coupland, N. Discourse and Lifespan Identity. - London: Sage Publications, 1993.
7. Fasold 1990: Fasold, R. N. The Sociolinguistics of Language. - Oxford: Basre Blackwell, 1990.